ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО
ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033
АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ
ВОЙНА КРОТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

«Война кротов» — первая книга серии не о России. Место действия — постъядерный Киев. Время действия — 2033 год. Герой — человек, которого настоящее Приключение вырывает из мирной жизни, а на карте оказывается покой его родной станции, жизнь близких и судьба всего Киевского метро…

- Александр Шакилов
  - Стирая границы
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

Александр Шакилов
МЕТРО 2033: ВОЙНА КРОТОВ

Стирая границы

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Этот момент настал. Отныне «Вселенная Метро 2033» — это не только Россия.

Место действия романа Александра Шакилова — постъядерная Украина, бывший город Киев и, конечно, его метрополитен. Киевское метро мало чем уступает московскому — разве что размерами и разветвленностью. Во всем остальном оно — тот же грандиозный противоатомный бункер. Случись ядерная война, киевляне спасутся в нем так же, как москвичи — в своем.

В моем «Метро 2033» герои размышляют — выжил ли кто в других городах бывшего СССР, где было метро. Александр Шакилов в своей «Войне кротов» объявляет: выжил! Жизнь у героев его книги трудная. Каждую секунду им грозит смертельная опасность. Но братский народ по своей способности выживать и приспосабливаться еще даст нам фору.

Конечно, на украинской экспансии «Вселенной Метро 2033» мы не остановимся. «Metro 2033: Britannia» англичанина Гранта МакМастера уже дописан. Я только что закончил его читать и отправил на перевод. Книга выйдет на русском в марте и приоткроет нам карту Великобритании в 2033 году.

Книга будет удивительная и очень английская: герой будет держать оборону старинных замков и церквей от чудовищ и варваров, путешествовать вместе с цыганским караваном, влюбится запретной любовью, сядет в единственный на всю Британию уцелевший поезд — все, чтобы попасть в мрачный и загадочный Лондон, куда работорговцы угнали его семью.

Итальянский писатель Туллио Аволеде обещает захватывающую книгу о Риме и Венеции: историю монаха-воина, странствие по разрушенной и отравленной Италии на гигантском грузовике — бродячей крепости-церкви, невероятные открытия и южные страсти.

В проекте хотят принять участие авторы из Индии, Швейцарии, Америки и Японии. И, разумеется, мы продолжим публиковать романы о Москве и других российских городах.

«Метро 2033: Война кротов» — юбилейная, десятая книга нашей серии. А сколько их будет всего, решать вам. Ведь «Вселенная Метро 2033» — безгранична!

Дмитрий Глуховский.

Глава 1
БОБ ДИЛАН

— Я тебя съем! — осклабился нигериец, дыша Серёге в лицо.

Зубы у бродяги были неприлично белыми. В отличие от рожи, словно измазанной дёгтем.

На миг Сайгон — так называли Серёгу на Святошине — позавидовал ему. В метро только один стоматолог, и тот пользует пациентов плоскогубцами и ручной дрелью. Палач, а не целитель. И обитает он на Вокзальной, а туда ещё попробуй доберись, к тому же это территория блаженного старца Лёнчика Космоса…

Ничего, Сайгон отучит нигерийца хвастать прикусом, пусть только разок проколется. Давай-ка, одно неверное движение. Ну же, ну!..

Жаль, бродяга вовсе не спешил глупить. Наоборот — пальцы на горле пленника словно превратились в арматурные пруты. Ещё двое африканцев держали Сайгона за руки. И двое за ноги. Они из племени йоруба и поклоняются Огуну. Перед тем как Сайгона сшибли с ног, он увидел на мачете и цепях пришлых знаки бога войны.

Иммигранты, пацюк их закусай! Понаехали! Нашли приют в метро, когда три с половиной миллиона земляков Сайгона умерли от лучевой болезни и бактериологического оружия! Чего-чего, а этой дряни враг для Киева не пожалел.

— Съем! — вновь клацнули безупречные зубы.

На ферме Сайгон хозяйничал в одиночестве, так что на помощь прийти некому, кролики и хомяки в клетках не в счёт — бойцы из них никакие. И куда, скажите, смотрит охрана станции? На разряженных по случаю праздника девиц? На шашлыки из крольчатины и тазики с маринованными грибами? Проморгали нигерийцев, эх, проморгали!

Хорошо хоть Светка, дражайшая супруга, и сын Андрюшка внизу, на платформе. Им весело — вокруг пластмассовой ёлки хороводы водят. Тридцать первое декабря как-никак, все отдыхают. Один только Сайгон… Ну да кто ему, трудоголику, виноват, что не любит он песни и пляски? Сидел бы сейчас в сторонке, попивая самогон или картофельную брагу. Так нет, попёрся к турникетам, где много лет назад выбил местечко для зверья!..

Пальцы нигерийца сжались сильнее. Сайгон успел набрать воздуха в грудь, но глаза уже затягивала багровая пелена. Когда она станет белой, не станет Сайгона.

— Я тебя съем! — услышал он будто издалека.

Сайгон не мог даже рукой пошевелить, вообще никак! Оставалось смириться и ждать смерти. Но сдаваться он не умел. С первых дней в подземке чётко уяснил: упал — поднимайся, не можешь подняться — ползи, делай хоть что-нибудь. И не путай судьбу с глупостью и ленью.

Старики говорят, что смерть — это старуха в балахоне и с косой в артритных мослах. Ничего подобного. Смерть — это молочно-снежная равнина, куда ни кинь взор.

Нигерийцы лопотали что-то на своём языке, а Сайгон думал о том, куда попадёт, когда сдохнет. В ад, который вовсе не под землёй? У ада другая прописка вот уже лет двадцать: на поверхности планеты. Бывает ли теперь над городом радуга? Вряд ли…

Какие-то не те мысли перед смертью, верно?

Это потому, что Сайгон не собирается умирать по-настоящему.

Хватка на горле ослабла. Йоруба отпустили добычу, поднялись. Решили, что дух зверовода отправился на ПМЖ к предкам. Похоже, Сайгон их разочаровал — слишком быстро окочурился, слабак.

Отойдя к двери фермы, каннибалы заспорили о дальнейшей судьбе жертвы. Просто разделать труп и употребить в пищу нельзя, надо провести обряд. Но это опасно: а вдруг кто заявится и поднимет тревогу? Сайгон ни слова не знал на их языке, да только не надо быть полиглотом, чтобы сообразить, о чём речь. В метро чужие наречия быстро становятся понятными. Все люди братья. Феномен, да?

Сайгон открыл рот, жадно заглотнув как можно больше воздуха. Только бы не закашлять! И хоть на него пока что не обращают внимания, нельзя выдать себя раньше времени!

Нигерийцев было пятеро. Худые. Всей одежды — набедренные повязки из грязной гнилой ткани. Вооружены цепями и мачете. Огнестрела нет. Вроде бы нет. Но лучше исходить из того, что есть. Оптимисты живут весело, но недолго, а Сайгон намерен ещё понянчить внуков и впасть в старческий маразм.

На ферме царил полумрак. Экономя ресурс ламп, центральное освещение здесь врубали на четыре часа в сутки. Карбидки вполне достаточно, чтобы ухаживать за животными. А нигерийцы явно привыкли обходиться без фонарей. Научились видеть в темноте? Ну-ну. Захочешь выжить во мраке туннелей, и не так извернёшься…

В клетках тревожно замерли хомяки, кролики вставали на

задние лапы. Будто почуяли, что скоро начнётся заваруха. Бродяги вот-вот пустятся в пляс над поверженным врагом. Огун оголодал, ему нужна кровь.

Пока нигерийцы беседовали, Сайгон медленно протянул руку к третьей клетке справа. Пушистый белый кролик отпрянул, едва не перевернув миску с водой. Под клеткой кое-что лежало.

Ме-е-едленно.

Медленно, пацюк тебя закусай!

Чтобы каннибалы не заметили…

Ну же, ну-у!..

Наконец пальцы ощутили холод металла, скользнули вдоль лезвия и вцепились в рукоятку. И будто сработала пружина — Сайгон рывком подтянул к себе нож, который хранил здесь на всякий случай. Тело отозвалось болью. Таки здорово ему намяли бока, пару рёбер небось сломали. Ну ничего, Сайгон вернёт должок с процентами!

Удивительно, но его воскрешение осталось незамеченным. Что ж, тем хуже для бродяг.

Захрипев, он размахнулся и метнул нож в нигерийца, что был на голову выше сородичей. Этот показался Сайгону самым опасным. Авось удастся сократить число чужаков. А если нет, охрана наверняка услышит крик боли.

— У-у-у! — завыл нигериец, вытаскивая из плеча окровавленное лезвие.

Вообще-то Сайгон метил в горло и очень огорчился промаху.

Раненый бродяга развёл руки в стороны — в одной мачете, в другой обрывок цепи. Он осклабился и заухал. С зубами у него было похуже, чем у того подонка, что обещался поужинать Сайгоном. От брови до подбородка лицо рассекал рваный шрам, одного глаза не хватало. Красавчик!

Сайгон медленно, будто опасаясь привлечь внимание, поднялся.

Каннибалы замерли, вот-вот набросятся на жертву, которая вдруг вернулась из страны предков. Пару лет назад Сайгон участвовал в облаве на собак, что в великом множестве расплодились в туннеле между Святошиным и Житомирской. Так вот псы, пристрастившиеся к человечине, вели себя точь-в-точь как нигерийцы: замереть перед прыжком — это был их любимый приём. Собак тогда извели усилиями двух станций. С бродягами будет точно так же.

Раненый кинулся на фермера. Цепь свистнула над головой — Сайгон едва успел пригнуться. И тут же у виска сверкнуло лезвие мачете. И опять цепь — на этот раз нигериец метил по ногам. Сайгон подпрыгнул, звенья высекли фонтанчик искр из

каменного пола. Задолго до войны маленький Серёжа побывал с отцом в цирке. Особенно ему понравились акробаты. А сейчас Сайгону только трико не хватает, чтоб быть похожим на циркача. Но долго так скакать не получится — нигериец обязательно достанет его.

Сайгон быстро оглянулся в поисках выхода и едва не пропустил удар. С трёх сторон стены из клеток, с четвёртой решётчатая дверь и почитатели Огуна. Надо было закрыть дверь за собой, когда пришёл на ферму, почему не закрыл? Вряд ли каннибалы разрешат ему пройти мимо или вскарабкаться наверх.

Высокий нигериец заметил его растерянность и расхохотался. Он не спешил убивать противника. Это пляска в честь бога войны, понял Сайгон. Сородичи радостно ухали, подбадривая одноглазого великана.

Святошинец вообще-то и сам не карлик: метр восемьдесят пять, плечи широкие. Но нигериец выглядел куда внушительнее. Голод и потеря крови, конечно, сказывались, но всё равно бродяга двигался стремительней разъярённого пацюка.

Бедро словно обожгло кипятком — цепь ударила чуть выше колена. Сайгон вскрикнул. И тут же обнял нигерийца, будто родного, — за миг до того, как самодельное мачете едва не раскроило ему череп. Он с ходу ткнулся лбом в приплюснутый нос каннибала. Брызнула кровь. Одноглазый отпрянул, мотая головой, но Сайгон не собирался его отпускать — с хрустом вогнал кулак в кадык. Нигериец застыл на месте, из рук его выпало оружие, и сам он, хрипя и булькая, осел на пол.

Минус один. Сайгон подхватил мачете и сместился к стене из клеток, так, чтобы враги не зашли со спины. Его била нервная дрожь. Никогда ему не нравилось убивать людей, пусть даже последних ублюдков.

И вот тут каннибалы как-то подрастерялись. Тот бродяга, что грозился съесть Сайгона, очнулся первым. Он залопотал что-то на своём языке, размахивая руками. Мол, братва, рассредоточимся и завалим гада, месть — это святое, а потом покинем эту станцию, пока святошинцы нас не угробили. Его волосы были выбриты на висках, на верхней губе топорщилась щетина. По груди, конечностям и впалому животу змеились безобразные шрамы. Непонятно, как человек, получивший такие раны, вообще сумел выжить, не говоря уже о том, чтобы самостоятельно передвигаться.

— Только сунься ко мне, — предупредил Сайгон, — и я пересчитаю твои красивые зубы!

Внизу, на платформе, послышались крики. Сайгон различил голоса Болта и Кашки, которым нынче выпало дежурство. Помощь

уже в пути. Продержаться бы… Сколько? Полминуты? Больше? Как быстро парни пройдут через хороводы, обогнут отделанные мрамором колонны и преодолеют два пролёта лестницы, в каждом по двенадцать ступенек?

Зубастый нигериец — новый вожак — отдал приказ своим людям. Те тут же растворились во тьме, отсекающей ферму от станции.

На границе света вожак обернулся.

— С Новым годом! — осклабился он и, широко размахнувшись, швырнул мачете туда, откуда Сайгон ждал помощи.

Истошно закричал Кашка. Грохнули выстрелы. Сайгон вмиг распластался на полу. Болт — а стрелял, конечно, он — никогда не был снайпером. Скорее наоборот — о его поразительной «меткости» рассказывали анекдоты. Выстрелы стихли. Болт громко выругался насчёт заговоренных ловкачей, которых пули не берут.

Сайгон вскочил. Освещая карбидкой путь, он протиснулся мимо турникетов. Кашка баюкал рассечённое плечо, из которого хлестало алым, над ним суетился Болт, не столько помогая, сколько мешая товарищу перевязать рану.

— Где они? — На Сайгона как-то разом навалилась усталость — сказывалось дикое напряжение последних минут.

— В туннель ушли. — Болт отступил от Кашки. Тот высказал ему всё, что думает о первой помощи безруких идиотов. — Пусть уходят. Опасно соваться. Да и праздник.

Сайгон кивнул.

— У меня жмур на ферме. Убрать бы… Скажешь, что ты отличился, я свидетель.

— Организуем! — Болт знал, что его накажут. Кашка-то пострадал в бою, и потому с Болта спросят за двоих, мол, проморгал чужаков, виноват. Так что поначалу он обрадовался — будет чем оправдаться. А потом скривился: — Ну и гад же ты! Неохота ручки марать, вот и кинул подачку?

Иного Сайгон от него и не ожидал. Усмехнувшись, потопал вниз:

— Не за что. Карбидка вот тебе, потом вернёшь. А то, небось, и фонаря не захватил, охранничек.

Навстречу ему, прыгая через три ступеньки, нёсся сын Андрюшка, светлокудрый в мать и голубоглазый в отца. Запыхался, раскраснелся.

— Ты чего это? — Сайгон подхватил сына и прижал к груди.

Быстро-быстро стучало маленькое сердечко.

— Так ведь напали… спасать… — едва продохнул Андрюшка.

— А нож хоть есть? — мягко спросил Сайгон, чтобы не смутить мальчишку, которому едва исполнилось восемь.

Сын часто заморгал, сообразив, что поступил глупо:

— Нету…

— Проказничаешь? — Светка подкралась незаметно, пока Сайгон сюсюкался с сыном. — А говорил, работать будешь.

Ну как же в драке без неё? Явилась на выручку, прихватив дробовик — у Митьки Компаса отняла, не иначе. И топор в чехле на поясе.

Сайгон поморщился: топор годится, а вот дробовик… Его могло заклинить в самый ответственный момент или ещё что. Да и вообще Сайгон недолюбливал огнестрельное оружие: грохоту много, пули рикошетят от стен, летят куда хотят…

Он деланно нахмурил брови, глядя на жену:

— Чего пришла? Праздник закончился?

Светка пожала печами. Налитые груди её при этом колыхнулись так, что у фермера защемило внутри — будто в первый раз красоту такую увидел.

Светка откинула за плечо непослушную прядь волос.

— Так ведь пацан батьку кинулся выручать, а я за ним. Думаешь, из-за тебя примчалась? Больно надо!

Внизу уже собралась толпа. Люди с тревогой смотрели на Сайгона. Пальцы сжимали обрезки кабелей, чернели стволы пистолетов. Молотки и ножи, самодельные луки… Сайгон насчитал всего два автомата. Мягко говоря, вид у святошинцев был не боевой. Бродяги забредают сюда редко, от зверья, обитающего в туннелях, отбиться всегда получалось, так что…

Грех жаловаться, верно. Еды хватает: крольчатина, грибы, слизни, картофель, даже подобие чая из плесени — и то есть! Быт за много лет кое-как наладили. Потому-то население станции с каждым годом увеличивается, уже сейчас места не хватает, а что будет дальше?..

Долго у них со Светкой не получалось завести ребёнка. Уж они старались и днём, и ночью — все никак, пшик. Отчаявшись, Сайгон отправился на станцию Академгородок к бабке-знахарке на поклон. Её заслуга или совпало так, но Андрюшка, отцово счастье, здоровенький родился.

Толпа раздвинулась. Показалась сгорбленная фигура в «аладдине». Это Митька Компас. Как-то по молодости он с командой мародёров разок поднялся на поверхность. С тех пор Митька потерял половину зубов, все волосы, едва ходит, но мнит о себе невесть что: мол, круче меня на станции нет никого.

Компас шагнул вперёд и прошамкал:

— Так чего там? Что вообще, а?

Сайгон хотел было рассказать, что он думает об охране станции, но, к своему удивлению, выдал следующее:

— Десяток кролей. Угощаю. Праздник всё-таки!

У Митьки Компаса челюсть так и отпала. Никогда ещё Сайгон не делал подарков. Видать, на ферме произошло что-то невообразимое, раз этот скряга расщедрился.

Толпа резко подалась назад, когда Сайгон спустился на платформу с Андрюшкой на руках. Светка грациозно скользила рядом. В любой момент она готова выхватить топор. Годы мирной жизни так и не вытравили из неё ужас первых дней в подземке. Стройная фигура, округлые бёдра… Столько лет вместе, считай с самой эвакуации, а Сайгон всё не налюбуется супругой.

И вдруг перед глазами промелькнуло: корейский джип, пробки на дорогах, перекошенные от страха лица…

* * *

Корейский джип, собранный в Кременчуге, несся по тротуару.

Елена Владимировна, учительница по русскому и литературе, ругаясь, жала на клаксон. Присутствие учеников её не смущало. Ошалевший народ шарахался из-под колёс.

Серёжа то и дело закрывал глаза, опасаясь, что руссичка собьёт нерасторопную бабку или мамашу с коляской. Он прижимал к груди клетку с кроликом Степашкой. Рядом, на одном с Серёжей кресле, сидела Светка, самая красивая девчонка школы. Ей доверили эвакуировать толстого, вечно сонного хомяка Кузьму. Остальные ребята из юннатского кружка располагались сзади. Спасению подлежали также рыбки в аквариуме, ужи, которых наспех запихнули в трёхлитровую банку, и попугайчики.

Джип резко вильнул, снеся урну: обёртки, окурки, пивные банки. Кусок бампера покатился по асфальту. Елена Владимировна, которая после уроков вела кружок, крепче вцепилась в руль и прикусила пухлую напомаженную губу. Тротуар всё-таки! Ну а где ехать, если дороги перекрыты военными?! Пусть гаишники выпишут ей штраф и даже отберут права! Но это потом, а сейчас…

На подъезде к станции метро Святошин таращились на «пробку» стволы пушек. Серёга насчитал десяток танков, обвешанных динамической защитой. На броне крайнего справа Т-80 стоял седой мужчина в камуфляже и уверенным голосом вещал в мегафон, что гражданское население должно сохранять спокойствие, отставить панику, что это всего лишь учебная

тревога. По лицу мужчины ручьями стекал пот, а руки дрожали так сильно, что было ясно — врёт он все, тревога вовсе не учебная.

А ведь утро так хорошо началось! Вкусный завтрак на столе. Отец прислал письмо, мать обещала отдать конверт после уроков: «Покажешь хоть одну пятёрку в дневнике — и письмо твоё!». На первом же занятии он прочёл с выражением «Заповит»,[1] его даже похвалили. А потом вдруг завыли сирены гражданской обороны…

Елена Владимировна, по которой сохла вся мужская часть школьного коллектива, резко ударила по тормозам. Визг покрышек. Джип протащило по асфальту и ткнуло в борт БМП, выскочившей откуда-то справа. Мгновенно надулись подушки безопасности, прижав учительницу и Серёгу со Светкой к креслам. Это было неприятно.

— Выходите из машины! Живо!!! — крикнула Елена Владимировна. — Бегите в метро!!!

Водительскую дверь заклинило, зато сзади послышались хлопки замков. Больше Серёже не суждено было увидеть юннатских рыбок, попугайчиков и ужей, а вместе с ними Макса из параллельного класса, Маринку Иваненко и белобрысого Ярика…

Маринка всю дорогу пыталась связаться с родителями. Так и не сумела: «Нет доступа. Сеть перегружена. Попробуйте отправить абоненту эсэмэс или позвоните чуть позже».

— Не стойте! К метро! Живо!!!

Автоматная очередь заглушила рёв клаксонов. Вспыхнула маршрутка — жёлтый, как лимон, «богданчик» дымил чёрным, кричали люди, сыпались осколки стекла… Светка запуталась в ремне безопасности. Серёжа случайно прижался носом к её плечу и почувствовал вкусный запах. Клубничный вроде.

— Помочь? — пророкотало рядом.

Дверь распахнулась. Сильные руки вытащили наружу Светку, затем Серёжу. Елена Владимировна проворно выбралась следом. Из кормы БМП выпрыгивали вооружённые люди и тут же рассредоточивались — приказ: отсечь взбунтовавшихся людей от метро. Толпа как раз прорвала цепь милиционеров с дубинками и щитами.

Загрохотали автоматы. Светка вскрикнула. По лицу Елены Владимировны побежали чёрные от туши слёзы. Здоровенный детина в десантном комбезе схватил её за руку и потащил за собой. Она не вырывалась, лишь жалобно причитала, чтобы детей взяли вниз, они должны выжить. Десантник вдруг остановился, наморщил лоб и, улыбнувшись Светке, кивнул. Серёже почему-то сразу не понравилась эта улыбка.

А потом они долго бежали. Вокруг метались люди. Старушки

со связками пожитков сидели на ступеньках и устало глядели в пустоту Коптила небо ЖД станция. Мерцал свет в запутанном подземном переходе… Солдатики, ненамного старше Серёжи, не хотят пускать их в метро, мол, приказ, не положено. Треск укороченного автомата, пятнистые фигурки падают…

И вот платформа.

Людей — не протолкнуться. Елена Владимировна потерялась. Хохоча, десантник облапил Светку и куда-то потащил. Он таранил толпу, как атомный ледокол торосы в Заполярье. Серёжа кинулся следом, лупя его по спине кулаками. Вояка лягнул назад, попал в мягкий живот…

Валяясь на платформе, Серёжа видел, как на десантника накинулась Елена Владимировна, пшикнула ему в глаза газом из баллончика. Матерясь, вояка отпустил Светку и потянулся за АКСУ. Он успел выпустить вслепую длинную очередь — зацепил пятерых, а потом его пристрелил мужчина в форме с майорскими звёздами на погонах.

Схватившись за живот, Серёжа думал о том, что случилось. Зачем руссичка помогает ему и Светке? Одинокой красивой бабе проще спастись. Но она потащила с собой чужих детей, а потом не дала в обиду Светку. И рисковала при этом жизнью… Зачем?!

Майор, застреливший десантника, вдруг навёл пистолет на Серёжу и целую вечность щурился, целясь. Но так и не нажал на спуск. Передумал.

А Серёже вдруг захотелось, чтобы отец, сильный и смелый, оказался рядом и защитил его от испуганных до озверения людей, набившихся в подземку. Отец не дал бы его в обиду.

Правда, Серёжа плохо его помнил, ведь отец ушёл из семьи, когда сыну было лет пять, может шесть, и после этого мать сожгла все фотографии мужа. Но отец точно был высоким и улыбчивым. Он играл на губной гармошке блюзы, которые вышибали слезу и заставляли пускаться в пляс. Где ты, папа?

Мама, а ты?..

Платформа вздрогнула. Свет погас.

В гробовой тишине кто-то сипло сказал:

— Вот и всё. Война. Ядерная.

У тринадцатилетнего пацана по имени Серёжа Ким защемило сердце. Он понял, что мать осталась наверху и он никогда её больше не увидит, потому что мирный атом перестал быть мирным и город разрушен…

Тогда Сергей ещё не знал, что минует двадцать с лишним лет, прежде чем он вновь увидит небо.

* * *

Глаза слепил солнечный свет. Он с трудом прорывался сквозь тяжесть облаков. Сайгон зажмурился. Резко подул ветер, толкнув в спину, будто указывая, куда надо идти. Причём срочно.

На мгновение Сайгон поверил ветру и шагнул к туннелю, но… Какой ещё ветер на станции?! Откуда здесь солнечный свет?! Он мотнул головой, прогоняя наваждение.

В последнее время с ним такое часто случалось. Вдруг, ни с того ни с сего вместо потолка — звёзды и луна. Или солнце на фоне голубой бесконечности. А ещё почти каждую ночь Сайгону снился отец…

Не к добру это.

— Ты куда намылился? — окликнула его Светка.

Он пробурчал что-то в ответ и смиренно поплёлся за ней.

В самом центре платформы возвышалась ёлка, добытая Митькой Компасом в единственном его рейде на поверхность. Пока остальные мародёры выполняли заказы подземных жителей, Митька, ещё зубастый и перспективный, шмонал подсобку супермаркета, где и обнаружил пластиковое деревце в полиэтиленовой упаковке. В черепе Компаса случилось короткое замыкание, детство в том самом месте заиграло, и он потащил безделушку вниз, забыв о надувном матрасе для Сайгона.

Помнится, Майор (тот мужчина, что едва не пристрелил Серёжу в первый день войны) конкретно вздул новичка за срыв заготовок и навсегда запретил брать «этого сопляка» наверх. Самое удивительное, что руководство Святошина Митьку Компаса за ёлку премировало. Мол, спасибо, дорогой товарищ. А когда здоровье у неудавшегося мародёра испортилось из-за облучения (так утверждал Митька), ему назначили пожизненный спецпаёк.

За годы пластик не выцвел, ёлка была, что называется, вечнозелёной. Майор подарил потом станции целый коробок игрушек и ватного Деда Мороза. Ни у кого в метро не было ёлки, никто не отмечал Новый год, а на Святошине этот праздник почитали самым главным. Уловив выгоду (спецпаёк! пожизненный!), многие мародёры пытались втюхать святошинскому руководству первомайские кумачи, поздравления ко Дню Победы и Восьмому марта, но — увы.

— Вот мы и дома! — радостно сообщила Светка у порога гипсокартонной хатки в две комнатушки. Круче на Святошине апартаменты только у начальства, у Матвея Алексеевича.

Сайгон поморщился и отвернулся.

У жены это отлично получалось — радоваться самым обыденным вещам. Купила у караванщиков глобус для Андрюшки, чтобы знал, какая у нас планета круглая, — и довольна. Палец обожгла, колдуя над электропечью, — смеётся,

говорит, до свадьбы — золотой! — точно заживёт. Обычно Сайгону нравилась эта черта характера супруги. Но не сегодня. Сегодня его всё раздражало. И не давал покоя странный ветер, толкнувший в спину.

Неужели он, Сергей Ким по прозвищу Сайгон, сходит с ума?..

Он опустил сына на платформу.

— Ужин готов? — спросил у Светки, которая с подозрением на него уставилась.

Почувствовала что-то. Жену не обманешь, она его насквозь видит почище рентгеновского аппарата.

— Только по мискам разложить осталось. И налить.

— Вот и займись. А я живо. — Сайгон двинул обратно к лестнице.

— Зачем? Ты чего? — прищурилась Светка.

— Гляну. Надо мне. — Сайгон и сам не знал, почему его дёрнуло куда-то идти, ведь каннибалы сбежали, а после драки ножи метать толку нет. И всё-таки…

Ветер, да?

Псих ты, Серёженька, натуральный.

Ну и пусть! Шевели поршнями, братишка! На табло краснеют цифры — 23:55. Почти Новый год. Быстро глянь что-куда и дуй на хату, в лоно семьи. Светка обещала жаркое из картошки, грибов и крольчатины. А уж она готовит — пальчики оближешь…

С каждым шагом туннель приближался. Сайгона манила чёрная бездна, населённая призраками тех, кто умер в метро. Так говорят старики. Сайгон в эту муть не верил, но иногда…

Он зажмурился и, ущипнув себя за бедро, выругался. Прям наваждение какое-то. Некстати вспомнилась песенка из советского ещё мульта: «Говорят, под Новый год, что ни пожелается, всё всегда произойдёт, всё всегда сбывается!».[2]

— Ты чего здесь?

Сайгон от неожиданности вздрогнул.

Митька Компас, пошатываясь, протянул ему армейскую флягу в брезентовом чехле:

— Давай бахнем! Праздник же!

За колонной Митька прятался, что ли?..

Компас так и не обзавёлся семьёй. Радиация и мужское достоинство плохо сочетались. Зато у Сайгона и жена, и сын… Ну скажите, что он тут забыл, когда любимые люди ждут его, беспокоятся?!

— Потом, Митя, потом. — Он развернулся и побежал домой лавируя между кроватями, палатками и просто сидящими на платформе людьми.

Так уж повелось, что самый популярный заказ мародёру —

кровать. Людям надо на чём-то спать. Мало кто думал об этом при эвакуации. И потому отважные мародёры частенько поднимаются на поверхность, чтобы принести из ближайшего неразграбленного дома панцирные сетки и прочее, на что можно лечь.

Рядом взорвалась хлопушка, обсыпав Сайгона конфетти. Споткнувшись о чью-то ногу, он едва не вспахал носом пол. И всё таки он успел.

— Наливай, мать! — Ввалился в спальню, где на кроватях сидели Андрюшка и Светка, а в проходе выстроились в ряд аж три табурета — это и есть праздничный стол: кастрюлька, миски, вилки, два стакана. Пластиковая бутылка с самогоном лежала на кровати рядом со Светкой.

— Уже. — Светка подмигнула мужу.

Чокнулись. Снаружи, на платформе, грохнуло многоголосо «Уррра-а-а-а!!!»

— Вот и наступил новый две тысячи тридцать третий год. А мы ещё живы. Вопреки всему. — Супруга мгновенно опьянела.

И не просто живы, но и хорошо живём, подумал Сайгон.

— Ну, сыночек, ты загадал желание? — Светка взъерошил Андрюшке волосы.

Тот отодвинулся. Растёт пацан, родительские нежности ем уже не нравятся. А ведь ещё совсем недавно…

— Загадал. Только не скажу. Чтоб сбылось, никому говорит нельзя. Даже вам.

— И правильно! — Светка налила в стаканы. — А ты, муженёк, загадал?

«Говорят, под Новый год, что ни пожелается…»

— Ага. — Сайгон залпом опрокинул в себя хмельное. И действительно загадал.

Одно заветное желание.

* * *

Когда бутылка опустела, он выбрел «подышать свежим воздухом». Слово за слово с соседями, потом Митька Компас подкатил, потом Кашка с перевязанным плечом, потом…

В общем, Сайгон сам не понял, как оказался возле туннеля. Цифры на часах расплывались красным мерцающим пятном. Он стоял на краю платформы и пялился во мрак. Сколько он тут проторчал, неизвестно.

От выпитого слегка подташнивало. Надо хлебнуть воды и лечь спать. Завтра у половины станции будет похмелье и

выходной день, но не у Сайгона. Его зверью чужие проблемы до горелой лампочки — оно жрать всегда хочет, без учёта праздников.

От соседней палатки тянуло сладковатым дымом конопли. Вообще-то наркотики на Святошине запрещены, но в честь праздника руководство смотрит на шалости сквозь пальцы.

И как это дурь попадает на станцию, ведь кордоны, досмотр грузов и вообще строго? Урки с Вокзальной своё дело знают, ничего не скажешь. Вся наркота в метро от них: день и ночь стараются подопечные Лёнчика Космоса, байками о котором пугают детей. Причём пугают те, кто к Вокзальной ближе, чем за три станции не подходили никогда.

Разгорячённого выпивкой лица коснулся прохладный воздух. Ветер? Опять?! Хмель как рукой сняло, аж дыхание перехватило.

Да ну, ерунда, обычный сквозняк!

Сайгон уставился на свою руку, точнее — на диодный фонарь, который сжимал. И когда только из кармана вытащил? Фонарь он всегда с собой таскал. Даже ночью под подушку прятал. Но зачем ему фонарь сейчас? В честь праздника свет будет гореть всю ночь.

И вдруг Сайгон понял, что он давно уже не на платформе. Он в туннеле. А вокруг темно, как в тылу у каннибала, которого он сегодня отправил к праотцам.

Как такое могло случиться, как?! Что происходит, а?!

Сайгон застыл на месте. В темноте что-то было. Не шевелиться! Не дышать!

Или рвануть назад, пока не поздно?

Что-то притаилось рядом, Сайгон это точно знал. Но что? Пацюк? Или ещё какое порождение радиации и мглы туннелей? Сайгон прислушался и понял: ничто живое ему не угрожало. Живое — нет. Так значит, мёртвое?!..

Шумно выдохнув, он нажал на кнопку фонаря. Жёлтый луч заметался, освещая рельсы, шпалы, свод… Ничего такого, всё как обычно.

А потом что-то блеснуло под ногами.

Сайгон отпрянул, вдоль позвоночника будто плеснули воды из скважины. Он обернулся и шумно, с облегчением задышал. До выхода из туннеля всего метров тридцать. В висках громко стучало. Он поднял предмет, так его напугавший.

Это была губная гармошка «Hohner» с гравировкой на нержавеющем боку — автографом Боба Дилана.

Сердце Сайгона едва не взорвалось.

Он узнал инструмент.

Глава 2
БОЛЬШОЙ БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

— Ты куда на ночь глядя? — удивилась Светка.

— Боб Дилан, мать. Слыхала о таком? — Сайгон положил в рюкзак мешочек с жетонами.

— Профессор с Университета? — зевнула Светка.

— Типа того, мать. Типа того… — ПМ, много лет назад подаренный Майором, Сайгон сунул за пояс под латаную армейскую куртку. Только один магазин к нему, только один, зато в магазине патроны с трассирующими пулями, чтобы, стреляя в темноте, корректировать огонь. В нагрудные карманы отлично поместились шестерни с заточенными зубцами. Так, теперь нож. Сапожный, такой острый, что с тюбингов можно пласты срезать и, как масло, намазывать… на что? Не на хлеб точно. Нет на Святошине хлеба, и масла нет. Просто выражение всплыло в памяти. Сын Андрюшка уже не поймёт, в чём соль шутки, он из другого поколения, настоящий крот.

Рюкзак за спину. Сняв со стены колчан с луком и стрелами, Сайгон наклонился к жене, чмокнул в губы:

— Спи, родная. Я быстро.

— Далеко?

— Близко. Туда и обратно.

— На охоту? Обидели тебя крепко, да?

— Ага, мать, спи.

— Если до утра не вернёшься, я тебя из-под земли достану. — Супруга шутит. Значит, всё в порядке.

— Тсс! Андрюшку разбудишь. — Он затворил за собой скрипучую дверь — смазать бы — и вновь окунулся в атмосферу натужного веселья.

Праздник продолжался. Вокруг ёлки плясали, задирая юбки и приседая в жалком подобии гопака. Разноцветно перемигивались гирлянды, бросая блики на стеклянные бока шаров. У ватной фигурки Деда Мороза стоял стакан, полный сивушной мути. Жалкое зрелище.

А вчера было радостное?

А позавчера?..

Что тебе родная станция, а, Серёженька? Что для тебя Святошин? Нравится белая кафельная плитка с орнаментом в центре путевых стен? Разграбленные банкоматы вызывают в тебе хоть какие-то чувства? А остатки системы освещения над коротко стриженной головой? Или тебя вдохновляют ряды кроватей,

застланных одеялами из кроличьих шкур?

Молчишь, фермер? И то верно: молчи…

— Таки решился? — Митька Компас дёрнул Сайгона за рукав. — Помощь нужна? Сам-то я не ходок, а вот ребят могу кликнуть. Болт пойдёт и ещё кто…

Сайгон мотнул головой — мол, сам справлюсь, не мешай пацанам гулять.

— Ну, как знаешь…

«Точно. Как знаю».

Тогда, в самом начале, все были уверены, что еды надолго не хватит. Убивали за сухарь, за банку кильки в томатной бурде. Особо свирепствовали вояки, у них крыши начисто снесло, сломалось что-то важное в людях. Небось испытывали чувство вины перед гражданскими: не смогли защитить, присяга, все дела. Война — это ведь их работа. Но реакцией на вину было отнюдь не покаяние. Стреляли во всё, что движется, — пока не сообразили, что патронов больше не становится, а в оружейке запасы не пополнишь. Все оружейки остались наверху. Из кусков силового кабеля отличные дубинки получались. Поручни из вагонов тоже сгодились. Металл затачивали о мрамор. Кровь лилась рекой.

Все словно сошли с ума. Серёга тоже.

И сейчас у него такое ощущение, будто те времена вернулись. Или вернутся скоро.

Обходя очередную компанию навеселе, он сунул руку в карман, нащупал полированный бок губной гармошки. Жаль, Сайгон и близко не музыкант. Было ещё такое выражение, про медведя, кажется… Нет, не вспомнить, ну да ладно, не суть.

— На пацюка собрался, дядь Серёж? — по-мальчишечьи звонко спросили сзади.

— На пацюка. — Не оглядываясь, Сайгон шагнул в темноту туннеля и словно вернулся на полчаса назад.

…Сердце едва не взорвалось.

Гармошка!

Боб Дилан!

Точь-в-точь на таком инструменте играл отец Сайгона. Вот только ещё была царапина, похожая на букву «А»… Он присмотрелся — ровно, гладко. Повернул гармошку на другой бок — и обмер.

«А».

Кое-как уняв дрожь, внимательно изучил пол туннеля поблизости и обнаружил мачете в паре метров от места находки. Знак Огуна на металле. И пятна крови рядом — видать, Болт зацепил кого-то из пришлых. Надо же, он попал в цель, не зря

Сайгон прикрыл нерадивого охранника.

Итак, сомнений нет: в руках у Сайгона губная гармошка отца, и потерял её нигериец, один из четверых, которым удалось уйти со Святошина.

Дальше Сайгон действовал не раздумывая. Вернулся домой, взял оружие, побросал в рюкзак вещички, жетоны, воду и снедь. План был простой: найти каннибалов и душевно с ними потолковать — выяснить, откуда у них инструмент. Это не должно было отнять много времени, но Сайгон всегда брал в поход столько снаряги, будто собирался протопать через Святошинско-Броварскую линию дважды. Мало ли что может случиться? Бережёного даже пацюки стороной обходят…

Теперь, полчаса спустя, Сайгон за рукоятку из магниевого сплава держал перед собой лук. На дакроновой тетиве лежала истоновская стрела.[3] Плечи лука — клён, стеклопластик и углеволокно. Кликер Сайгон снял, чтобы не щёлкал, — лишние звуки в подземелье ни к чему. Прям не оружие, а скорбная песнь по почившему хай-теку. Пусть только враг себя обнаружит, а уж Сайгон не промажет, будьте уверены.

Дорогу он подсвечивал фонарём. Батарейки нынче безумно дорогие, но на собственной безопасности не экономят. Будь это обычный рейд, Сайгон, как все, использовал бы плошку-коптилку на кроличьем жиру или машинном масле. Но не сейчас. Сейчас в рюкзаке два запасных комплекта батарей. За них и убить могут, ведь стоят они целое состояние.

Лук, пистолет, шестерни и нож… А вдруг нигерийцы сдадутся без боя? Сайгон хмыкнул, оценив собственную шутку. Погони не было, враги затаились где-то рядом. Тем лучше: не придётся бегать за каннибалами по всему метро.

Внезапно мрак впереди сгустился. Послышался хриплый вздох. Сайгон резко остановился и выключил фонарь. Это была ошибка. Катастрофическая ошибка, которая едва не стоила ему жизни.

Цепь со звоном хлестнула по рёбрам, вышибив из лёгких воздух. В прошлый раз кости вроде бы уцелели — теперь нигерийцы решили доделать начатое.

Падая, Сайгон уронил фонарь. Если он разбился, то… Запчастей к нему нет, и в ближайшем ларьке новый не купишь. Уже лет двадцать на Земле не делают диодных фонарей. Да и любых других не производят!

Завибрировала тетива, стрела умчалась во мрак. Мимо. Сайгон не услышал характерного звука, с каким наконечник впивается в плоть. На что он рассчитывал, когда в одиночку отправился в туннель? Нигерийцы в темноте отлично видят, а

Сайгон слеп, как крот.

Так ведь он крот и есть! Отлично приспособился к подземке и не мечтает о прогулках под солнцем. Так отдайся же инстинктам, крот! Ну же! Ну!

Отдался — перекатился вправо, больно ударившись локтем о рельс, — за долю секунды до того, как цепь со звоном стеганула там, где только что был Сайгон.

Нигериец его видит, а крот должен чуять врага. Должен!

Легко сказать.

Боль обожгла — Сайгон только начал подниматься и опять рухнул, выронив лук и схватившись за ушибленное колено. К голени, чуть выше ботинка, были пристёгнуты ножны. Да толку от них…

А вот есть толк!

Пластмассово громыхая, покатился фонарь. Сайгон мысленно застонал: если фонарь не разбился сразу, то чёртов нигериец его точно сломает. Опять хриплый вздох. С ножом в руке Сайгон кинулся на звук.

На что он надеялся, а? На то, что головой протаранит бродягу и, уткнувшись носом в грудину, сполна ощутит аромат немытого тела? Или что нож с первого удара минует рёбра и пронзит сердце нигерийца, как жало комара — кожу младенца?

Каннибал булькнул и повалился под тяжестью Сайгона.

— Я — крот! Слышишь — крот!!! — Нож ещё раз впился в неподвижную плоть, и ещё. Сайгон не мог позволить бродяге, как злодею из довоенного боевика, очнуться и со спины атаковать главного героя, бодро марширующего к хеппи-энду.

Если кто не понял, главный герой — это Сайгон.

Казалось, он целую вечность ощупывал пол вокруг. Его разум поглотила паника. Он навсегда останется во мраке! Не сможет выбраться отсюда! Он погибнет здесь!

Лишь когда пальцы вцепились в фонарь, который оказался абсолютно цел, Сайгон вспомнил, что в рюкзаке есть плошка-коптилка, а в стальном герметичном термосе столько жира, что хватит дойти до Вокзальной и обратно.

— Стыдно, братишка, стыдно! — со злостью сплюнул Сайгон.

Он не прощал себе слабости. Никогда.

Небось бродяги отправили одного из своих, чтобы выяснил, как обстоят дела на станции. Упившиеся святошинцы не окажут сопротивления. На месте бродяг Сайгон затаился бы пока, дождался разведчика, а потом… Последний бой заставил фермера пересмотреть тактику. Победа возможна лишь в одном случае — если он двинет напролом. Громко шагая. Ярко подсвечивая дорогу. И — главное! — метко стреляя.

— Эй, йоруба, где вы, ау?! Я убил ещё одного вашего! Второй уже! Ау!!!

Это был вызов.

И мгла впереди ответила яростным воем.

* * *

Сайгон вывел бродяг из себя: никаких засад, они побежали на голос врага.

Они жаждали разорвать его на части, наплевав на ритуальные пляски.

И всё бы хорошо, всё по плану, но Сайгон знал, что шум привлечёт не только каннибалов. Кого ещё? Да мало ли кто обитает в туннелях, где, ощетинившись оружием, ходят лишь караванщики?

Лёгкий ветерок коснулся щеки. Опять?! Фонарь в левую руку, правой выхватить из-за пояса пистолет. Крот не видит дальше собственного носа — границы света фонаря, зато остальные органы чувств у него развиты будь здоров.

Без малого шесть граммов покинули ствол. Бешеный светлячок с грохотом прошил мглу, воздух наполнился пороховой гарью и криками. Попал, надо же. Вот что значит быть настоящим кротом!

Хлёсткий звук удара, крики стихли. Добиваем своих, чтобы не мучились? Гуманисты хреновы!

На Сайгона вдруг выскочил чёрный, как мрак, каннибал. Он орал что-то, раскручивая над головой цепь. Спрашивается, зачем? Молчанье ведь золото, верно? Сайгон тут же сделал бродягу золотым, то есть молчаливым — пули в лицо для этого оказалось вполне достаточно.

В туннель ушли четыре каннибала, теперь минус два. Итого, сколько на балансе? Главное — не войти в раж, ведь надо разузнать о губной гармошке. Боб Дилан, ребята. Вы знаете, кто такой Боб Дилан? Маленькая подсказка: это точно не профессор с Университета.

— Я тебя съем, — шепнула Сайгону мгла.

Знакомая песня. Повторение — мать учения?

Пистолет дёрнулся в руке. По ушам хлопнул выстрел.

— СЪЕМ!!!

Мимо. Бывает. Ещё выстрел.

Тощее тело показалось на границе света. Жаль, это не парень с голливудской улыбкой. Замах, мачете отправился в полёт. Пункт назначения — голова Сайгона. И увернуться невозможно!

Палец дёрнул спуск. Пуля снесла нижнюю челюсть нигерийца.

Мачете словно застыл в воздухе. Сайгоном овладело предчувствие смерти. Глаза увлажнились. Прости, Светка. Прости, сынок.

Лезвие у самого лица. Трогает щёку, кусает ухо…

И опять всё закружилось в бешеной пляске. Сайгон без сил опустился на пол, ощупал лицо. Луч фонаря, зажатого между коленями, уткнулся в свод туннеля. На щеке мокро, липко. И мочки как не бывало.

Повезло. Легко отделался.

Но всё только начинается. Вставай, братишка, нечего рассиживаться!

— Эй, голодный! Ты где? Иди ко мне, разговор есть! Обещаю: убивать не буду.

Тишина в ответ. Не верит каннибал, затаился. А вот и напрасно. Сайгон действительно желает побеседовать — для начала, а там уж по обстоятельствам.

Ещё чуть-чуть — и победу засчитываем бойцу Святошина? А вот не надо раньше срока. Опасность-то Сайгон почуял, а отреагировать не успел — грохнулся мордой в рельс, в глазах вспухли соцветья фейерверков. Нигериец зашёл сзади и вмазал по затылку. Как только череп выдержал?

— Съем… — довольно проворчала мгла.

— Подавишься. — Сайгон перевернулся на спину, подогнул колени к груди и изо всех сил лягнул темноту.

И сам удивился, что попал.

Темнота хрустнула, всхлипнула и осела. Не теряя времени, святошинец пополз за фонарём, что валялся между шпалами, освещая тюбинги путевых стен.

Бродяга валялся без сознания. Сайгон разбил ему нос и слегка подпортил прикус. Тонкой медной проволокой он связал нигерийцу запястья, затем лодыжки. В рюкзаке есть верёвка, но проволока надёжней. Теперь можно и отдышаться.

Но стоило фермеру расслабиться, как он сам едва не потерял сознание. Болело всё тело, голова кружилась. Сказывались удары и падения, да и на празднике выпито было немало. Чёрт бы побрал эти общественные мероприятия!

Сайгон вдруг насторожился: не понравилось ему дыхание нигерийца. Он посветил на лицо пленника. Так и есть, бродяга очнулся и пытался зубами перегрызть проволоку — изрезал себе дёсны и раскроил губы. Надо было за спиной руки связывать.

— Пытать будешь? — обречённо спросил нигериец.

Сайгон пожал плечами:

— От тебя зависит.

Нигериец шумно задышал.

— Да не дёргайся ты так. Просто скажи, где взял эту вещь. — Святошинец посветил на губную гармошку. Он с трудом унял дрожь в голосе. — И прекращай жрать проволоку, она невкусная.

Каннибал обиженно засопел. Тогда Сайгон поднялся и лениво ткнул пленника носком ботинка в рёбра.

Вообще-то с обувью надо бы аккуратней. Новую не найти и наверху, всё-таки двадцать лет минуло. Крысы и время сурово обошлись с модельными туфлями и кроссовками известных фирм. Ботинки Сайгона — предмет жгучей зависти всех обитателей Святошина, включая бессменного начальника Матвея Алексеевича.

Что ж, цель оправдывает средства. Удар был пустяковый, но язык у нигерийца развязался:

— Пару дней назад я украл это у большого белого человека на Берестейской. Мы не воруем, так решено, я прятал от своих. Но больно красивая штука, не удержался!

Сайгон крепко зажмурился. Так просто: прихватил безделушку, у большого белого человека позаимствовал…

Берестейская, значит? Сначала дойти до станции Нивки, где бабьё обосновалось, а там и до Берестейской два шага. За трое суток можно обернуться, а то и быстрее.

Сайгона била дрожь. Повезло, что уцелел именно этот бродяга. Троих Сайгон оставил на прокорм пацюкам, а единственного, который знал о судьбе губной гармошки, спеленал и допросил. Хозяин Туннелей отвёл руку спас бродягу.

— Не убивай!

— Не убью. — Сайгон вытер со лба пот. — Я же обещал.

Зачем марать руки, если пацюки сами прекрасно справятся?

Туннели ими кишат. Столько лет люди борются с пацюками (или пацюки с людьми?), а всё без толку.

— Эй, а развязать?! — окликнул Сайгона нигериец.

— А этого я не обещал. Прости, братишка.

В ответ нигериец выругался на своём языке. Небось послал куда подальше.

Сайгон поднял лук, поправил кожаную крагу на руке и медленно двинул вперёд. Надо подумать, как теперь и что. Он выяснил, откуда у каннибала губная гармошка. И?.. Вернуться на Святошин, не повидав отца, который, быть может, совсем рядом?! Столько лет Сайгон мечтал об этой встрече, и теперь, когда представился реальный шанс… Тут недалеко ведь. За пару дней он обернется… Светка, конечно, будет в бешенстве, но потом остынет. Если сейчас вернуться к ней — отпрашиваться, не

отпустит точно. У баб своя логика, решит, небось, что он не за отцом отправился, а за кем другим… А так — нормально. Попереживает, надумает себе всякого, а потом он придет домой живым-здоровым, она на радостях и забудет. Андрюшка… Это Сайгон, конечно, как сволочь сейчас поступает, что жену и сына бросает на два дня, что заставляет нервничать. Простите, родные. Очень надо.

Решено: добраться до Берестейской, найти отца. Найти отца!

Лёгкий ветерок скользнул по затылку. Сайгон понял: это знак, надо идти.

Но в одиночку туннели топтать равносильно самоубийству. И ладно у самой станции, где всё исхожено вдоль и поперёк, где знаешь каждую выбоину и обрыв кабеля на стене. А вот чем дальше во мрак, тем толще пацюки… И при этом: нигериец украл инструмент пару дней назад. Плюс время, которое займёт поход. Отец сто раз успеет затеряться в подземелье…

И речи быть не могло о том, чтобы вернуться на Святошин и подобрать себе надёжных компаньонов. Да и кого звать? Митьку Компаса, Болта и Кашку? Остальные ещё хуже — одногодки и те, кто постарше, все болеют, едва не рассыпаются на ходу. Подземка — не лучшее место для привыкших к небу людей. Молодёжь? Эти вполне приспособлены, но бойцов среди них нет — дети выросли в мире и спокойствии.

Сайгон такой один: и боец, и крот сразу. Мало смириться с тем, что больше не увидишь радугу над Днепром, — крот должен радоваться этому. Кроту хорошо в подземелье, он здесь как рыба в чистой воде. Это его мир, у него всё есть. Вот только бы найти отца!..

Жуткий крик эхом ударил по своду, отразился от стен. Глотку надрывал нигериец, больше некому. Быстро действуют пацюки.

Сайгон остановился. Что он делает, а?! Это в стиле Майора и его банды, но никак не подобает зажиточному фермеру со станции Святошин!

Когда-то Сайгон хотел быть похожим на Майора: отрастить бороду, спать с автоматом в руках и подниматься наверх, даже если нет заказов. Майор не мог без неба над заражённым городом, где среди облаков парил лыбидь, самый страшный мутант Киева… Те времена давно в прошлом, Сайгон уже не мальчик. Давить на спуск АК и дышать сквозь фильтр противогаза — вовсе не его мечта. Спасибо, не надо.

Стиснув зубы, он побежал назад.

…Лучше вскрыть каннибалу горло, чем разрешить пацюкам сожрать его живьём…

Как он мог так поступить? Что на него нашло?!.. Впереди

тлели красным десятки углей — это глаза мутантов. Средних размеров стая, могло быть и хуже.

Обычных крыс с каждым годом всё меньше. Пацюки отличаются от них размерами и кое-какими особенностями анатомии. Средний пацюк в холке достает Сайгону до бедра. Но попадаются экземпляры значительно крупнее, караванщики рассказывают байки о тварях размером с телёнка.

Лапы у пацюков непропорционально длинные — в сравнении с обычными крысами. За счёт этого мутанты способны быстро бегать и отлично прыгают. А ещё у них довольно большие черепа, примерно как людские. И зачем пацюкам столько мозгов?

Обычных крыс можно есть. Сайгон брезгует, но у многих святошинцев крысятина — чуть ли не основа рациона, ведь стоит она ерунду. А мясо пацюков — отрава. Но, говорят, учёные с Университета нашли способ, как сделать мутантов пригодными в пищу. Врут, наверное.

В стае пацюков существует чёткая иерархия. Сначала неторопливо насыщается вожак. Неторопливость — из-за системы пищеварения: удивительно маленький желудок или типа того. Потом обедает самка вожака. После неё — следующий по рангу самец, его самка и так далее. Только это и спасло нигерийцу жизнь. Если бы мутанты дружно навалились, от бродяги остались бы рожки да ножки.

Глаза-угольки — отличная цель.

Первую стрелу Сайгон вогнал вожаку промеж зрачков. Если не хочешь проблем, бей на поражение — в мозг. Раненый пацюк — ещё тот геморрой. А вот смерть вожака конкретно облегчит стрелку жизнь: самцы, игнорируя внешнюю угрозу, тотчас затеют разборки между собой.

Так случилось и на этот раз.

Клыки и когти — лучшая программа предвыборной кампании. Тела, покрытые серой клочковатой шерстью, сплелись в рычащее кубло. В этой бойне погибнет парочка самцов, так что лучше не вмешиваться. А вот на самок стоит обратить внимание.

Их было шесть.

И они тут же атаковали Сайгона.

* * *

Толстая тварь с отвисшими сосками перепрыгнула каннибала.

Не добрав до Сайгона каких-то полтора метра, она пропала из освещённой зоны. Святошинец отпрянул, воткнув фонарь в

крепление на рукоятке лука. Крепление он поставил вместо снятого стабилизатора. Это, конечно, повлияло на точность боя, зато маневрировать в узких проходах стало проще.

Спеша зайти человеку в тыл, ещё одна самка, хромая, двинула по широкой дуге. Она старалась держаться подальше от луча фонаря. Сайгон прострелил ей бок, чем только разъярил животное, — палец дрогнул на тетиве, когда острые клыки впились ему в икру. Это толстуха-попрыгунья таки отведала людской плоти.

Бить между глаз? Не проблема! Именно туда Сайгон вонзил толстухе нож. Как назло, лезвие застряло, а челюсти самки не разжались — она повисла на ноге, что называется, мёртвым грузом, гирей в два десятка килограммов.

Повизгивая, раненая хромоножка вертелась на месте, клыками дёргая из бока стрелу. К ней подбежала не просто серая, но седая самка. Сайгону показалось, что она явилась на помощь подруге, попавшей в беду. Свистнув, стрела насквозь пробила шею сердобольной старушке и впилась между рёбер раненой, тем самым соединив их вместе.

А что остальные твари?

Низкая поджарая самка подобралась так близко, что пришлось стрелять в упор. Между глаз, конечно!

Две оставшиеся самки отпрянули под защиту самцов, которые уже решили, кому водить стаю. Как и следовало ожидать, консенсуса мутанты достигли лишь с помощью трупа. Жаль, единственного.

Итак, против Сайгона два самца и три самки.

Свист стрелы — один самец, три самки.

Пацюки агрессивны, но трусливы. Почуяв, что им не совладать с противником, они тут же кидаются наутёк. Вскоре они опять наберутся смелости и атакуют вновь, но пара минут в запасе у Сайгона есть.

Дважды раненная хромоножка волочила за собой дохлую пришпиленную подругу. Сайгон добил хромоножку — вовсе не из милосердия, а потому что не хотел лишаться двух стрел. Где их потом доставать, истоновские?

С минуту он провозился, вытаскивая нож из черепа самки, повисшей на ноге. Потом разжал-таки её челюсть. На то, чтобы вырезать из трупов стрелы, тоже понадобилось время. Нигериец при этом умолял отпустить его, кричал, что ему больно, и грозил кровавой местью.

Сайгон медово улыбнулся:

— Если я тебя отпущу, ты тут же убьёшь меня? Я верно понял?

Сообразив, что ляпнул лишнего, бродяга заткнулся. Теперь он лишь искоса посматривал на фермера.

…Лучше вскрыть каннибалу горло, чем позволить пацюкам сожрать его живьём…

Вывод напрашивался однозначный.

С ножом в руке Сайгон шагнул к нигерийцу.

Глава 3
ОТСУТСТВИЕ ЧАСТОТЫ [4]

— Что ты вообще здесь делаешь, а? Как в метро очутился?

Сайгон в одно движение рассёк проволоку у бродяги на запястьях — нет времени её распутывать.

Во мраке туннеля зажигались и гасли угольки-глаза мутантов. Пацюки вот-вот очухаются. Похоже, к ним присоединилась ещё одна стая. Нельзя сказать, что Сайгон обрадовался этому.

— Учиться приехал. Сказали: «Украина — хорошо, нет скинхедов, люди добрые, борщ вкусный». — Вспоминая о местной кухне, нигериец мечтательно закатил глаза. Говорил он с едва заметным, будто бы прибалтийским акцентом.

— Было дело. — Святошинец освободил пленнику ноги. — Мама отлично готовила борщ. Даже отец, которому трудно было угодить, её стряпню нахваливал.

Давным-давно Сайгон заставил себя забыть о пище, недоступной под землёй. К примеру, о сале. Он сглотнул слюну. В метро попали кролики и хомяки — детишки не желали расставаться с домашними любимцами. Но почему ни один истовый хохол не додумался захватить с собой пару разнополых хрюшек?!

— Было, да… — эхом отозвался нигериец. — Были добрыми. И борщ был.

Сайгон представил, как это — оказаться за тысячи километров от родины, под толщей земли и бетона, среди чужих людей, которые ненавидят тебя уже только за цвет кожи.

— Тебя как зовут, братишка? — вдруг спросил он.

— Лектор. Урки так назвали. В честь одного героя из кино. Знаешь такого?

Сайгон пожал плечами. Лектор так Лектор. Он не видел этого фильма.

— На Вокзальной десять лет меня держали. В клетке. — Нигериец поймал взгляд святошинца. — Я Лектор. Другого имени больше нет, я недостоин его.

— Сволочи, — буркнул Сайгон, только чтобы не молчать.

По системе Майора сделанное им (вернулся, спас и отпустил пленника) расценивалось как слабость. Чуть ли не бабское сюсюканье. Настоящий мародёр должен быть сильным, а сила подразумевает жестокость не только к себе.

— Сволочи! — резче повторил Сайгон.

Он ни разу не пожалел о том, что вернулся к Светке, бросив учёбу. Майор сильно горевал, оставшись без любимого послушника, и вскорости погиб. Ходили слухи, что его сожрал лыбидь. Сайгон даже порывался отправиться наверх, чтобы… что? Что он мог сделать в развалинах Киева? Поймать легендарного мутанта и воскресить Майора?

Именно тогда Сайгон заделался кротом. А быть кротом, поверьте, очень круто.

— Ты взял инструмент у большого белого человека. При встрече сможешь опознать его? — Сайгон задумчиво подбрасывал на ладони губную гармошку.

Каннибал кивнул так уверенно, что Сайгон понял: душа Майора может быть спокойна, слабостью тут и не пахнет: рывок к связанному нигерийцу — поступок, продиктованный трезвым расчётом, Сайгону нужен тот, кто укажет ему отца, да и проводник не помешает.

— Так вот, Лектор, покажешь мне большого белого человека — и я тебя отпущу. Лады? Будем в расчёте.

Нигериец покачал головой. Сайгон решил, что это знак согласия, и помог ему встать:

— Тогда шевелись, парень. Второй стычки с пацюками нам не пережить.

Лектор крепко сжал ладонь фермера:

— Ты спас меня. Я отплачу.

И они побежали так, будто за ними гналась тысяча чертей, будто под босыми ногами у них — раскалённая сталь, а в спину им тычут сотни острых лезвий. Дыхание в груди Сайгона клокотало кипятком в чайнике. В метро обычным жителям нечасто доводится бегать. Это мародёры тренируются по особой методике, чтобы потом, в реальных условиях, максимально быстро передвигаться по разрушенной столице. А простым людям, тем, кто носа не кажет из-под земли, физкультура без надобности.

Воздух царапал лёгкие.

И вдруг туннель впереди окрасился яркой вспышкой. Но Сайгон и не подумал сбавить шаг. Его и Лектора преследовали мутанты, которых было больше, чем стрел в колчане. Потому-то в походы отправляются караваны в десять человек минимум — у такого количества народу есть шанс отбиться от пацюков и прочих тварей.

Странный свет резко приблизился. И неудивительно, ведь Сайгон мчал к нему со всех ног. Ещё шаг — и фермер ворвался в сияющее марево. И остолбенел.

Он оказался на платформе Святошина. Лектора нигде не

было. Зато вдоль ограничительной линии тянулись ряды кроватей. Меховые одеяла, накинутые поверх матрасов, поистёрлись. Старые палатки — рванина на ржавых распорках. Готовилась еда на электропечках с то и дело перегорающими спиралями… А вот и Светлана. Как обычно, она ругалась с Татьяной, супругой Болта. Андрюшка в компании одногодок внимал речам Митьки Компаса. Неудавшийся мародёр обожал «передавать опыт подрастающему поколению». Сколько раз Сайгон говорил сыну, чтобы держался от старого брехуна подальше…

Но почему так тихо?! Почему не слышно голосов?!

Внезапно станцию затянуло туманом, а когда туман рассеялся, Сайгон увидел себя, совсем малыша, лет пяти, не больше. Он смешно выплясывал. Отец, в рубахе с закатанными рукавами, сидел на диване и наигрывал беззвучный блюз на губной гармошке. Полированный бок инструмента блестел, заставляя мальчишку щуриться, а он так хотел рассмотреть лицо родителя, так хотел!..

— Ты чего?! — Толчок в плечо.

Сайгон вскинулся:

— А чего я?!

— Стал, как дурак, глаза выпучил и чего-то шепчешь. А нас мутанты догоняют.

Даже не оборачиваясь, Сайгон знал: пацюки отстали. Просто знал, и всё.

— Нет там никого. Отстали они.

Лектор расцвёл с недавних пор щербатой улыбкой:

— Так это ж хорошо!

— Как сказать… — нахмурился Сайгон, вглядываясь во мрак впереди. — Не нравится мне это…

Хоть лопни пополам!

Он разрывался между двумя желаниями. Первое — хотел вернуться к жене и сыну ведь неспроста Хозяин Туннелей показал ему родную станцию. И второе: найти отца — заветная мечта! Как Сайгон сумеет дальше жить, зная, что дал заднего, столкнувшись с первой же опасностью и видением, шуткой переутомлённого мозга?..

Поход будет недолгим, Берестейская рядом, уверял он себя. А потом назад, на коленях вымаливать прощение у жены. Милая, виноват, прогулка затянулась, я познакомился с замечательным парнем, он, правда, не брезгует человечиной, но…

— Брезгую.

— Что? — Сайгон очнулся от грёз.

Слишком часто в последнее время он выпадал из реальности.

В метро только самоубийцы так себя ведут, а Сергей Ким не склонен к суициду, это уж точно.

— Брезгую! — Лектор тяжело дышал, ноздри его раздувались. — Меня заставили!

— Кто заставил? — Прищурившись, Сайгон хохотнул. — Духи предков? Голос Огуна в башке да с бодуна?

Лектор, казалось, не заметил издёвки.

— Я… я отказывался… долго, очень долго. А потом… Голод. Ты знаешь, что такое голод?! — Нигериец сжал кулаки.

На миг Сайгону показалось, что бродяга кинется на него, но тот внезапно обмяк, словно плюшевый мишка, если, конечно, мишки бывают чёрными и с очень худыми лапами в шрамах.

Голод? Сайгон знал о нём не понаслышке. И потому не осуждал Лектора. Правда, людской плоти он так и не отведал. Слава Хозяину Туннелей, до крайности не дошло. А вот убивать за банку тушёнки Сайгону доводилось. Миновало много лет, и он очень старается об этом не вспоминать.

— Тот парень, высокий, ты убил его на станции… — Лектор шевелил разбитыми губами, глядя мимо Сайгона. — Урки называли его Отелло. Держали в соседней клетке. Иногда к нему приводили девушку. Он должен был спросить: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?», а потом задушить её. Пахан Вокзальной очень любил на это посмотреть.

Сайгон скривился и сплюнул. Он слышал о зверствах блатных.

Поговаривали, что своим основанием паханат на Вокзальной обязан бунту в одной из киевских тюрем. Бунт этот случился буквально за час, а то и меньше, до начала войны. Зэки, ошалевшие от свободы, хлынули в метро. Их вёл звериный инстинкт, не иначе…

Уголовников Сайгон не считал людьми из-за слухов об ужасах, творящихся в Крытой, как те называли свою станцию. Конечно, слухам верить — себя обманывать. Но уж слишком много их было, слухов этих… Говорили, что зэки приручают пацюков и натаскивают их на людей. Вроде овчарок. Мол, поначалу пацюков использовали при регулярных обходах туннелей — вместо датчиков метана. Мутанты на выделение газа чутко реагируют. Но Космос запретил травить «милых зверушек», и теперь для обходов используют рабов. Размотают от ошейника полста метров цепи — и вперёд, гремя звеньями, как кентерберийское привидение, топай и глубоко дыши.

Правда это или нет, Сайгон сказать не мог. Точно одно: отбросы довоенного общества основали на Вокзальной общину. Сайгон там не бывал, хотя и продал пять клеток с животными

пожилому азербайджанцу, вору в законе. Иных дел с криминалом он не имел.

А ещё говорили, что Лёнчик Космос — старый пахан — до войны был мэром Киева, вроде как приличным человеком. Нынче же он совсем потерял людское подобие — из-за наркотиков. Вот этим байкам Сайгон точно не верил. Надо же такое придумать!..

— Ким. — Ой протянул руку нигерийцу.

— Что?

— Ким — фамилия, а зовут Сергей. Прозвище — Сайгон.

Сам не понимая зачем, он рассказал бродяге, что прозвище своё получил из-за фамилии — один хлопец из команды Майора сказал, что она корейская. Да и вообще город Сайгон никакого отношения к обеим Кореям не имел, его давно переименовали в Хошимин, и не факт, что он уцелел в ядерном апокалипсисе. Откуда святошинец это знает? А потому как в школе уважал географию. Очень. И зверушек любил. Именно эта любовь и спасла ему жизнь…

— Ладно, ерунда это. — Сайгон мотнул головой, прогоняя сонливость.

Устал он и много крови потерял. Рёбра, колено, затылок… Разболелась нога — хорошо прихватила толстуха. В слюне пацюков содержится анестетик, его действие закончилось — пока тебя едят, тебе не больно, а вот потом… Надо перевязать. Вытащив из рюкзака флягу с самогоном и пакет с тонкими матерчатыми полосами, аккуратно сшитыми между собой, Сайгон занялся обработкой раны. С тревогой он вглядывался в чёрную пустоту впереди. Где-то там станция Нивки. Как его примут?..

И ещё одна мысль не давала покоя: что-то ведь спугнуло пацюков, что-то заставило мутантов отказаться от гарантированной добычи.

Что, а?!

— Большой белый человек, который тебе нужен, он… — Сказав это, Лектор замолчал.

Сайгон насторожился:

— Что с ним?

— Он странный.

— То есть? У него на лбу рога и он лает? Ты, братишка, поясни, а то как-то непонятно.

Лектор ухмыльнулся, оценив чувство юмора святошинца:

— Он на Берестейской собирал отряд.

— Отряд?

Нигериец кивнул:

— Для похода на Днепр. Только никто не захотел с ним идти. Он уговаривал, жетоны предлагал — и мне, и всем нашим, а

потом ругаться начал. Его даже хотели выгнать со станции.

Сайгон закрепил конец самодельного бинта булавкой.

— Я правильно услышал: отряд для похода на Днепр? На ту самую станцию Днепр?

— Он странный, твой большой белый человек…

Да уж, сумел бродяга растревожить. И зачем отец собрался к чёрту на кулички? Что он там забыл, на последней уцелевшей станции ветки?.. О Днепре вообще нет никаких сведений. Кроме того, что станция эта до сих пор существует. Вроде бы. А ещё известно (кому известно, кто там был?), что метромост разрушен и связи с Гидропарком и остальной веткой нет.

— А почему раньше молчал? — Сайгон глотнул из фляги. Дезинфекция внутренних органов только во благо.

— Повода не было.

— А сейчас появился?

— Не-а. — Лектор растянул разбитые губы в улыбке.

Каждый тюбинг на внутренней поверхности спинки помечен заводским знаком и номером плавки, так и люди помечены чертами своих родителей. Сайгон хотел спросить у нигерийца, похож ли он на большого белого человека, но не решился.

— Давай двигаться, братишка. Хватит сидеть.

* * *

«Светофоры автоблокировки обозначаются цифрами, светофоры полуавтоматического действия — буквами и цифрами», — вдруг всплыло из глубин памяти. Сайгон много чего нахватался в лагере мародёров, расположенном в зоне коллективной защиты пассажиров. Координаты зоны Сайгон не расскажет даже под пыткой. Он клятву дал — никому!..

Впереди вдруг заалело око светофора. Это означало: «Стой! Запрещается проезжать сигнал!»

— Запрещается проезжать? — Похоже, Лектор знает правила дорожного движения в метро. На права, что ли, сдавал, на машиниста?

— Ага, — кивнул Сайгон. — Но нас это не касается. Мы сигнал пройдём.

Только он это сказал, чуть левее зажглось ещё одно красное око.

— Теперь их два, — меланхолично заявил нигериец.

Сайгон умел считать не только до двух, он знал и таблицу умножения, о чём хотел сообщить Лектору, но промолчал. Ему всё меньше нравился расклад. На повторительном светофоре —

том, что слева, — табличка с одной наклонной полосой была перекошена так, словно кто-то вцепился в неё, да силёнок не хватило отодрать, металл лишь погнулся. Когда путники подошли ближе, Сайгон посветил на табличку и поспешно отвёл луч в сторону, заметив следы… клыков? Когтей?

Или жвал?!

Что за чертовщина? Почему светофоры работают? Везде они мертвы уже двадцать лет, а тут горят, словно зрачки демона из преисподней!

— Эй, Ким, — подал голос нигериец, — ты бы вернул мне цепь.

— Держи карман шире, братишка. — Сайгон не стал бы вооружать каннибала, нападай на них даже лыбидь. — Красный свет, прохода нет. И вообще, называй меня «босс».

Настроение сразу улучшилось. И плевать на старое электрооборудование, в котором закоротило контакты. Поправив рюкзак, Сайгон шагнул вперёд.

— Стой!!! — рявкнул нигериец.

Святошинец так и застыл с поднятой ногой.

— Посвети-ка вниз, босс.

Сайгон посветил. И сразу понял, почему пацюки отказались от лакомой добычи: бетон, шпалы и даже рельсы, всё было истыкано норами выползков.

Норы те в палец толщиной — не сразу и заметишь. А наступишь на такую дырочку — в лучшем случае без ноги останешься. Червь-мутант словно пуля вонзается в стопу и тут же с огромной скоростью принимается жрать тебя и размножаться. Незамедлительная ампутация конечности — единственное спасение.

Сайгон осторожно отвёл ногу на пятачок, свободный от нор. Ещё шажок в обратном направлении, ещё… Сайгон перевёл дух. Тут уже чисто.

Лектор заметил опасность и дал знать. Царский жест. Ведь каннибал мог промолчать в надежде, что Сайгон вляпается, избавив его от обязательств. Спрашивается, почему предупредил? Из благодарности за спасение от пацюков? Но ведь именно Сайгон и оставил его на растерзание мутантам…

— Спасибо, напарник. Мы квиты. — В ушах звенело от напряжения.

— Не за что, босс. По эвакуационному пути пойдём. Он чист.

Эвакуационные пути, семьдесят сантиметров шириной, тянутся от станции к станции. Проектировщики предусмотрели их на случай, если поезд застрянет на перегоне и придётся выводить пассажиров своим ходом.

Действительно, тут не было ни одной норы выползков, это Лектор верно подметил. Дальше двигались гуськом. Нигериец впереди, Сайгон светил по сторонам, ужасаясь тому, что стены здесь были похожи на губку — из-за бессчётного количества нор. Расплодились черви, вольготно себя чувствуют.

Когда Сайгон вернётся на Святошин, он обязательно организует сюда экспедицию. Надо же извести эту погань, а то вовсе отрежут станцию от внешнего мира. Да и туннель может обвалиться… Кислотой их, что ли, травить?

— Их едят, — подал голос Лектор. — Вкусные, честно. Если хорошо приготовить. Я умею.

Сайгон скривился. Жрать слизких, чёрных, как смола, выползков с локоть длиной? Ну уж нет!

А как насчёт улиток, Серёженька? В метро ведь улитки вырастают с кулак размером. Иногда попадаются экземпляры с футбольный мяч. Это корм для нищих, для тех, кто не может заплатить не то что за хомячину и крольчатину, но даже за крысу. Правда, Сайгон сам с удовольствием трескает жареных улиток. Только просит жену готовить их так, чтобы никто не узнал о его кулинарных пристрастиях…

— Ты с какой станции? — спросил он, чтобы не идти молча. В темноте вообще тяжело сохранять тишину, а после пережитого стресса и подавно. — До Вокзальной ведь где-то жил?

— С Дарницы мы, — рассеянно ответил Лектор. Он на ходу обкусывал ногти. Тоже занятие.

— Откуда?! — Сайгон решил, что бродяга над ним издевается.

Но на дальнейшие вопросы Лектор отвечать отказался. Категорически.

А если правда с Дарницы? Да ну, быть такого не может! Метромост разрушен. Или всё-таки уцелел? К тому же Дарница — на поверхности! Или нет?.. В любом случае Лектор что-то не договаривает. Или всё-таки издевается?..

Сайгон настолько озадачился, что не сразу заметил свет впереди.

Над шпалами возвышалась полосатая тренога. На треноге стояла зажжённая карбидка.

— Опять «Стой! Запрещается проезжать сигнал!»? — спросил Лектор.

Сайгон кивнул:

— Шутка, сказанная дважды, перестаёт быть смешной. Тут были люди. Карбидка сама не загорится. Но кто это сделал и с какой целью?

Сигналы светофоров предупредили об опасности. Следует ли

дальше доверять намёкам анонимных доброжелателей? Или кровного врага? Опыт жизни в метро подсказывал, что никто ничего не делает просто так — за всё надо платить. А Сайгон не покупает, не зная цену. Добрые дела — это ведь товар, верно?

— Как зебра. — Лектор прикоснулся к треноге, словно надеясь, что она встанет на дыбы и ускачет далеко-далеко.

Сайгон ухмыльнулся: тянет-таки парня в пампасы, или что там у него на родине.

Через полсотни метров путь им преградила ещё одна тренога, на сей раз с прямоугольной табличкой, на которой было написано: «Стой! Контактный рельс под напряжением!».

— Любят дамочки хлам подбирать, — сказал Лектор. И добавил: — Нивки рядом.

Сайгон мысленно выругался. Верно, пацюк закусай! Путь в новинку лишь ему, а нигериец излазил метро вдоль и поперёк. В туннелях он себя чувствует лучше, чем Сайгон на родной станции.

Вдруг из темноты к ним кинулось нечто чёрное и бесформенное.

Сайгон схватился за лук, но Лектор подтолкнул его локоть — и стрела ушла вверх. Ищи её теперь!

— Опусти оружие, босс! — зашипел бродяга. — Жить надоело?!

— Отсутствие частоты! — крикнуло нечто.

И ударило Сайгона прикладом в грудь.

Глава 4
АМАЗОНКИ

Сработала охранная сигнализация. Столько лет ей, а до сих пор в порядке.

От станции Нивки уже спешило подкрепление, лязгая металлом, топая ботинками и подсвечивая дорогу плошками с жиром… А на Святошине сигнализация приказала долго жить в незапамятные времена, иначе нигерийцы не пробрались бы незамеченными.

— Эй, аккуратней! — разозлился Сайгон. Не нравилось ему, когда его бьют.

И тут же получил прикладом в живот. А через мгновение под сводом туннеля врубился прожектор. На какое-то время Сайгон ослеп. Потом, когда глаза перестали слезиться, осмотрелся.

Нечто чёрное оказалось девушкой в балахоне и косынке. Лицо девушки было вымазано сажей. Из бандольер на округлой груди торчали запасные магазины для винтовки, на ремне висели ножны с внушительным тесаком. И главное — во взгляде читалась решимость использовать арсенал по назначению. Вот это реальная охрана станции, а не Болт с Кашкой!

— Девушка, милая, только драться не надо! — взмолился Сайгон, всерьёз уже решив, что если она ещё хоть раз…

— Заткнись, животное! — Почему-то фермер сразу понял, что у жителей Нивок хорошие манеры не в почёте. Плохое начало знакомства.

Вообще-то на Нивках у Сайгона есть знакомые. Помнится, лет десять назад к нему заявилась дамочка с распущенными волосами чуть ли не до колен. Наина её звали, странное имя… Сопровождали её две девицы в хиджабах, помоложе и явно хорошо вооружённые: у каждой под грудой одёжек можно было спрятать по РПГ и винторезу.

Вела себя Наина откровенно вызывающе. Потребовала, чтобы Сайгон предоставил ей животных, способных продуктивно размножаться. Так и сказала: «Продуктивно размножаться». Не попросила, в ножки не упала, а именно потребовала! Сайгон сразу заметил, что в платье гостье некомфортно. Мало оно ей было, что ли?.. На миг Сайгону показалось, что дамочка сейчас сбросит с себя ненавистную ткань. Почуяв неладное, Светка не отходила от мужа ни на шаг.

Сайгон содрал с Наины втридорога и назначил серьёзный процент за пользование франшизой «Ким и сын». А вот не надо

нос задирать.

К его удивлению, отчисления с Нивок поступали регулярно. В отличие от той же Вокзальной.

— Меня зовут Сергей Ким. Ну, кролики и хомяки! Мясо! Это благодаря мне! Вы должны знать…

— Разберёмся, — лениво обронила девушка в балахоне.

Через минуту путников окружили женщины в камуфляжных комбезах не первой свежести. Кое-кто щеголял потёртыми спецназовскими беретами и вязаными шапочками. На Лектора и Сайгона наставили стволы автоматов со штыками. Оружие у дамочек было в лучшем состоянии, чем одежда.

Путников повели к станции, подгоняя прикладами. Хорошо хоть не штыками… Пару раз Сайгону очень болезненно двинули в поясницу. Сзади то и дело раздавалось хихиканье. Чувствовалось, что дамочки получают удовольствие, причиняя мужчинам боль. Развлечение у них такое.

Сайгон стиснул зубы, чтобы не выругаться. Не надо усугублять. Лук, пистолет, шестерни и нож у него отобрали. Рюкзак перекочевал к долговязой амазонке, на щеках которой краснели подростковые прыщи. Девушка оказалась не из любопытных, в рюкзак не заглянула, а то плакали бы сбережения Сайгона. И вот что забавно: к Лектору относились мягче — потому что у бродяги не оказалось оружия. Дурно пахнущая набедренная повязка не в счёт.

— А по какому праву, собственно?! — возмутился Сайгон. — Между станцией Святошин и суверенной станцией Нивки существуют определённые соглашения, и я…

Его монолог оборвали массажем почек посредством приклада.

Чем ближе к станции, тем веселей. Казалось, дамочкам вот-вот надоест развлекаться — и раздастся грохот, и пуля перешибёт Сайгону позвоночник у основания черепа. Или продырявит затылок. Или… С удивлением он понял, что пленники и конвой уже выбрались на платформу.

На станции было темно, хотя по всем прикидкам уже настало утро. Пора бы включить центральное освещение вместо едва заметного дежурного.

Что Сайгону известно о Нивках? То, что и всем: мелкого заложения, платформа островного типа. Всё точь-в-точь, как о ней рассказывали караванщики, эти разносчики болезней и слухов. На станции есть два подземных вестибюля, где вроде как расположены фермы и прочие хозяйственные подразделения. Вот бы Сайгону туда прогуляться, посмотреть. Но ведь барышни не пустят… Темно. Ряды спящих прямо на полу и на тонких

подстилках. Тут что, не знают о существовании кроватей?

— Босс, у них всё наоборот, — пояснил Лектор, заметив недоумение Сайгона. — Они время выставили на часах иначе. На станции только-только наступила ночь. А кровати они считают символом рабства. Мужчины много лет эксплуатировали женщин в постели, чуть ли не насиловали. Кровать на этой станции — табу.

Сайгон мысленно выругался. Пацюк закусай! Всё у этих баб не как у людей!

— Тут сядьте. Вставать, самостоятельно передвигаться запрещено. Громко разговаривать запрещено. — К ним подошла женщина лет сорока, с головы до ног укутанная в тряпьё. Косынка чуть сдвинулась, было видно, что череп у женщины обрит. Она принесла путникам тёплую, слегка солоноватую воду в бутылке из прозрачного пластика. Ногти на пальцах она стригла «под мясо».

Конвой, как по команде, снял головные уборы и расстегнул камуфляжные куртки, ловко действуя накрашенными ногтями. Мужскому взору открылся приятный вид. Ведь под куртками у длиннокосых девиц не было ни одежд, ни белья, зато мать-природа щедро наделила их женственностью. Прям цветы жизни, распустившиеся в подземелье. Вот где Андрюшке надо выбирать жену, когда вырастет. На Святошине таких красоток нет.

Сайгон поёжился, представив девушку-конвоира в роли своей невестки. Спасибо, не надо. Лучше пусть сына окрутит святош и некая простушка: с лица воду не пить, главное, чтоб человек был хороший…

Конвой устроился неподалёку от пленников. Дамочки расселись на складных стульях из гнутых труб и ткани — кажется, они называются шезлонгами. Интересно, почему на них нет запрета? Смутно припоминалась сцена из довоенной мыльной оперы, где женщина сидит в шезлонге у бассейна, а над ней склонился слуга-мужчина и предлагает бокал с напитком. Вот потому и не табу, что склонился и предлагает.

На станции было очень жарко, даже душно. Проблемы с вентиляцией?..

— Они называют себя амазонками, босс.

— Есть такая река, Амазонка, — задумчиво кивнул Сайгон. — В Южной Америке. Или была. Индейцы, пираньи, анаконды…

Похоже, он уловил основные принципы местного бытия. У них тут кастовая система. Низшие существа в местной иерархии — вроде той женщины, что принесла воду. А те, которые заплетают косы и расхаживают без лифчиков, куда круче лысых в косынках. А если вспомнить дамочку, которой он продал

франшизу, логично предположить существование сливок общества — полностью голых и с длинными распущенными волосами. Потому на станции и жарко, чтобы можно было расхаживать голышом и не чихать. Или наоборот — голышом, потому что жарко.

Сайгон заметил на стене наглядную агитацию. Прищурившись, разобрал белые буквы на красном фоне: «Женщины всех станций — объединяйтесь!»

— Эй, животные! Чего сидим? Раздевайтесь! — скомандовала та самая девушка, что взяла их в плен. Она уже смыла с лица сажу и сняла косынку. Вопреки ожиданиям, волосы у неё были на месте — огненно-рыжая коса обмотана вокруг головы. Зелёные глаза с интересом разглядывали Сайгона, когда он снимал с себя куртку и стягивал ботинки.

Конвой тоже не сводил с пленников глаз.

— Штаны снимай, животное, чего застыл!

— Зачем это? — воспротивился Сайгон.

Он украдкой посматривал по сторонам, прикидывая, что можно использовать в качестве оружия. По всему получалось, что ничего. Да и конвой расстрелял бы пленников раньше, чем Сайгон сделал бы хоть одно резкое движение.

Значит, пока что не надо рыпаться понапрасну. Ничего, Сайгон обязательно поквитается за унижение. Прощать и подставлять вторую щёку не в его привычках.

— Снимай, я сказала!

Станция Нивки — это территория победившего матриархата, если кто не в курсе. На любого мужчину тут смотрят с опаской, ненавистью и презрением. Иногда — с вожделением. В случае рыжей возможен последний вариант: Сайгон ей понравился. В этом нет ничего удивительного, он привык к тому, что при одном его виде с некоторыми особами начинает твориться чёрт-те что. Не так уж много в метро сильных рослых мужиков.

— Гильза, ты опять за своё? Смотри, доиграешься! Обреем налысо! — послышалось со стороны полуобнажённых девиц в шезлонгах.

Вроде как шутка, а может, и угроза. Судя по тому, что милое личико рыжей исказила гримаса ненависти, с юмором на Нивках не сложилось.

Кукольное, вспомнил Сайгон. Жена Светка называла такие липа, как у рыжей, кукольными. Барби — так он мысленно окрестил озабоченную девицу.

Контактный рельс прикрыт защитным коробом, потому и людям надо одеваться, а не разгуливать по станции в чём мать родила. Так объясняют детям, родившимся в метро, зачем нужны

условности вроде одежды. Ведь все у всех на виду. Все знают, кто как с кем спит, чем дышит, о чём думает. Обнажение душ. Так зачем скрывать тела, если тепло?

Рыжая Барби не старше восемнадцати. Она мыслит, как ребёнок. Вот только обнажаться должны другие.

— Эй, красавчик, а ну-ка повернись!

Красавчик, да? Ну, не животное — уже хорошо.

— К лесу передом, к тебе задом? — Сайгон вскипел. Всему же есть предел! Вот-вот выплеснет скопившееся негодование. А если кого ошпарит, он не виноват.

— Эко тебя, босс… — Лектор увидел шрамы на спине Сайгона.

Скажем так, спина его представляла собой интересное зрелище. Между лопаток и вдоль позвоночника пролегла белёсая вязь рубцов, которая складывалась в слова «Спаси и сохрани». Причём буквы были вырезаны мастерски, очень похоже на старославянские.

— Что это, босс?

— Ошибка молодости. — Сайгон зло посмотрел на Барби. — Вечная память о делах давно минувших дней, когда казалось, что весь мир…

* * *

…Сайгону тогда казалось, что весь мир принадлежит ему.

Он один волен распоряжаться своей судьбой. А если постараться, так и судьбами прочих обитателей метро. Всего-то и надо — протянуть руку, взять Хозяина Туннелей чуть пониже пупка, покрепче сжать и внятно произнести свои требования.

По глупости — из-за своей безмерной самонадеянности! — он попал под скальпель религиозного фанатика. Случилось это на Житомирской. Причём Сайгон, как он утверждал, конечно же, пострадал ни за что. Он всего лишь руку протянул, потрогать хотел, ничего такого, а его, бедного, унизили и оскорбили…

Дело было так. Пошёл по метро слух, что на Житомирской есть идеальное оружие — лук, который со ста метров разит патока в зрачок.

А хозяин того лука — сам патриарх Всея Метро отец Никодим, оборонитель истинно верующих. Этот седой старец в прошлом числился то ли генералом аэромобильных войск, то ли полковником СБУ и в свободное время увлекался стрельбой из лука, даже мастером спорта был. Он-то и заказал Майору спортивный инвентарь высочайшего класса. А взамен пообещал

пожизненное отпущение грехов и три цинка патронов. Полгода изо дня в день Майор поднимался на поверхность в поисках нужной вещи. Это уже стало делом принципа, а не заработком, но Майор выполнил-таки заказ отца Никодима.

Только слава о луке достигла ушей Сайгона, он сразу решил заиметь такой же. И потому отправился на поклон к Майору, который тогда ещё обитал на Святошине. Майор выслушал парня и ответил, что нет ничего невозможного, Сайгону надо лишь пройти курс обучения. «Задатки у тебя есть. Злость, ярость — всё при тебе. Поднимайся наверх и бери что хочешь!» — так ответил мародёр глупому мальчишке по фамилии Ким.

Мальчишка поверил Майору и полностью погрузился в учёбу.

Правда, ненадолго.

Позже, навсегда покинув лагерь мародёров, он предпринял дерзкую попытку выкрасть легендарный лук. Конечно, из этой затеи ничего путного не вышло — его поймали с колчаном в руках. Патриарх лично присутствовал на пытках, поучая катов, как больней сделать клиенту, нанося при этом минимальный вред драгоценному здоровью. Отец Никодим сделал всё от него зависящее, чтобы дерзкий вор мучился как можно дольше.

Сначала патриарх хотел вырезать на спине у вора заповедь «Не укради», но, поразмыслив, решил, что поздно воспитывать заблудшую овцу, зато самое время позаботиться о спасении души. Посреди Житомирской стояла виселица, которая редко пустовала. Вот с ее помощью Серёжа Ким и должен был покинуть суетный мир. Чудом — это отдельная грустная история — он сумел сбежать.

А пять лет спустя низенький азербайджанец с Вокзальной преподнёс Сайгону поистине царский подарок — тот самый лук. Это была плата за франшизу. Через неделю отец Никодим умер. Говорят, не перенёс разлуки с любимым оружием…

И вот лук, из-за которого Сайгон рисковал жизнью, валяется на платформе Нивок, будто обглоданная кость, никому не нужная — наступи, раздави, не жалко. Сердце Сайгона стучало, как колёса по рельсам, когда он смотрел на своё с таким трудом добытое оружие.

— Давай, красавчик, поворачивайся, не робей! — Барби чуть ли не облизывалась, глядя на тело Сайгона: ни грамма жира, бугры мышц, полосы шрамов.

— Ты напрасно тратишь время. — Он скрестил руки на груди. — Я не принимаю ухаживаний. Извини, у меня есть жена, и я очень её люблю.

Рыжая так и застыла на месте. Лицо её побледнело, затем покрылось алыми пятнами. Она вытащила из ножен на поясе

тесак, которым легко можно продырявить человека насквозь, и шагнула к Сайгону. Лезвие уткнулось ему в кадык. Постанывая, Барби прижалась к фермеру всем телом.

В паху Сайгона вдруг стало жарко, он едва заставил себя отдёрнуть руки — так хотелось обнять красотку. Не для того он затеял поход, чтобы изменить жене… Не для того…

Короткий, но очень болезненный удар в запястье, потом в локоть — кисть девушки мгновенно онемела, нож выпал. Сайгон подхватил его на лету и тут же приставил к горлу рыжей. Ещё не позабыл науку Майора.

— Ну что, Барби, сыграем в твою игру наоборот? Чур, теперь я вожу!

— Не надо, босс! — крикнул Лектор, но Сайгон проигнорировал его совет.

На Нивках им делать больше нечего. Да, Сайгон рассчитывал навестить местную ферму и даже позавтракать за счёт заведения. Тем более, что возможность подобных визитов и услуг отдельно оговаривалась при продаже франшизы. Ну да ладно, не в этот раз.

— Верните моё оружие. — Обращаясь к девушкам из конвоя, Сайгон скорчил самую жуткую гримасу, на какую он только был способен. Он ведь животное. — И рюкзак! Всем оставаться на местах, или она умрёт!

— Кто ты такой? — прохрипела рыжая. Похоже, она испугалась не на шутку.

Сайгона это только воодушевило:

— Я фермер со станции Святошин.

— И все мужики у вас такие? — В голосе Барби прозвучал живой интерес.

Перед глазами Сайгона всплыли лица Митьки Компаса, Болта и Кашки…

— Все! С нами шутки плохи и…

Он бы мог ещё много чего сказать, но телом его овладела слабость.

И он упал.

* * *

Днепровские волны поднимали, грозя опрокинуть, лодку с прогнившими, кое-где надломанными бортами. Вёсла то и дело черпали воздух, когда лодку швыряло вверх. Ветер, наполненный крупицами льда, с явным удовольствием хлестал по обнажённой спине — ты никак не мог согреться, рук уже не чувствовал, голова раскалывалась от холода, — казалось, в неё засыпали горячей

чугунной дроби и хорошенько встряхнули.

Чуть впереди в разрыве тумана чернел контур ещё одной лодки. И ещё одна отстала, если вообще до сих пор на плаву. На дне хлюпала вода, твой товарищ, обнажённый, как и ты, рыдал, вычёрпывая её ладонями. Бесполезно. Воды всё больше и больше. Вы не доплывёте. Вы погибнете. Вы…

Ну и пусть! Пути назад всё равно нет! Гидропарк — это хуже смерти, это…

Для этого просто нет слов. Лучше утонуть в пучине древнего Борисфена, чем стать ЕГО добычей!

Третий ваш товарищ без сознания. Он умолял не бросать его на Гидропарке. Это было тяжело, но ты тащил на себе коченеющее тело, хоть уже было ясно — ему не выжить. Пусть. Тела нельзя оставлять, иначе ими завладеет ОН.

Свинец, резиновые костюмы, противогазы и защитные скафандры? Не смешно. Главное — уйти. Сбежать куда глаза глядят, куда ноги пока что несут. Вам неимоверно повезло — вы нашли лодки. И все они были на плаву! Это же настоящее чудо! Подарок судьбы…

Вот только подарок этот уже наполовину затоплен. Но руки опускать нельзя, надо быстрей грести и быстрей вычёрпывать воду.

Быстрей! Быстрей! Быстрей!!!

…Сил больше нет, ты не железный. Ты просто человек. Товарищ твой подтягивает ноги к груди, обхватывает руками в последней надежде согреться. На третьего ты не смотришь. Он уже далеко отсюда, предки хлопают его по плечам, протягивают копьё. Там, где он, всегда тепло и есть пища.

И всё-таки вёсла раз за разом погружаются в чёрную бездну. Раз за разом, равномерно, держать темп, держать!..

Ветер резко усиливается, ты слышишь хлопки над головой, но посмотреть вверх нет сил. Ты отдал себя одному движению — опустить вёсла и подтянуть к себе, опустить и подтянуть, и опять, и вновь…

Товарищ испуган, он прикрывается руками. Опасность в воздухе. Слишком рядом. Но вверх смотреть нельзя — собьёшься с ритма, и тогда…

Резкий толчок швыряет лодку метров на десять вперёд. В полёте она чуть наклоняется, вода льётся, потом удар, брызги, ты на вёслах, порядок, товарищ кричит что-то, не разобрать что.

Тебе должно быть страшно, но нет, ты рад, потому что лодка теперь пойдёт легче — воды в ней меньше, да и вас осталось двое. А если б ты один… Ты прогоняешь эту подлую мыслишку. Кто-то должен грести, а кто-то вычёрпывать воду. Грести и вычёрпывать.

Грести и…

Опять ветер и хлопки над головой.

Товарищ уже не кричит, его рот открыт, он похож на рыбу, выброшенную на берег штормом. Он знает, кто следующий. На лице его подобие улыбки, он будто извиняется перед тобой.

И тогда ты бросаешь вёсла.

И поднимаешь глаза.

И видишь свою смерть, её зубастый оскал.

Но за миг до того, как громадные когти смяли бы тебя, страшный удар снизу разламывает лодку надвое. Ты проваливаешься в жидкий лёд, он накрывает тебя с головой. Ты кричишь от страха и холода, ты хочешь жить, но у тебя не получается.

Холод скользит по гортани, врывается в лёгкие. Ты видишь рядом что-то большое, чёрное и в бугристых наростах. Длинные толстые усы — или это змеи?! — колышутся у громадной пасти, которая запросто проглотит тебя целиком. Левиафан могуч, его хвост — крыло самолёта, глаза — полусферы в прожилках вен. И в глазах тех любопытство. Левиафан ещё не видел таких, как ты.

А ты идёшь ко дну, ты не умеешь плавать.

Ты не умеешь дышать под водой!

Мгновение — и левиафан уже рядом, можно прикоснуться к нему. И ты не хочешь, нет, но тело решает иначе, руки хватаются за плавник чудовища. И оно тут же взмывает вверх.

Ты прошиваешь головой границу жидкого льда. Ветер обжигает лицо. Туман далеко, вторая лодка в каких-то метрах от тебя.

Ты делаешь хриплый вдох и…

Сайгон проснулся в холодном поту Или очнулся? Ведь, кажется, он потерял сознание…

Сон был настолько реальным, что Сайгон минут пять не мог избавиться от уверенности, что это он сам участвовал в тех событиях: обжигающе холодная вода, громадная тварь, по всему — сом-мутант, товарищи, которые едва затянули в лодку его полумёртвое тело…

Во сне он купался голышом, у него была чёрная кожа, его товарищей тоже не назовёшь альбиносами. Это не Сайгон, это каннибал по кличке Лектор плыл по Днепру и тонул… Точно! Нигериец! Этот кошмарный сон — эпизод из прошлого Лектора, не иначе. Да уж, не хотел бы Сайгон оказаться на месте бродяги. Но ведь оказался?..

Как такое может быть?!

— Где я? Что, чёрт побери, со мной происходит?! — спросил

Сайгон темноту, что окружала его. Хоть открывай глаза, хоть закрывай — без разницы, видимость нулевая.

Последнее его воспоминание: он обнимает рыжеволосую кокетку, а потом…

Потом он оказывается в лодке посреди могучей реки.

А дальше — вот.

Чёртовы амазонки! Что они с ним сделали? Куда засунули? Ощупывая пол — каменный, ровный, — Сайгон на четвереньках двинул вперёд и почти сразу уткнулся головой в решётку. Сталь, толстая, не погнёшь, не сломаешь. Мышцы отозвались болью, когда он напрягся, пытаясь вырвать прутья. Никак. Он обследовал темницу по периметру и убедился, что решётка отсекает его от прочего мира с четырёх сторон. До потолка не достал даже в прыжке…

А потом он что-то услышал. Какой-то звук… странный. Он, как любой крот, мог отличить шаги крысы-самки от поступи крысы-самца. Не спрашивайте как, просто мог, проверено. А тут… Сайгон никогда не слышал ничего подобного.

Он перестал дышать, вслушиваясь во мрак.

Хм, тихо… То есть вообще ничего. Показалось? Но когда Сайгон решил, что это из-за переутомления, звук повторился — по левую руку от него. Сайгон развернулся, приготовившись встретить опасность лицом к лицу, но тут прозвучало вновь — позади. И опять — слева. И вновь — справа. Сайгон вертелся, как юла. Неведомые враги окружали его! Уже окружили!

Ополоумев от страха, он вцепился в решётку и хотел позвать на помощь, но не смог выдавить из себя ни звука! Он готов был ползать на коленях, моля амазонок о милости…

И вдруг темнота тяжело задышала у самого его лица:

— Не бойся, красавчик. Это я.

Он отпрянул, хотя голос показался знакомым. Барби, это же Барби! Вот уж никогда не подумал бы, что так обрадуется визиту рыжей амазонки. А ведь из-за неё Сайгон угодил в эту богадельню!

— А я и не боюсь, Барби. С чего ты взяла? — Дар речи вернулся так же легко, как и пропал.

— Тут акустика такая, что любой обделается от шороха шагов. И я не Барби, меня зовут Гильза! — Темнота обиженно засопела.

— А нормальное имя у тебя есть?

— Это и есть нормальное. — Рождённые в метро без пиетета относятся к Ф. И. О. В отличие от старшего поколения, которое изо всех сил цепляется за устои прошлого.

Сайгон отчётливо представил себе девушку. Лет

восемнадцати, небольшого роста, не то чтобы худощавая, но и не пышка. Всё при ней, кожа чрезмерно светлая, как у всех, кто родился под землёй…

В темноте мозг страдает из-за отсутствия информации. Чтобы не сойти с ума, надо хорошенько постараться. Этому приему Сайгон научился в лагере мародёров. Надо предельно точно воспроизвести по памяти картинку и заставить её двигаться, добавив звуки и запахи.

Попробуем? Сайгон мысленно перенёс амазонку к себе на ферму и в свете карбидки заставил медленно раздеваться и ласкать себя. Маленькая месть за причинённые рыжей неудобства.

— Ты красивый. Ты мне сразу понравился.

— Продолжай! — хмыкнул Сайгон, с интересом мысленно наблюдая за изгибами молодого тела.

— Ты так похож на моего мужа…

На воображаемой ферме внезапно появилась Светка, смерила взглядом Гильзу и тут же двинула муженька кулаком в глаз. Воображение Сайгона обладало такой силой, что его буквально опрокинуло на спину, он схватился за лицо. Ну вот, теперь синяк будет!

Ферма вместе с рыжей бестией сгинула во мраке.

— Мой муж… он погиб. — Гильза затихла, похоже удалившись в собственный мир, как это только что сделал Сайгон. Единственное отличие — он грезил наяву, а она вернулась в собственное прошлое. — И я… стала другой. Я ушла от жестоких мужчин, которые убивают друг друга. На Нивках только женщины, тут мир и справедливость. Каждой девушке рады, как родной сестре. Так мне говорили. И я поверила! Ты не представляешь, что мне довелось пережить, чтобы оказаться здесь. Но я ошиблась. Я больше не могу находиться среди этих извращенок! Мне здесь не место! Я задыхаюсь, я хочу уйти, понимаешь?! — Гильза шептала с таким жаром, что Сайгон едва вновь не перенёс её на ферму. В последний момент передумал. Не рискнул. Из-за супруги.

— Так уходи, если тебе так плохо.

— Одна я боюсь! Что-то таится в туннелях по обе стороны от Нивок! Опасно! Люди пропадают. Пройти можно только караваном…

Что творится в туннеле на Святошин, Сайгон уже знал. А вот насчёт пути к Берестейской — это новость. И новость не слишком приятная.

— Что ты хочешь от меня, Барби?

— Я не Барби, красавчик! Меня зовут Гильза. И я могу

выпустить тебя из клетки, а могу не выпускать. Могу провести через станцию и все засады за её пределами, а могу не делать этого… — Девушка замолчала.

Сайгон не выдержал:

— Что ты хочешь от меня, Гильза?

— Ты поклянёшься своей женой, которую так любишь, что отведёшь меня на Берестейскую.

— Клянусь! — тут же выпалил он и сам понял, что дал слово слишком торопливо. Спешка в таких делах не вызывает доверия. Прочистив горло, он добавил: — Обещаю сделать всё, от меня зависящее, чтобы ты, Гильза, попала на станцию Берестейская.

Некоторое время девушка молчала, будто не она Сайгону, а он ей сделал предложение и теперь надо хорошенько его обдумать, взвешивая все за и против.

Наконец зазвенели ключи в связке. Сайгон облегчённо вздохнул.

— Зажмурь глаза. Я подсвечу.

Чиркнула спичка. Вспышка резанула по глазам даже сквозь веки. Послышался щелчок замка, дверь скрипнула. Свобода! — Раздвинув плечи, Сайгон вышел из темницы.

И тут что-то кинулось на Гильзу из темноты.

Глава 5
ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО ИЮНЯ

Сверкнуло лезвие ножа.

Рискуя напороться на заточенный металл, Сайгон оттолкнул девушку и перехватил руку убийцы, который тут же вырвался и отступил назад. Повезло — кончик лезвия лишь оцарапал шею амазонки, выступила алая капля. Спичка погасла. И тут же загорелась новая. Нападение было неожиданным, но Гильза не ударилась в панику. Без огня никак. Бой в темноте с тем, у кого ноктолопия,[5] — чистейшее самоубийство. И потому — вторая спичка, сразу. Сайгон это оценил. Теперь бы девушке выхватить пистолет и направить на высокую чёрную фигуру… Но, похоже, Гильза безоружна — сдала арсенал после боевого дежурства, такое практикуется на многих станциях, на Святошине тоже.

— Не надо, — тихо произнёс Сайгон, обращаясь к чёрной фигуре, которая действительно была чёрной. Если ты на враждебной станции, лучше не привлекать к себе внимания громкими звуками, верно? — Это Лектор, мой напарник, — представил он девушке нигерийца. — А это, прошу любить и жаловать, комсомолка, спортсменка и просто красавица. Зовут Гильза. Она пойдёт с нами на Берестейскую. Такие дела, братишка.

Лектор (это он едва не отправил амазонку к праотцам) протянул руку:

— Лектор.

— Гильза. Приятно познакомиться.

Ответное рукопожатие было не по-женски сильным — разминая кисть, Лектор едва заметно поморщился. Он вновь удивил Сайгона: сначала предупредил о червях-мутантах, потом явился освобождать напарника, хотя выгоды ему от этого никакой, одни лишь хлопоты.

— Чем это меня уделали? — спросил Сайгон. — Хлоп — и отдыхаю.

— Электрошокером. — Лектор отлучился за границу света очередной спички. Послышалось узнаваемое журчание. — Девчонкам, которые в засаде, шокеры выдают. На случай близкого контакта с врагом. Я хотел предупредить, но…

— Брось. Я сам виноват, — прикусил губу Сайгон.

Гильза подожгла новую спичку от предыдущей и подула на обожжённые пальцы.

— Не стоит мешкать. Надо скорей покинуть станцию.

Она слишком бодро расходовала дефицитный товар, произведённый в Балабаново. А ведь один коробок жетонов на двадцать потянет, а то и больше. Сайгону никогда не нравились расточительные девушки.

— Согласен, — поддержал амазонку Лектор. — Валить отсюда надо.

— Без рюкзака и оружия никуда не пойду! — Сайгон был настроен решительно: он не оставит обитателям Нивок с таким трудом нажитое добро.

Нигериец молча протянул ему нож. Тот самый, сапожный. Заточенный так, что бумагу на лету можно резать. Другое дело, что Сайгон ни за что не станет портить целлюлозу просто так, она ведь жетонов стоит…

— Этого мало. — Сайгон вернул лезвие в самодельные ножны на голени.

— Всё здесь. — Ботинки и одежда, рюкзак, лук с колчаном, пистолет и шестерни перекочевали к фермеру. — Но цепь я оставлю себе. Если ты не против, босс.

Сайгон опешил:

— Нет… То есть я не против… Но как ты сумел всё это добыть?!

Лектор улыбнулся:

— Ловкость рук, босс. И никакого мошенничества!

* * *

На правой кисти зеленела роза. На левой — ромашка. Отлично сделанные татуировки. Профи расстарался, высокого класса умелец, а не зёма из соседней роты, употребивший для храбрости полбанки «белой».

Вился дымок, весело потрескивало пламя. Сайгон неспешно подкладывал в костёр трухлявые доски, найденные нигерийцем в боковом ответвлении туннеля — это была опалубка; монтеры бетонировали что-то ещё до войны.

Гильза сидела напротив, скрестив ноги. На шее — длинный ремешок ридикюля, в котором поместилось всё приданое девушки. Она дремала в ожидании то ли ужина, то ли завтрака — со временем в метро полный бардак, а Сайгон разглядывал её и строил предположения о прошлом Гильзы. На привале-то заняться особо нечем, так почему бы и не поразмышлять о том о сём?..

Неужто мадам родом с Вокзальной и там её прописка до последнего звонка? Это многое объяснило бы — повадки,

подозрительную склонность к феминизму… Все жители Вокзальной — сидельцы, расписные, что твои матрёшки: с затылка до копчика, от ногтей до корней волос. Глянешь на кожные покровы — лучшие художники времен от бизона до Барбизона и рядом не приседают. К примеру, у того вора в законе, что преподнёс Сайгону лук, на груди была выбита Джоконда, а классический фон дополнял собор без крестов. Нет, серьёзно: улыбка имбецила, скромное платьице, все дела. Прям репродукция из учебника по зарубежной культуре — чётко снято, класс!..

— Чего уставился? Татушки мои понравились? — Оказывается, Гильза вовсе не спала.

— Типа того, — почему-то смутился Сайгон.

— Это цветы, — словно маленькому пояснила Гильза. — Они до войны на поверхности везде-везде росли. Это роза, а это… — Она замешкалась, вспоминая слово. — А это… барашка. Да, барашка.

— Ромашка, — не подумав, поправил Сайгон и заметил, как зло блеснули глаза амазонки.

— У тебя, может, и ромашка, а у меня барашка!

— Извини. — Он отвернулся, сообразив, что Гильза никогда цветов не нюхала и букетов ей не дарили, ведь родилась она в подземке, а из всего, что тут растёт, цветами назвать можно разве что грибы и картофель, что, конечно, в корне неверно. — Перепутал, наверное. Просто видел когда-то похожий цветок, и он так назывался.

— Правда видел? — Глаза Гильзы округлились.

— Правда. — Сайгону показалось, что в голосе девушки прорезалось уважение.

— Ромашка… — Амазонка покатала слово на языке. — Ромашка, да?

— Угу, — кивнул Сайгон.

Разговор о пестиках-тычинках его малость утомил. Раздав еду и угостив спутников водой, он сунул руку под рюкзак, а лук определил так, чтобы в любую секунду можно было его задействовать. Он уже почти заснул, когда Гильза шепнула ему в ухо:

— А точно везде-везде?

Сайгон не сразу сообразил, о чём речь.

— А-а. Ну да, везде. Сплошняком. И дома, и машины, и… Везде, короче.

— Я так и знала! — Щеки Сайгона коснулась прядь рыжих волос. — Так и знала! Ну, ничего! В метро тоже будут цветы расти! Согласен?

— Угу… — ответил Сайгон и провалился в сон.

…Он был рад, что троица без проблем покинула Нивки.

За последней засадой, где Гильза долго о чём-то шепталась с высокой худющей девицей, Сайгону почему-то бросился в глаза светофор, который был перекрещен двумя планками. Светофор сломался ещё до начала войны, об этом-то и говорила метка-крест. Сайгону, как и многим обитателям подземелья, казалось, что до войны всё было идеально, а вот поди ты — сломанный светофор. Ерунда вроде, а всё-таки. Не боги, нет, обычные люди тогда жили.

Прям как сейчас…

Сети освещения на станциях и в перегонных туннелях управляются дистанционно — из диспетчерских пунктов. Об этом не говорят, но знают все. Если на руководство найдёт блажь, обесточенная станция погибнет. Это любому понятно. Поэтому на ответственные посты допускают только проверенных, уравновешенных людей. Сайгону пост главы Святошина явно не грозит. Хотя…

В «кабинете» Матвея Алексеевича, начальника станции Святошин, есть телевизор. Каждый день Матвей Алексеевич включает его часа на два, не меньше. Экран неизменно показывает серую рябь, звук сломался давным-давно, но Матвей Алексеевич никому не позволяет прикасаться к телевизору, так что о починке и речи быть не может. Антенна выведена на поверхность. Матвей Алексеевич до сих пор надеется. Двадцать с гаком годков миновало, а он каждый день садится перед «ящиком» и два часа пялится в экран. А вдруг?

И после этого начальник Святошина — человек уравновешенный?

Безумие, вот чем болеет всё метро.

* * *

Проснулись, поели, двинули в путь.

Шли молча просто потому, что разговаривать было не о чем. Слишком уж разных людей свёл Хозяин Туннелей. То и дело поправляя рюкзак, Сайгон вспоминал, как однажды к Майору явился новобранец с Университета, шибко умный парень, который вовсю пользовался тамошней библиотекой, но не научной её частью, а собранием развлекательного чтива — фантастики, детективов и лавстори с комиксами…

«— Сталкеры? — Майор окинул юнца презрительным взглядом. — Да какие мы, тля, сталкеры?! Мародёры мы. Ма-ро-

дё-ры. Трупы обираем, квартиры выставляем. Шакалим, проще говоря. Хочешь сталкером быть или ещё кем — пшёл нах отсюда, у меня в отряде такой сволочи не водится! Вопросы есть?

Паренёк громко сглотнул и, поправив на носу очки, быстро завертел головой из стороны в сторону.

— Вопросов нет, — улыбнулся Майор и хлопнул себя по пятнистому колену. — Отлично. На том и порешим: ма-ро-дё-ры. Сволочи мы и гады. Но остальным, чистеньким и благородным, без нас никак. Мы им нужны. Вот такие дела…»

Сайгон мгновенно вынырнул из воспоминаний, услышав, как тонкий детский голосочек проникновенно выводит под завывания баяна:

> Двадцать второго июня,
> Ровно в четыре часа,
> Киев бомбили, нам объявили,
> Что началася война.[6]

— Что за чёрт? Вы слышите?! — Сайгон завертелся на месте, пытаясь определить, с какой стороны доносится звук.

Лектор мотнул головой. Гильза вообще не удостоила Сайгона вниманием.

— Ну как же так?! Ребёнок поёт. Слышите?!

Гильзу вдруг затрясло, зубы её отчётливо клацали, она развернулась, явно намереваясь кинуться прочь.

— Эй, ты чего? — Лектор схватил её за плечо.

— Это… это… это… — У Гильзы зуб на зуб не попадал.

Сайгон шагнул к ней и влепил пощёчину. Помогло. На глазах у девушки блеснули слёзы.

— На Нивках, если рождается ребёнок с отклонениями, его… его… — Девушка разрыдалась.

Сайгон слышал, что делают с такими детьми на Нивках. Их попросту оставляют в туннеле, то есть обрекают на смерть в клыках пацюков. А так как с амазонками чаще всего имеют дело караванщики, которые шляются по всему метро и таскают с собой радиоактивные вещи, то…

— Говорят, души этих детей бродят по туннелю. И когда душ станет достаточно много, они придут на Нивки и…

— Но-но, успокойся. — Лектор обнял девушку и погладил её по спине. — Ты ушла с Нивок, тебе ничего не грозит.

— Правда?

— Да, — подтвердил Сайгон.

Он больше не слышал детского голоса. Сквозняки, наверное. Да и мало ли что может почудиться в темноте под землёй?..

* * *

Сайгон точно помнит дату, день недели и год, когда началась ядерно-бактериологическая война. Это случилось вовсе не двадцать второго июня. Но самое забавное, что остальные обитатели метро помнят иное. И мало того — у каждого своя дата и даже свой год. И всё бы ничего — подумаешь, тронулись рассудком, массовый психоз, — но Светка! Светка же была с Сайгоном в джипе руссички Елены Владимировны. Казалось бы, супруга должна помнить то же, что и он, верно? А вот и нет! Несовпадение у них не то что в днях, но даже во времени года! Ещё один феномен подземной жизни.

Примерно так же в метро люди разных национальностей без труда понимают друг друга. Включились какие-то особые, никем не изученные механизмы людской природы. Глобальная катастрофа всему виной… Кто знает все поражающие факторы ядерного взрыва? Ах, в учебниках по ГО конкретно написано, по пунктам? Умные, да? А вот яйцеголовые — дураки с научными степенями — задирали лапки, понимая, что с каждым годом узнают всё больше и больше и знания эти их ничуть не радуют…

Об электромагнитном импульсе стало известно спустя десятки лет после взрыва первого ядерного заряда. «Ядерную зиму» просчитали и того позже. Нужны ещё доказательства?

— Да ладно тебе, босс, не горячись так! Кто ж знал, что китайцы по нам жахнут? — прервал его размышления Лектор. Сайгон и не заметил, как начал думать вслух.

— Почему это китайцы? — Гильза вроде успокоилась. — Американцы! Это они войну начали!

— На кой мы нужны Америке и тем более китайцам? — Сайгон вытащил из рюкзака флягу с самогоном и немного отхлебнул, чтобы успокоить нервы. — Русские, больше некому. Это Москва по нам ударила. Дабы усмирить непокорных хохлов.

— Или пакистанцы. Они давно грозились, босс. Если от них не отстанут, то…

— А ещё я слышала, будто бы Северная Корея начала. Корейцы авианосец чей-то потопили или яхту, не помню, а тут Америка вмешалась, вроде как учения у берегов проводить надумала. Так корейцы предупреждали, предупреждали, а потом и жахнули. Ну и понеслось…

— У Ирана тоже была ядерная программа.

— Индия всё грозила Пакистану войной…

— А террористы…

— В Ираке ещё искали оружие массового поражения…

— Так ведь не нашли, босс. Китайцы, они во всём виноваты!

Под ногами Сайгона хлюпнуло влажным.

— Стоп! — рявкнул он. — Вода!

Гильза тут же потянулась за спичками, Лектор отступил в темноту, свет мешал ему видеть то, что творилось дальше в туннеле.

Очень плохо, когда вода — утоляющая жажду, свежая — не в трубах, а вот сама по себе, у рельсов. Маленькая лужа — предвестник большой беды. Откроется течь — туннель обвалится, а то и затопит его вместе с ближайшими станциями. Так однажды станция Святошин едва не стала братской могилой, эдаким подземным «Титаником», так что Сайгон не понаслышке в курсе, какой опасностью грозит хлюпанье под ботинками. Кстати, обуви вода тоже не на пользу.

Дальше двигались в колонне по одному. Трое — ведь это уже колонна? Сайгон с фонарём впереди. Луж попадалось всё больше и больше, и даже сам воздух будто пропитался влагой.

— Что это? Почему вода? — спросил Сайгон у нигерийца. — Ты ведь проходил уже здесь?

— Давно, босс. Сухо тогда было. Давно. Теперь иначе.

Это уж точно. Иначе.

Теперь не просто лужи, но сплошное, без отмелей, озеро впереди. Не река, потому что течения нет — Гильза кинула в воду горелую спичку, её не унесло. Стока нет. Хорошо это или плохо? Не спрашивайте Сайгона, он не знает.

— И как мы теперь, босс?

— Поживём — увидим. — Сайгон повёл фонарём по стене у кромки воды.

На уровне груди луч уткнулся в надпись, сделанную белой краской: «Такси. Услуга платная». Сначала он подумал, что это просто глупая шутка караванщиков. Они же сутками не вылезают из тёмных туннелей, вот крыша и едет, развлекаются они так. Но потом он заметил над водой натянутый кабель, один конец которого был примотан к крепёжке на стене, а второй терялся во мраке над озером. Или всё-таки над рекой?..

Услуга платная? Годится! Сайгон ухватился за кабель и тряхнул несколько раз, благо тот провисал вдоль стены. Вдали послышалось звяканье — будто к кабелю привязали несколько пустых консервных банок, которые, соударяясь, издавали дребезжащий звук.

— А может, уйдём, босс?

— Поздно. Я уже вызвал такси по телефону.

Темнота над водой вдруг взревела раненым зверем. Гильза попятилась. Вне станции Нивки она больше не претендовала на роль бесстрашной воительницы. А так круто себя вела, спички

жгла…

Сайгон натянул лук.

Нигериец раскрутил над головой цепь.

Из темноты на них, бесшумно скользя по воде, двигалось что-то большое.

— А краску где взял?

— Где взял, там уже нет.

Сайгон сразу окрестил его Хароном. Про себя, конечно. А как ещё называть двухметрового мужика, закутанного с ног до головы в ОЗК? Не Василием же Петровичем Ивановым или ещё каким паспортным именем, смысла в котором нынче не больше, чем в руководстве по выращиванию орхидей. Харон — куда круче и по существу.

— Уже нет? Шутник?

— Ага. — Качнулся хобот противогаза, закрывавшего лицо перевозчика.

Как выяснилось, нечто большое и бесшумное, которое двигалось по воде из темноты, и есть то самое такси — плот, составленный из нескольких надувных лодок сплошь в латках. Резина и ещё раз резина. К каждой лодке придавался собственный насос, поскольку все они были от разных производителей, не пожелавших вводить единый стандарт. А рёв раненого зверя имитировался посредством дудки болельщика, пластмассового двухцветного цилиндра. Футбола давно нет, а дудки остались. Внушительно звучит в темноте, Сайгона впечатлило. Да и не только его.

— Сколько за троих?

— Патроны есть? — Харон не спешил звать клиентов на борт. Опираясь на багор, он остановил плот метрах в пяти от берега.

Сайгон вернул стрелу в колчан:

— Жетонами расплатимся.

— Тогда по двадцать за каждого.

— По десять.

— По пятнадцать.

— Двенадцать. Больше не дам, — отрубил Сайгон. Он всегда гордился своим умением торговаться.

Багор оттолкнулся от дна, плот начал медленно удаляться.

— Эй, ты куда?!

— Вызови другое такси.

— Хорошо, пятнадцать!

— Двадцать пять.

— Идёт! — Сайгон вытащил из рюкзака мешочек и отсчитал нужное количество жетонов.

— Это мы ещё хорошо отделались, — шепнул он Лектору. — А если б этот крохобор по тридцать запросил?..

Да-да, Сайгон гордился тем, что умеет сбить цену.

Довоенные жетоны для оплаты проезда в метро — универсальная валюта на всех станциях Святошинско-Броварской линии. Гривны, баксы, евро… всё это не прижилось. В безумии первых дней после войны люди использовали купюры как туалетную бумагу и жгли из них костры. Потом была попытка использовать в качестве денежных единиц патроны. Но те расходовались слишком активно и сами по себе были дефицитным товаром. А вот жетонов в метро оказалось предостаточно.

Сайгон не в курсе, как на прочих станциях, а на Святошине поступили по справедливости. Взломали турникеты и автоматы по продаже жетонов. Содержимое разделили между всеми, кто был на станции, поровну. Матвей Алексеевич как раз на этом и поднялся — руководил процессом. Благодарный народ избрал его начальником станции. Единогласно. Причём голосовали перед тем, как Алексеевич дал команду выдать гражданам их паи. Что тут сказать, Алексеевич дураком никогда не был. Вот только с телевизором у него пунктик. Ну да все в метро со своими тараканами в голове…

— Нам бы на ту сторону. Где сухо.

Лектор и Гильза дружно закивали, подтверждая просьбу Сайгона.

— А я думал, на полпути сойдёте. Окунуться вам надо или ещё чего. Ошибся?

Сайгон внимательно посмотрел на перевозчика. Шутит? Типа чёрный юмор? Или всерьёз? Но маска противогаза надёжно скрывала лицо Харона.

— Шутка, конечно. Жетоны вперёд.

Сайгон с облегчением выдохнул и протянул плату за проезд. Он первым шагнул на борт подземного лайнера повышенной комфортности. И едва не рухнул в воду — резиновая конструкция оказалось крайне неустойчивой. Гильза и Лектор присоединились к Сайгону с большей грациозностью.

Плот отчалил.

Сняв рюкзак и положив рядом с собой лук, Сайгон заметил, что озеро неглубокое, ему по пояс максимум:

— И зачем платить, если можно пройти вброд?

Перевозчик пожал плечами:

— Хоть сейчас верну жетоны. И скатертью дорога.

По двадцать пять за человека, итого — семьдесят пять. Как бы серьёзная сумма, жаль с ней расставаться за здорово живёшь. Но с

другой стороны — что-то тут не так, раз Харон готов вернуть полную предоплату. Только это останавливало Сайгона от того, чтобы двинуть своим ходом. Неужели в мирной с виду водичке таится серьёзная опасность?

Какое-то время Сайгон безуспешно всматривался в чёрную гладкую поверхность, кое-где в масляных разводах. Ну хоть бы какой-то намёк!.. Однако ничто не предвещало беды, и именно это больше всего беспокоило Сайгона.

Но всё оказалось прозаичней. Заметив его терзания, Гильза достала из видавшего виды ридикюля небольшой пластиковый коробок с ЖК-экраном на боку и включила его. Проверив уровень радиации, она спрятала дозиметр обратно. При этом зябко поёжилась. Интересно, откуда у амазонки такой дорогой прибор?..

— Я так и думала.

Озеро безбожно фонило, что вовсе неудивительно: то тут, то там протекал свод туннеля — мелкие струйки были похожи на дождь. Вода с поверхности, потому-то перевозчик так вырядился. Значит, ему не нужен хороший психиатр и сибазон, он знает, что делает. Тем хуже для путников.

Сайгон приуныл.

— Ага, — подтвердил Харон. — Водичка тут лечебная. Разливай в бутылки и продавай.

— И купаться в ней полезно не только на Крещение, — невесело развил тему Сайгон.

— Во-во, друг, рубишь фишку. Ну так что, прибыль пополам?

Багор раз за разом отталкивался от дна, продвигая плот по туннелю. Чем дальше отплывали от «суши», тем глубже погружался багор. Туннель заметно уходил под уклон. Вскоре Харон окунал руку по локоть, чтобы толкнуть плот дальше. И когда впереди обнаружился кабель, под углом натянутый между стенами в полуметре от воды, перевозчик с облегчением засопел в хобот противогаза. Ухватившись за кабель, Харон принялся тянуть — усилия он прилагал значительные, но помощи не просил. Что ж, человек за это жетоны получает, и немалые, рассудил Сайгон. Вскоре, прижав плот надувным боком к стене, Харон перехватил продолжение кабеля, что тянулся к другой стене. Таким вот зигзагом плот двигался дальше уже без помощи багра. Скорость заметно увеличилась. И ещё… Одному Сайгону казалось, что с каждым пройденным метром потолок приближается к воде?..

Так оно и было. Даже при очень большом желании Сайгон и его команда вряд ли пересекли бы озеро вброд. Вскоре вода поднялась так высоко, что им пришлось наклонять головы, чтобы

не набить шишки о свод туннеля. Мрачное место. Ещё и сверху льёт.

Зонтом сплошь в цветочках Харон накрыл карбидку, которой освещал курс. Мимо проплыла оранжевая строительная каска, Лектор хотел было подхватить её, но почему-то передумал. Сайгон задумчиво проводил каску взглядом.

Затем потолок медленно, но уверенно пошёл вверх. Вскоре закончился последний кабель, протянутый от стены к стене, и вновь Харон воспользовался багром.

Его пассажиры заметно повеселели.

— Есть такие карты, на них объекты метрополитена нанесены на план города. Масштаб один к пятистам, — пробормотал Сайгон, сам не зная зачем. Наверное, хотелось сказать что-нибудь хорошее. — На тех картах указано всё, что есть возле выходов из метро, возле каждой вентиляционной шахты. Здесь поднимешься — в супермаркет попадёшь, там — в больничку.

— И что? — зевнула амазонка. Несомненно, ей было очень интересно узнать ответ на свой вопрос.

— Как что? Обладая такой картой, вы владеете всеми богатствами поверхности! Ну, почти владеете. Говорили, карта была у Майора, вот только она пропала вместе с хозяином. Может, и так, но я ни разу не видел у него что-либо подобное…

— Красивая сказка, босс.

— Это вовсе не сказка!

— Какая разница, босс? Наверху за два десятка лет мало что сохранилось. С каждым годом мародёры приносят всё меньше и меньше ценного. Так говорят, босс.

Сайгону нечего было на это возразить.

— А хотите, анекдот расскажу? В тему? — Лектор, не дожидаясь согласия, начал: — Идут однажды по туннелю Алексеевич, Космос и Майор, а навстречу им…

Впереди, за границей сектора, освещённого карбидкой, послышался негромкий всплеск. Лектор замолчал. Гильза застыла с открытым ртом. А Сайгон уставился на перевозчика, который как ни в чём не бывало двигал плот дальше. На воде покачивалась ещё одна оранжевая каска. Она прям так и говорила: «Ну же! Возьми меня, возьми! Авось пригожусь!».

Сайгон мотнул головой, прогоняя наваждение.

И тут он увидел, как в воде промелькнуло что-то белое и длинное. Только он открыл рот, чтобы спросить о тварях, обитающих в здешних водах, как плечо его пронзила боль. Резкий рывок — и он взмыл в воздух, оторвавшись от резины плота. А в следующее мгновение с головой погрузился в воду. И тут же открыл глаза.

Вода была на удивление прозрачной, и света карбидки на плоту вполне хватило, чтобы увидеть двух монстров, плавающих рядом. Проталкивая себя хвостами сквозь воду, они словно прикидывали, куда лучше укусить человека, вторгшегося на чужую территорию.

Это протеи, понял Сайгон, только слишком уж большие и чрезмерно активные. И слепые. Тварям, живущим в подземных реках, глаза ни к чему… Всё-таки не зря он посещал юннатский кружок.

Вода взволновалась. Кто-то ещё покинул плот не по своей воле. Протеи резко ушли в сторону, исчезнув из поля зрения Сайгона. Выпуская через нос пузыри, он завертел головой, опасаясь, что мутанты зайдут со спины или поднырнут снизу. Второй вариант, как выяснилось, ему не грозил — ягодицами он упёрся в шпалы. Сообразив, что достиг дна озера, Сайгон вскочил на ноги. Воды до подбородка, уже легче.

Рядом барахталась Гильза. В глазах её читался лютый ужас. Она то и дело уходила в воду с головой, тут же выныривала, кашляя и плюясь, и опять погружалась. Мокрые распущенные волосы облепили её лицо.

На плоту, встав в полный рост, вцепились друг другу в глотку перевозчик и нигериец. Двоих Харону удалось сбросить в воду, но с Лектором не так-то легко совладать. Он хоть и тощий, но жилистый.

Сглазил! Харон двинул кулаком в висок нигерийца. Сайгон охнул. От такого удара лично он испустил бы дух. Но нет, Лектор не ослабил хватки, хотя сознание его помутилось. Ещё удар — и он упал на колени, потащив за собой Харона. Накренившись, плот зачерпнул воды. Харон пытался оторвать от горла руки бродяги — безуспешно. Тогда перевозчик вновь размахнулся, а силы ему, похоже, не занимать. Вот-вот он сломит сопротивление каннибала. Причём сломит — в прямом смысле.

А значит, Лектору нужна помощь. Срочно!

Но и Гильза в беде. Она не только тонула там, где утонуть невозможно, но и верещала от боли. Что случилось?! Вода вокруг девушки окрасилась алым. Над поверхностью мелькнул изгиб белой спины. На Гильзу напали протеи и самой ей не отбиться!

Лектор?..

Гильза?..

Кому нужнее помощь Сайгона?!

Пацюк вас закусай! Отталкиваясь от дна, Сайгон двинул к девушке, кляня себя за драгоценные секунды, потраченные на выбор. Конечно же, первой он должен спасти рыжую бестию, пообещал ведь доставить её на Берестейскую. А свои обещания

Сайгон выполняет вопреки всем каверзам судьбы.

— Мамочка!!! Помогите!!! — Девчонка хлопала ладошками по воде.

Сайгон нырнул и проплыл несколько метров под водой, вспугнув протея, уже изготовившегося к атаке на амазонку. И стоило только Сайгону оказаться рядом с Гильзой, она так вцепилась коготками ему в загривок, что он сам едва не заверещал от боли:

— Да что ж ты делаешь, Барби?!

Пропустив мимо ушей обидное прозвище, девушка вскарабкалась на Сайгона, словно он не человек вовсе, а стремянка. Через мгновение она уже стояла у него на плечах. Девушка с радостью взобралась бы на голову фермера, но вот беда — мокасины соскальзывали.

На плечах… Зацепив Сайгона багром, перевозчик выкинул его за борт. Но плечо уже почти что не болело. Наверное, потому, что крюк его лишь оцарапал. А вот в старенькой армейской куртке на одну дырку стало больше.

— Держись крепче, дура! — Сайгон ухватил амазонку за лодыжки и шагнул к плоту.

Надо отдать девушке должное, она отлично балансировала на плечах. Это ж как ей не хотелось в воду, к протеям!

Заметив приближение пассажиров, которых попросили за борт, Харон широко размахнулся багром. На его беду он имел дело не просто с домохозяйкой, севшей на шею своему мужчине, но с амазонкой, вставшей на плечи мужчине хоть и желанному, но чужому. Багор свистнул в воздухе. Едва не опрокинувшись в пучину, Гильза резко присела. И случилось чудо — она ловко перехватила наконечник багра. И сильно дёрнула на себя.

Древко выскользнуло из рук Харона, от неожиданности он упал. Удачно упал — рядом с Лектором, который просто не мог упустить такой шанс и тут же снова вцепился перевозчику в горло.

С Гильзы текла подкрашенная кровью вода. Сайгон находился как раз в центре розовой лужи на поверхности озера. Кровь наверняка привлечёт мутантов…

Он как в воду глядел.

То есть он действительно смотрел в воду перед собой — и потому сразу увидел два гибких тела, устремившихся к нему.

И тут амазонка вновь проявила чудеса сноровки. Она метнула трофейный багор. Остриё пробило череп мутанта. Протей задёргался в агонии, поднимая фонтан брызг. Потеряв-таки равновесие, Гильза с криком рухнула в воду. Второй мутант почёл за благо исчезнуть в подземных глубинах.

Так и не удушив перевозчика, Лектор принялся молотить его кулаками по резиновой маске.

— Хватит, братишка! Ну хватит, говорю! — Сайгон помог Гильзе вскарабкаться на плот и, тяжело дыша, залез следом.

Лектор опустил кулаки.

Но только Сайгон отвернулся, чтобы проверить, на месте ли его оружие и рюкзак, как нигериец сорвал с Харона противогаз. Удар в нос, брызнула кровь. Пальцы Лектора впились в горло перевозчика. У того уже не было сил сопротивляться. Единственное, на что его хватило, — перекатиться к краю и попытаться выпасть за борт в надежде, что уж там чёрный дьявол оставит его в покое. Но не тут-то было. Нигериец не позволил ему так просто уйти. Лицо африканца побелело от ярости.

— Оставь его! Слышишь, оставь! — Сайгон приложил немало усилий, отдирая пальцы Лектора от горла перевозчика.

Харону, кстати, было лет двадцать с мелочью от силы. Надо же, а казалось, что он значительно старше. Вот что значит разговаривать в «хобот» и смотреть на мир сквозь окуляры.

— Я убью его, босс!!! Не мешай мне!!! Убью его!!! Убью!!!

— Нет. Я запрещаю тебе делать это, — спокойно, будто ничего не случилось, сказал Сайгон.

Лектор сник, но ноздри его всё ещё раздувались:

— Хорошо, босс…

Сайгон хотел объяснить, что делает так вовсе не из человеколюбия, что он сам не прочь вырезать сердце Харона и скормить протеям, но… промолчал. Долго объяснять, что «коней на переправе не меняют». Что затопленный отрезок туннеля не пройден до конца, мало ли какие неприятности подстерегают путников впереди, а перевозчик явно в курсе, что и как. Чем не повод пока что сохранить Харону жизнь?

— Ну и отлично, братишка.

Сказав это, Сайгон заметил в руке Гильзы вилку. Девушка явно намеревалась вогнать её Харону в живот.

— Барби!!! Хочешь искупаться?!

Рыжая тут же спрятала столовый прибор за спину и сложила губы бантиком:

— Нет-нет, красавчик, что ты? Я уже. Ну разве что с тобой…

Не очень-то у неё получалось кокетничать после того, как она помыла косы радиоактивной водичкой и едва не покормила «рыб». Скажем так, улыбка на троечку, никакого желания обнять и приласкать. Сайгону никогда не нравились девушки с трезубцами в руках.

Он повернулся к перевозчику, который едва дышал:

— Я сохраню тебе жизнь, если довезёшь нас в целости и

сохранности.

Харон прищурился и едва заметно улыбнулся. Он не поверил ни единому слову святошинца.

— Я не шучу. — Сайгон помог ему подняться. — Вот твой багор.

Размотав цепь, Лектор внимательно следил за каждым движением перевозчика. Если Сайгон и рисковал, то по минимуму. Опять же вилка Гильзы…

— Откуда они взялись? — Лектор сверлил взглядом затылок Харона, то и дело окунающего багор в воду. — Эти белые… как их?..

— Протеи, — подсказал Сайгон.

Не оборачиваясь, Харон пожал плечами:

— Не знаю. Завелись.

Он рассказал, что мутанты едят не часто, но пища им всё-таки требуется. Если их вовремя не накормить, они выходят на сушу и… Сайгона передёрнуло, когда он представил, как по Святошину, перебирая короткими лапами, скользят белые твари и нападают на людей, сея панику… Пусть уж лучше перевозчик их подкармливает. Кем-нибудь. Но только не Сайгоном и его близкими.

Рядом с плотом покачивалась каска из оранжевого пластика.

— Ну-ка дай багор, — потребовал Сайгон.

— Зачем? — насупился Харон.

— Дай, я сказал.

Харон нехотя повиновался.

Сайгон зацепил крюком каску и потянул к плоту — вода тут же взбурлила, кончик багра обхватили острые зубы. Распробовав железо, протей выплюнул его и ушёл на глубину.

— Ты смотри, — восхитился Сайгон, — они так добычу приманивают! Ловят на каску. Руку протянешь — и на тебе!

Лектор громко сглотнул. Сообразил, что чуть не остался без кисти. Это в лучшем случае.

Впереди показался «берег»…

* * *

— Удачного пути! — Харон натянул на лицо маску противогаза и отчалил, едва путники сошли с плота.

— Удачного плаванья, — кивнул на прощание Сайгон.

Лектор и Гильза промолчали.

Какая-то мысль мелькала на краю сознания, но Сайгон не сумел её поймать. Что-то он сделал не так, допустил ошибку…

Жетоны? Точно. Надо было отобрать у перевозчика жетоны. Как же он сразу не догадался это сделать?! От досады Сайгон чуть не взвыл. Ну ничего, он так или иначе компенсирует свои потери!

— Один момент, уважаемые. — Он встал на пути у Гильзы и нигерийца. — Я заплатил за ваш проезд. И хочу получить своё. Итак, девушка, с вас двадцать пять жетонов. Всего лишь.

Гильза, которая на ходу расчёсывала мокрые волосы, показала Сайгону оттопыренный средний палец:

— Обойдёшься. Я вытащила твою красивую задницу из тюрьмы, а взамен ты обещал доставить меня на Берестейскую. Вот и доставляй. А как — меня мало волнует. Хоть весь туннель купи.

— Лектор?..

— Без проблем, босс, — широко улыбнулся нигериец. — Буду должен.

Сайгон посмотрел на его набедренную повязку и тяжело вздохнул.

Глава 6
КОМАНДАНТЕ

Берестейская встретила путников пёстрыми одеждами и криками торговцев, хватающих за руки и всячески уговаривающих купить их товар.

А товаров — самых разных! — было великое множество. Стоило ли подвергаться опасностям, рисковать жизнью и едва не накормить собой пацюков и водных мутантов, чтобы увидеть всё это великолепие?

Да, стоило! Сайгон был в этом уверен на все сто.

Те станции, что он посещал прежде, не шли ни в какое сравнение с Берестейской. Он уже бывал здесь, но с тех пор миновало то ли девятнадцать, то ли восемнадцать лет — вечность для обитателя подземелья. Интересно, кому в голову пришла такая идея — целую станцию превратить в рынок, открытый для посещения круглые сутки? Здесь не бывает ночи, здесь всегда светло. А для тех, кто привык спать в темноте, продают чёрные повязки на глаза. Надевай — и вот тебе ночь.

А люди? Люди здесь просто лучились доброжелательностью. Спешили извиниться, без конца улыбались, кланялись…

На станцию постоянно прибывали караваны. Свесив ноги с платформы и попивая свежую артезианскую воду — холодную, аж зубы сводит, Сайгон наблюдал за только-только вышедшими из туннеля торговцами. Их лица преображались с каждым шагом: решимость убивать всех и вся во мраке исчезала, злость тонула в глубине светлеющих взглядов, морщины на лбах распрямлялись. Эти люди, навьюченные огромными баулами, даже ростом становились выше.

А чего только не было в баулах!

В паре шагов от Сайгона торговец лет сорока, стащив с лица респиратор, принялся организовывать витрину на складном столике. Первой на брезент легла мясорубка. Далее — игрушка из металла; краска слегка облупилась, джип «Хаммер», двери открываются. Андрюшка грезил о таком. Сайгон потянулся за жетонами, но в последний момент передумал. Тащить лишний вес на горбу… Меж тем на столик легли вилки, освежители воздуха в баллонах, шурупы в масле и даже шуруповёрт со сменным аккумулятором.

На Берестейской можно купить всё что угодно. А если нужного товара нет — заказать его караванщикам или мародёрам. Сайгон приметил пару одиночек в ОЗК и кожаных

куртках, якобы бесцельно разгуливающих по платформе, но на самом деле демонстрирующих свой внушительный вид. Мол, смотрите, кроты, какие мы сильные и уверенные, мы можем принести сверху всё, что потребуется. Всё, за что вы способны заплатить.

— Сколько противогаз? — услышал Сайгон рядом.

— Сорок.

— Сорок?!

— Разве я тихо говорю?

— Да за сорок я мать родную продам!

— Хотеть — ещё не продать. Кому здесь нужны старухи?

Назревала потасовка. Но — обошлось без поножовщины, спасибо милиции Берестейской, которая подобные недоразумения пресекала в зародыше. И откуда только появился этот румяный молодчик в спортивном костюме? Он взмахнул резиновой дубинкой — и спор тут же прекратился.

— Штраф! — весело сообщил милиционер торговцу.

Получив жетоны от опечаленного коммерсанта, милиционер поймал за локоть покупателя:

— А вы куда? С вас тоже. За нарушение общественного порядка.

Невысокий мужчина с замашками обитателя Академгородка заявил, что платить не будет, и тут же рухнул на колени, получив дубинкой по лбу. Молодчик в спортивном костюме поднял коротышку и увёл, затерявшись в толпе. Всё произошло так быстро, что Сайгон даже засомневался, было ли это на самом деле.

Торговец противогазами, лысый и бородатый, подмигнул ему:

— Скупой платит дважды. Или умирает.

Показная доброжелательность гостей и обитателей Берестейской основывалась на власти, не терпящей даже намека на бунт. Сайгону всё меньше и меньше нравилась эта станция. На Святошине дела ведутся как-то честнее, что ли.

— А там чего вообще? — Сайгон кивнул на толпу в центре платформы.

— Казнь. Двое на стволах погорели, один на наркоте. — Торговец продемонстрировал простенький противогаз, в котором Сайгон не рискнул бы дышать ничем, кроме чистого воздуха. — Не хотите ли купить?

— Сорок?

Лысый улыбнулся:

— Вам отдам за двадцать пять!

Сайгон вежливо отказался.

Товары, торговля, товары… Тут можно купить овощи с

аграрной станции Политех — если вы знаете украинский язык. Националисты-казаки в этом смысле очень щепетильны, инородцам даже ботву не продадут. Девичью или мужскую любовь купить куда проще. Главное при сделке — не бояться венерических хворей… Наручные часы, фонящие так, что лучше их не носить. Мешки с землёй — тоже весьма радиоактивной. Потрёпанные книги и глянцевые журналы, на цветные фото, в которых нельзя смотреть без слёз: пальмы, пляжи, волны и красотки в бикини, на лицах счастливые улыбки… Всё можно купить и продать. Кроме оружия и наркотиков. Эти товары здесь под запретом. За патрон или шляпку мухомора показательно казнят — четвертуют.

Уже казнили. Толпа в центре платформы начала рассасываться.

Рядом с Сайгоном плюхнулся Лектор и голодным взглядом проводил таджика в тюбетейке, который расхваливал свои шашлыки из крысятины.

— Ну-у?! — Сайгон не выдержал первым.

Лектор выразительно посмотрел на удаляющегося таджика.

— Ну-у?!

Нет ответа.

— Эй, уважаемый! Да, вы! — Сайгон подозвал мужчину в тюбетейке и купил у него обугленное мясо на металлической спице. — Стоп! Это не всё! — Поймав взгляд торговца противогазами («Скупой платит дважды. Или умирает»), Сайгон попросил ещё одну порцию.

Лектор ел неспешно, обстоятельно, будто не голодный. Дурной пример заразителен — Сайгон потянулся к рюкзаку с домашними припасами, но понял, что кусок в горло не полезет, пока он не выслушает нигерийца.

— Гильзу видел. Работу ищет здесь. — Лектор тыльной стороной ладони отёр жирные губы.

— Да хрен с ней, с Гильзой!!! — взорвался Сайгон.

— Как скажешь, босс.

На Берестейской пути-дорожки амазонки и Сайгона с Лектором разделились. Девушка решила попытать счастья на бурлящей жизнью станции. «Работу найду, — сказала она, чмокнув нигерийца в щёку. — Или замуж выйду», — выразительно посмотрела на Сайгона, будто надеясь, что он будет её отговаривать. «Удачи», — буркнул Сайгон и отвернулся. Удивительно, но он жалел о том, что девушка уходит: она вытащила его из темницы на Нивках, а потом багром пронзила протея. И вообще он уже как-то стал к ней привыкать, что ли…

— Я тебя за чем посылал?! — прошипел Сайгон.

— Найти большого белого человека, у которого я взял губную гармошку.

— У которого ты украл…

— Тише, босс. — Лектор испуганно оглянулся. — Воров здесь тоже казнят.

— Да я сам тебя четвертую, если сейчас же не расскажешь, удалось ли тебе найти…

— …большого белого человека, — подхватил Лектор. — Да, босс.

Сердце Сайгона едва не выпрыгивало из груди — так сильно оно колотилось. По затылку уже привычно скользнул ветерок. Значит, Сайгон на верном пути.

На чёрное от природы плечо бесцеремонно сел волнистый попугайчик и укусил нигерийца за ухо. «Так тебе и надо», — подумал Сайгон.

Ладонь Лектора обхватила крохотное жёлто-зелёное тельце. На лице каннибала появилось хищное выражение.

Теперь настал черёд Сайгона пугаться. Не приведи Хозяин Туннелей, кто-то увидел. На всякий случай он отодвинулся от Лектора. Если что, они не вместе и даже не знакомы.

— Попугаи на Берестейской типа священных животных, — намекнул он каннибалу.

— Типа священных птиц. — Лектор вроде сильнее сжал пальцы.

Сайгон прикусил губу.

— Во-во. Это… Братишка, обижать попугаев нельзя. За подобное здесь…

— …четвертуют, — улыбнулся нигериец. — Я в курсе, босс.

Он показал пустую ладонь. Куда исчезла птица, Сайгон не заметил.

— Ловкость рук и никакого мошенничества?

— Так точно, босс.

На Берестейской обитали тысячи волнистых попугайчиков. В метро они попали точно так же, как кролики, хомяки и кошки — вместе детьми, не желавшими расставаться с домашними любимцами. Из всей подземной фауны попугаи оказались самыми везучими. На исторической родине, в Австралии, их считали вредителями, угрозой для урожая. А на Берестейской каждый попугай — талисман, приносящий удачу.

Согласно легенде, всё началось с того, что на станцию забрёл одинокий торговец, у которого, помимо обычного товара, была клетка с птицами — попугаями. Маленькая дочь начальника станции, увидев пташек, упросила отца купить их. Торговец отдал клетку бесплатно, но с одним условием — иногда он будет

навещать попугаев. Вскоре он опять посетил Берестейскую, но уже не сам, а в компании коллег-коммерсантов. Их приняли на станции как родных. С тех пор на Берестейской торговые караваны стали частыми гостями — и жизнь на станции забила ключом. А попугаи, размножившись, садились на головы, гадили и без конца чирикали. Но никто не смел их обижать. Ведь Хозяин Туннелей даровал станции первенство в торговле — в благодарность за приют, оказанный этим птицам…

Когда Лектор расправился со вторым шашлыком, Сайгон поднялся:

— Идём. Я хочу увидеть большого белого человека.

* * *

Поначалу-то все искали родственников. Казалось, это самое главное — найти любимую тёщу в толчее выживших. Потому и записки передавали со станции на станцию. В почтари назначались бойкие молодые люди — это были первые караванщики киевского метро. А ещё на каждой станции была стена, на которой вешали объявления, мол, ищу бабушку, девушку, папочку… Стена плача, так называлась она на Святошине. Сайгон частенько разбирал корявые почерки на листках, выискивая заветное послание отца. Если Ким-старший выжил, он наверняка ищет сыночка Серёжу!..

А потом как отрезало. Люди смирились с утратой. Надо жить дальше. Потому и расталкивали ближних своих, норовя сунуть заточку в бок. Да разве это жизнь?..

Жизнь!

Сайгон точно это знает. Нельзя роптать на кривую судьбу. У тех, кто остался на поверхности, вообще её нет. Зато есть мнение, что киевское метро — не единственное место на Земле, где люди спаслись от апокалипсиса. Были же ещё города с развитыми подземельями: Токио, Москва, Лондон, да тот же Харьков в конце концов!..

— Сволочь!!! Подонок!!! — кричали у полосатой палатки, заметной издалека.

Сайгон узнал голос. Сняв со спины рюкзак и прижав его двумя руками к груди, он двигался через толпу вслед за Лектором. Да, воров здесь казнят, но меньше их почему-то не становится. Со всего метро — не говоря уже о Вокзальной — сползаются они на Берестейскую, где вход свободный для всех.

— Это Гильза голосит! — обернулся к Сайгону нигериец и покосился на парней в спортивных куртках — те тоже

пробирались к полосатой палатке.

Они поняли друг друга без слов.

— Отвлеки ментов! — скомандовал Сайгон и сильнее заработал локтями.

Он успел вовремя. Одного взгляда хватило, чтобы понять, в чём дело. Девушка отправилась на поиски работы. Вряд ли она мечтала о стремительной карьере посудомойки, повышенной до подметальщицы полов в самой грязной забегаловке станции. Ей надо всё и сразу, и чтобы палец о палец не ударить. К сожалению, за красивые глазки и рыжую косу не очень-то спешили платить — пока Гильза не очутилась у приметной палатки. Здесь её внешние данные оценили по достоинству…

И начались проблемы. Девушка ведь со станции победившего феминизма. Её там убедили в том, что она — вершина эволюции, а мужчины — лишь придатки, необходимые для размножения, не более того. А караванщики, что останавливались на Берестейской, в большинстве своём были мужчинами. А мужчин тянет к женщинам… Работенку Барби предложили соответствующую.

Сайгон ворвался в круг у палатки. Зеваки забавлялись, глазея на рыжую девицу. Та распекала здоровенного парня, полностью покрытого татуировками. Продажной любовью на Берестейской заведовали не христиане с Житомирской, а урки с Вокзальной. А у них — свои традиции ведения бизнеса. Характерные.

— Гильза! — Сайгон коснулся локтя девушки.

Она тут же, не глядя, отвесила ему пощёчину. А надо сказать, что рука у амазонки тяжёлая — Сайгон едва устоял, в глазах потемнело.

— Уходить надо! Милиция! — Только после этих слов она удостоила его вниманием.

В этот момент метрах в десяти от палатки разыгрывался второй акт драмы. В главной роли — нигериец Лектор, мастер слова и дела.

Лектор кинулся в ноги главному милиционеру — самому толстому, как позже он объяснил. Обхватив колени толстяка, нигериец жалобно запричитал, умоляя предоставить ему политическое убежище на станции Берестейская, жемчужине киевского метро. От такого проявления нежности толстяк растерялся: секунды три он соображал, что бы это значило и как ему себя вести. Именно тогда Сайгон схлопотал пощёчину и убедил Гильзу простить сутенёру все его прегрешения. В результате Лектор получил дубинкой по затылку сделал вид, что потерял сознание, но толстяка не отпустил. Парням в спортивных костюмах пришлось повозиться, разжимая нигерийцу пальцы.

Удивительно, что ему ничего не сломали.

— Я тебя прощаю! — Гильза подмигнула сутенёру.

А в ответ — изогнутые в ухмылке губы, окружённые змеями. Причём татуированные гады все как один раскрыли пасти. Выглядело это очень оскорбительно. Ботинок Гильзы врезался в промежность урки. Ойкнув, здоровяк осел на платформу.

Сайгон непроизвольно прикрыл рюкзаком своё мужское достоинство.

— Не бойся, — заявила девушка, — я тебя не трону. Вдруг пригодишься.

— За мной, — скомандовал Сайгон и врезался в толпу.

Через мгновение девушка оказалась рядом. В глазах её читался страх. Она уже поостыла и сообразила, что вляпалась. На Берестейскую легко попасть, но нарушителям общественного порядка здесь не рады и мера наказания за проступки предусмотрена одна. Говорят, такую жёсткую политику ввела та самая дочь правителя станции, что отпустила попугайчиков на волю. Девочку, получившую власть по наследству, утомил список различных наказаний, который ей принесли на утверждение. Зевнув, она велела больше не тревожить её подобными глупостями. «Что там первое? Четвертование? Пусть будет по всем пунктам. А я занята, мне нужно накормить куклу Дашу».

Пробираясь через людские дебри, Сайгон купил амазонке довольно приличный платок, вроде бы связанный из нитей пауков-мутантов. Что ещё за пауки? Сайгон ни о чём подобном не слышал. Впрочем, это ничегошеньки не означало.

— Накройся. Твою рыжую башку издалека видать.

Гильза послушалась, одарив спутника испепеляющим взглядом.

И всё-таки, несмотря на все уловки, им не удалось скрыться от милиции. Парни в спортивных костюмах словно обладали нюхом на нарушителей. Они вынырнули из толпы в считанных метрах от беглецов. Сайгон успел толкнуть девушку вниз и присел рядом.

— Ты чего?! — прорычала она, шлепнувшись на задницу.

— Ничего. — Сайгон на четвереньках двинул к ближайшей палатке, огромному шатру, в котором можно было встать во весь рост. Сайгона привлекло то, что полог был приоткрыт. Сунуть жетонов хозяевам — и пересидеть, пока милиция пройдёт мимо. А дальше… А дальше видно будет.

— Залезай! — Он направил девушку в шатёр, задержавшись на секунду, чтобы отметить: задница у неё очень даже ничего.

У входа Сайгон обернулся.

И наткнулся на взгляд толстяка.

Того самого, которого Лектор трогал за колени.

* * *

Сайгон вполз в шатёр и, выхватив нож, вскочил. Пусть только молодчики в костюмах сунутся, уж одному-двоим он пощекочет селезёнку. А там была не была!

— Я знал, босс, что ты найдёшь дорогу, — услышал он голос Лектора и обернулся. Помимо нигерийца, амазонки и его самого, в шатре присутствовали четверо.

— Спрячь нож, босс. Не надо.

Что-то такое было в голосе Лектора, из-за чего Сайгон пусть и нехотя, но повиновался. Негоже ходить в гости с оружием в ладошке. Могут неправильно понять.

Откинулся полог, внутрь ввалились пятеро милиционеров с толстяком во главе. И всё равно в шатре не стало тесно.

— Я так и знал, — прошипел толстяк, глядя на Лектора.

Нигериец развёл руками: мол, ваша проницательность, гражданин начальник, достойна всяческих похвал. И вообще, вся наша жизнь — игра, и все мы в ней актёры. Так что не надо обид, гражданин начальник.

— Здравствуй, Борис. — От четвёрки хозяев шатра отделился высокий стройный мужчина с чуть раскосыми глазами и аккуратной сединой. — Рад тебя видеть, проходи, присаживайся и будь как дома. Чем обязан твоему визиту?

Толстяк — именно к нему обращался высокий — остался на месте:

— Спасибо за приглашение, команданте Фидель. Легко быть гостеприимным в чужой палатке, да? Ты ещё не забыл, ублюдок, что всё это — собственность станции Берестейская?

Ноздри толстяка трепетали от возбуждения. Его подчинённые хранили гробовое молчание, с интересом, будто жуков, которым вот-вот оторвут лапки, разглядывая Сайгона и Гильзу. Сайгону стало не по себе от этих взглядов.

Фидель молчал, скрестив руки на груди. На губах его блуждала улыбка уверенного в себе человека, которого отвлёк от важного дела соседский ребёнок: и послать куда подальше нельзя, и с горшком возиться неохота.

— Эти двое… — Борис поперхнулся, когда Лектор, кашлянув, обратил на себя внимание. — Эти трое. Они нарушители общественного порядка. Согласно законам станции Берестейская…

— Борис, дорогой, не стоит больше напрягаться. — Высокий,

которого толстяк назвал команданте Фиделем, поправил воротник своей клетчатой рубахи. — Это мои люди, Борис. Думаю, разговор окончен?

Милицейский начальник громко скрипнул зубами. Лицо его побагровело.

— В твоём возрасте вредно так волноваться, Борис. Наверху ты кем был?

— В ДПС служил… — Казалось, толстяка вот-вот хватит удар.

— Заметно, — встрял в разговор Сайгон, — что в ДПС.

И тут толстяка прорвало. Он метал громы и молнии, он божился, что казнит всех здесь присутствующих трижды, а чёртова негра скормит крысам, а потом крыс продаст на шашлыки. Он выражался так витиевато, что Сайгон даже заслушался, стараясь запомнить особо меткие обороты. Святошинец проникся истинным уважением к Борису. Несомненно, милиционеры Берестейской — самые умелые матерщинники киевского метро.

— Борис, неужели ты забыл, что сказала царица? — мягко спросил Фидель, когда толстяк наконец выдохся.

— Императрица, команданте. — Толстяк вытер ладонью пот со лба. — Назвать её иначе — жуткое оскорбление.

— Да простит императрица моё невежество. За последний год она успела побывать графиней Берестейской, герцогиней и царицей. Последний её титул как-то выпал из моего внимания, что, конечно же, ничуть не умаляет моей вины. Я требую аудиенции, чтобы лично извиниться перед императрицей!

Толстяк часто задышал:

— В этом нет необходимости, команданте.

— Но ведь кто-то должен извиниться, верно? — медово улыбнулся Фидель.

Толстяк задрожал.

— Я… я… я приношу свои извинения за… за…

— За что, Борис? — продолжал улыбаться Фидель.

Сплюнув на пол, толстяк выскочил из шатра. За ним тут же последовали его подчинённые.

Сайгон аж причмокнул — так его впечатлило случившееся. У него просто слов не было, чтобы описать восхищение. Так круто отбрить начальника местной охраны!

— Спасибо! — Он протянул ладонь Фиделю.

Вот только ответного рукопожатия не получилось.

Сайгона схватили сзади, сбили с ног и поставили на колени.

В лоб ему уткнулся ствол здоровенного чёрного пистолета.

Глава 7
СПАСАТЕЛИ

— Смотри мне в глаза! — Фидель стоял над Сайгоном. Именно он приставил пистолет ко лбу фермера и готов был немедленно нажать на спуск. А судя по тому, как вольготно Фидель чувствовал себя на станции, убийство вполне могло сойти ему с рук.

Сайгон покосился на Лектора. Тот едва заметно пожал плечами — мол, такие дела, босс, ничего личного.

— В глаза мне смотри!!!

Но прежде чем подчиниться, Сайгон взглянул на Гильзу. Та стояла бледнее бледного. Она не отрывала взгляда от Фиделя. Будто привидение увидела, подумал Сайгон. С мотором, в меру упитанное и в расцвете сил.

— Босс, это и есть тот самый белый человек.

Слова нигерийца кипятком ошпарили сердце Сайгона.

Он подчинился приказу Фиделя. Множество мелких морщинок окружали голубые очи команданте. Над правой бровью темнела маленькая родинка, а щёку рассекал заметный шрам. Ямочка на подбородке. У Сайгона такая же. Борода росла неравномерно, по-азиатски. И у Сайгона…

— Я… — начал Сайгон, и тут же слёзы хлынули из него африканским водопадом Виктория.

Он рыдал, как мальчишка, и не мог сдержаться. Волновался неимоверно, но всё же смог сказать:

— Я твой сын. Меня зовут Сергей Ким. Я — твой сын! Моя мать…

Он говорил и говорил. Он рассказал высокому мужчине о том, как жил все эти годы, как организовал своё дело, женился на Светке и у них родился сын Андрюшка, а потом ему, Сайгону, каждую ночь начал сниться отец… Он, простой фермер-зверовод со Святошина, мечтал найти своего отца. Мечтал!..

— И я нашёл тебя, отец! Я нашёл тебя!

Пока Сайгон говорил, ствол пистолета касался его лба. Как только он замолчал, Фидель убрал оружие.

— Отпустите его.

Сайгон встал с коленей. Сунул руку в карман. И видел, как напряглась команда Фиделя, пальцы коснулись спусковых крючков.

Сайгон медленно протянул Фиделю губную гармошку:

— Это твоё, отец. Боб Дилан, помнишь? Ты играл блюзы, а я

танцевал, помнишь?

Судорога исказила лицо Фиделя.

— Иди ко мне, сын. — Он раскрыл объятия.

Улыбаясь и утирая слёзы, Сайгон шагнул к отцу и…

…схлопотав удар в подбородок, оказался на полу.

— Что это за цирк, а?! Что за бред несёт этот ублюдок?! — Фидель приблизился к Лектору. — Какой ещё на хрен сын?! Он что, наркоман?!

— Я не знаю. Он просил отвести его к большому белому человеку, у которого я взял…

— Я знаю, ниггер, что за вещь ты у меня взял. Это очень дорогая вещь. И теперь ты мне должен.

Лектор медленно кивнул, соглашаясь с Фиделем. А что ему оставалось делать, если в диспуте против его цепи аргументами выступали сразу четыре ствола?

Сайгон попытался встать, но в глазах у него потемнело, голова закружилась. «Были бы мозги, было бы сотрясение», — вспомнил он старую шутку.

— Ну ты даёшь, Фидель. А я уже поверил, что это чмо — твой отпрыск. — Говорил мужчина одних лет с команданте: хорошо за полтинник. Одет он был в просторную полосатую куртку с бахромой на рукавах. Камуфляжные штаны сплошь истыканы булавками и значками. Но главное — его причёска: десятки косиц-дредов выдавали в нём растамана со стажем, прожжённого любителя чудо-травы.

— Ты меня пугаешь, Че, — в тон растаману ответил Фидель и повернулся к телу, распростёртому на полу. — Эй, вставай уже, хватит валяться. Если ты не понял, то намекну: я пошутил. Я не знаю, кто ты такой. Ты вовсе не мой сын. Ошибочка вышла.

Сайгон приподнялся на локтях:

— Как тебя зовут?

— Ты же слышал — Фидель.

— Это не имя, это собачья кличка! Как тебя зовут?!

Команда Фиделя нервно зашевелилась, кто-то предложил накормить ублюдка собственным языком. Фидель поднял руку, все сразу замолчали.

— Ты не понял, малыш. Моё имя — Фидель. Всё остальное в прошлом, в старом мире. А старый мир со всеми его небоскрёбами, кредитами, воинскими обязанностями и продажными чиновниками мёртв. Мы переживали насчёт озоновых дыр и лесов Амазонки, боялись за китов и панд? Всё! Можно не беспокоиться. Разве это не замечательно, малыш? Старый вонючий мир мёртв!.. Давно уже друзья называют меня Фиделем. А ты хочешь меня так называть?

Сайгон кивнул.

— Вот и славно. Чую, мы поладим. — Он убрал пистолет в кобуру и ткнул пальцем в грудь растамана: — Че, тебе придётся извиниться перед малышом. Ты назвал его…

— Чмо, — кивнул растаман. — Я беру свои слова назад.

— Малышу Сайгону нехорошо. Сделай ему лекарство.

Пока растаман колдовал над спиртовкой и кружкой, в которую засыпал мелко нарезанную траву, напоминающую лепестки чая, Сайгон собирался с мыслями. Это у него слабо получалось. Как же так, а? Столько прошёл и пережил, чтобы встретить отца, а выяснилось, что хозяин губной гармошки — чужой человек? Это несправедливо! Быть такого не может! Столько совпадений — буква «А» на боку, подпись Боба Дилана…

Сайгон готов был разрыдаться вновь, но уже не от счастья, а от огорчения. Не пристало взрослому мужику нюни распускать, но слишком уж велико было разочарование. Ему словно перебили позвоночник — не было сил двигаться дальше, не хотелось вставать… И дышалось через силу. Всё, чем он жил последние годы, в мгновение обратилось радиоактивным пеплом.

«Врёшь, Сайгон, не всё!» — мысленно прикрикнул он на себя.

Светка. Грациозные движения, тонкая талия, стон наслаждения…

Андрюшка. Надежда. Гордость. Смышлёный взгляд.

Твоё дело, ферма, зверьё, которое ластится, когда ты сыплешь нарубленную морковь.

И даже родная станция Святошин, с Кашкой, Болтом и Митькой Компасом.

Какой пепел?! О чём ты говоришь, Серёжа?

И даже губная гармошка — точно инструмент отца. Не бывает таких совпадений, чтобы и буква, и подпись, и вообще. Другое дело, откуда она взялась у Фиделя. Быть может, он украл её точно так же, как это сделал Лектор? Тогда, Серёженька, всё только начинается и надо выяснить у команданте, где и при каких обстоятельствах он раздобыл редкий музыкальный инструмент…

Че протянул Сайгону белую эмалированную кружку с закопченными боками. Сайгон взял её и, обжёгшись, тут же поставил на пол. Хорошо хоть, не на себя перевернул. Удивительно, как это Че смог удержать её пальцами.

— Что, тяжёлая? — хохотнул растаман. — Пей. Это лекарство. Вмиг тебя на ноги поставит.

* * *

У пойла был неприятный запах, но на вкус Сайгон пожаловаться не мог. После двух глотков голова перестала болеть, после трёх он почувствовал, что абсолютно здоров, будто и не душили его вовсе, не били по рёбрам и не тыкали в него багром и пистолетом. Лёгкость. Бодрость. Сила. И даже разочарование куда-то исчезло, уступив место прекрасному настроению.

— Э, нет. Хватит. С лекарством шутить не стоит. — Че отобрал у Сайгона кружку.

Сайгон сперва разозлился на растамана, а потом сообразил, что лекарство это — наверняка какая-то наркота, и лучше бы им не злоупотреблять. А то и вообще два пальца в рот… Но это уже лишнее, ладно.

— Я собираю отряд для ответственной миссии, — произнес команданте.

И хоть Фидель не шутил, Сайгон расплылся в улыбке:

— Поход на станцию Днепр — это не ответственная миссия, а самоубийство. Станция на поверхности. Там радиация и мутанты. Лыбидь. Там обитает лыбидь! — Он скорчил страшное лицо и рассмеялся.

Фидель с неодобрением покосился на Че. Тот молча пожал плечами и отвернулся.

— Всё верно, малыш. Но на самом деле…

— Вы все умрёте! — радостно провозгласил Сайгон.

— Тише. — Фидель выразительно посмотрел на полог шатра. — Не надо давать повод нашему другу Борису. Он спит и видит, как бы спровадить со станции меня и мою славную команду. Лишь только защита герцогини… царицы… нет, уже императрицы Берестейской не даёт Борису проявить себя во всей красе. — Фидель подмигнул Сайгону: — Запомни, малыш: с женщинами надо дружить. Причём как можно чаще! А теперь я хочу представить тебе своих спутников. С Че ты уже знаком. Он у нас спец по нетрадиционной медицине и вообще мастер на все руки, Джа ему в помощь.

Че с достоинством кивнул, мол, всё верно, так оно и есть. Под его оранжево-зелёной хламидой можно было спрятать всё что угодно — пару килограммов конопли, автомат Калашникова и походный котелок. Сайгон вдруг вспомнил хиджабы амазонок с Нивок.

— А это наш военспец, — продолжил Фидель. — Зовут его Байда. Голыми руками способен обратить в бегство роту противника. И это не шутка. Прецеденты бывали.

— Доброго дня. Як ся маете?[7] — Байда был казаком. Только вместо традиционных на Политехе шароваров он носил

камуфляжные штаны с многочисленными карманами. С бритого черепа свисал оселедец, длиной соперничавший с усами.

— Дякую, усе гаразд![8] — ответил Сайгон, чем вызвал одобрение казака.

— Ну, вижу, с Байдой ты поладишь. — Команданте с одобрением хлопнул Сайгона по плечу. — А это Мышка. Мышка — человек особый. Я бы даже сказал — человечище. Он мародёр. Радиации не боится, с мутантами на ты. А наверху мутанты, как ты знаешь, куда круче наших, подземных.

У Мышки был цепкий взгляд и жидкие волосы, зачёсанные назад. Шорты по колено и фуфайка на голое тело. Рваные кеды. На ремне в кобурах два револьвера. Ковбой. Разве что шляпы не хватает.

Только Сайгон подумал об этом, как Мышка вытащил откуда-то из-за спины чёрную шляпу с широкими полями и нахлобучил себе на голову.

— Я похож на клинтыствуда?

Сайгон не понял, что мародёр имеет в виду, но на всякий случай кивнул: ещё как похож.

Вообще-то ему было наплевать на всю эту разношерстную компанию. Сразу видно: головорезы, каких поискать. Небось, не скучали в первые дни после войны. Всех их объединяло одно — возраст. Все они родились до войны и прожили на поверхности большую часть своей жизни.

Мародёр, казак, растаман… Ну и что? Пусть себе идут куда хотят, хоть на Днепр, хоть в преисподнюю. Сайгона интересовала только судьба отца. Потому он и проделал полный опасностей путь.

— Откуда у тебя губная гармошка? — спросил он у команданте.

— Эта, что ли? — Фидель подбросил гармошку на ладони и подмигнул Сайгону: — Секрет!

Сайгон едва не взвыл. Он бы зубами вцепился в горло команданте, если бы не троица его вооружённых соратников!..

— Кажется, малыш, тебя волнует судьба этой безделушки? Если так, я готов ответить на все твои вопросы.

Сайгон клюнул на приманку:

— Да. Меня очень волнует, я…

— Я расскажу, откуда у меня эта губная гармошка славной фирмы Hohner, но при одном условии.

Сайгон хмуро посмотрел на Фиделя.

— Малыш, ты присоединишься к моей команде.

— Что?!

— Мы называем себя спасателями. И это, поверь, звучит

гордо…

Предложение Фиделя заключалось в следующем: всего-то нужно добраться до станции Днепр. Лёгкая прогулка в чудесной компании. Никаких проблем! Что Фидель забыл на забытой Хозяином Туннелей станции? А вот что!

Согласно легенде, бригада метростроевцев работала под землёй, когда наверху случился ядерный армагеддон. Сообразив что к чему, эти люди спрятали оборудование и материалы до лучших времён.

Лучшие времена так и не настали. Скорее, настали худшие. Так что пора бы воспользоваться наследием прошлого по назначению. Но! Наследие это хранится на станции Днепр. Именно поэтому оно до сих пор не разворовано и не сломано, и никто не написал на боку «Здесь был Вася». Да здравствует радиация, слава мутантам, они честно послужили Фиделю и его команде.

Зачем нужен этот металлолом?

Странно, что такой сообразительный малыш, как Сайгон, до сих пор не догадался. Чернокожий его товарищ уже знает ответ, и девочка… Как, кстати, девочку зовут? Гильза? Какое красивое женское имя… Даже Гильза, хоть она и девочка, уже поняла, что к чему. Мыслей нет? Ладно, правильный ответ такой: спасатели считают, что реально продолжить рыть туннели, укрепляя их тюбингами.

На кой нужны новые туннели?

Че, дружок, впредь, пожалуйста, будь осторожней с дозировкой… Новые туннели — это новое жизненное пространство, которого нынче дефицит на всей Святошинско-Броварской линии. Если появятся новые туннели, необходимость в войне за территории отпадёт сама собой…

— В какой войне? — Сайгон облизал вмиг пересохшие губы.

— А я разве не сказал? Малыш, к войне против всех уже давно готовятся две станции — Политехнический институт и Вокзальная. Сам понимаешь, бандиты Космоса и нацики, играющие в Запорожскую Сечь, превратят метро в кровавую баню.

— Этому надо помешать. Война… — Сайгон слишком хорошо помнил беспредел первых дней в метро. — Это плохо… это нельзя!

— Вот, малыш! Верно! Конечно, войне нужно помешать! Или для начала хотя бы отсрочить её на несколько лет. А там, глядишь, и на поверхность выберемся!

Сайгон кивнул. В то, что нацики и урки объединились, он поверил сразу — доходили тревожные слухи… И потому оптимизм Фиделя очень раздражал. Команданте просто-таки

излучал уверенность в успехе задуманного. Но ведь грядёт война, а его план спасения метро, мягко говоря, фантастичен. Несколько человек не смогут остановить маховик кровопролития. О семье надо подумать, а не топать на станцию Днепр, рискуя жизнью. И о том, как сохранить своё добро в такой непростой ситуации. А то и преумножить…

Нет, простому фермеру не по пути с Фиделем и его командой. Это уж точно.

— Не спеши делать выводы. — Команданте почуял, что Сайгон принял вовсе не то решение, на которое он рассчитывал. — Ты ведь обожаешь блюзы, верно? Я мог бы много рассказать тебе о человеке, который играл на этой губной гармошке. — Фидель провёл пальцем по полированному боку инструмента.

Сайгон закрыл глаза, чтобы не видеть блеска металла. В голове у него всё смешалось.

Война. Националисты и криминал объединились, чтобы уничтожать мирных людей!

И губная гармошка. Буква «А»…

Вернуться домой, обнять жену, подготовить станцию к войне. Как подготовить? Кто будет сражаться с армией чудовищ в людском обличье?!

Отец. Найти отца. Фидель знает, как найти отца…

И вдруг чётко обозначилось главное. Быть может, команданте прав, и единственная возможность предотвратить войну — это прорыть туннели? И не такое уж безумие — попытка добраться до Днепра и запустить машины метростроя?

По крайней мере, шансов осуществить эту затею больше, чем вооружить население Святошина и научить юнцов стрелять в матёрых убийц. Тот же Андрюшка…

* * *

Автомат трясётся в руках Андрея. Он стал мужчиной в восемь лет, убив здоровенного казака, ворвавшегося ночью в хату Кимов. Андрей сунул непрошеному гостю лезвие в бок. Испугаться он просто не успел.

Сменить рожок. Патроны можно не экономить. Главное — отбить атаку. Очередь. Ещё. Ещё. Рядом взрывается граната. Осколком расцарапало щёку. Ерунда, а не рана. В ушах только звенит. Зато грохота выстрелов больше не слышно — нет худа без добра!

Враг идёт из туннеля, из темноты. Алые шаровары и кожаные

куртки — это враг. У одних чужаков черепа полностью выбриты, у других есть по клоку волос. Звери. Если бы Кашка не заминировал подходы к станции, святошинцы погибли бы ещё вчера. «Пригодился тайничок-то мой!» — как ребёнок радовался Кашка, товарищ отца. Вот он, Кашка, лицом вниз лежит в алой луже. А где отец, а? Где он?! Ещё один ствол не помешал бы. Бойцов на станции — раз, два и больше нету.

Хорошо хоть мама рядом, за баррикадой из кроватей. У мамы СВД. И каждый её выстрел — это смерть. Если б она делала зарубки на прикладе, на нём бы уже не нашлось свободного места…

Вчера Компас ушёл на переговоры с руководством Альянса — объединённого войска Политеха и Вокзальной. Утром он вернулся — на платформу выкинули два рюкзака с частями его тела. Говорят, не хватало одной руки, печени и сердца. Неужели у Альянса так туго с продовольствием?

Сменить рожок.

Не стрелять, дать автомату остыть, не то заклинит и можно его будет использовать лишь в качестве дубины. Отец всегда считал его, Андрея, смышлёным. Что ж, так оно и есть. Дети в метро взрослеют очень быстро. И вдвое быстрее взрослеют на войне.

Ещё одну атаку отбили. А дальше?..

Альянс не отступит, а святошинцам сдаваться смысла нет — война ведь на уничтожение. Или, как сказала мама: «Геноцид». А значит, Андрей будет драться до последнего патрона, а потом…

Толчок в грудь.

Упал.

Надо подняться.

Одежда мокрая.

Что это? Кровь?..

* * *

Видение было таким реальным, что Сайгон схватился за грудь. В него попали. Пуля. Он ранен, он…

Нет. Попали не в него, а в Андрюшку! И даже этого на самом деле не было. Но кошмар точно обратится явью, если Сайгон не придумает, как спасти сына, жену и станцию заодно. Его трясло. Надо что-то делать. Но что?!

— У меня есть план. — Фидель смотрел Сайгону в глаза. — А что можешь предложить ты?

Ничего.

Ничего он не может предложить!!!

Ни единой мыслишки, только желание найти отца — болезненное, безумное. Навязчивая идея, так называется подобное состояние. Ну и пусть. Он готов пойти на всё, чтобы выяснить судьбу губной гармошки. Жаль, что единственная зацепка в этом деле — команданте Фидель. Надо беречь его, холить и лелеять, чтобы, не приведи Хозяин Туннелей, не оступился где-нибудь и не стал жертвой людей и мутантов.

И война. Грядущая война, после которой выживут только победители, которых просто некому будет судить. И план спасения, придуманный Фиделем, хоть какой-то план, единственный, пусть и призрачный шанс не допустить, чтобы в сына стреляли…

По всему выходит, что у Сайгона нет иного варианта, как отправиться вместе с команданте и его командой. Если можно предотвратить войну, то только чудом. А попасть на станцию Днепр — уже само по себе чудо. Мало ли, вдруг получится? И при первой возможности, не гнушаясь ничем, Сайгон выбьет из Фиделя нужную информацию. Но только после того, как команданте найдёт и запустит проходческий комплекс.

— Я с тобой, команданте. — Сайгон вновь протянул Фиделю руку.

И на этот раз Фидель её пожал.

— Ну что ж, парни, — обратился команданте к своим головорезам, — у нас появились новые друзья. Теперь нас никто и ничто не остановит.

— А как же я? — подала голос Гильза, которая до сих пор хранила молчание и вообще старалась слиться с пейзажем.

— А вы свободны, дорогуша, — улыбнулся Фидель. — Не смею задерживать. Но должен предупредить, что стоит только вам покинуть палатку, как люди Бориса захотят познакомиться с вами поближе. Что неудивительно, учитывая вашу красоту.

На щеках Гильзы выступил лёгкий румянец.

— А можно мне с вами? Хотя бы до следующей станции?

— Готовить умеете?

Подбородок Гильзы задрался кверху, ноздри затрепетали. Она поняла, что её собираются использовать в качестве обыкновенной кухарки. Вот он, мужской шовинизм! Это и есть та самая эксплуатация, о которой предупреждали Гильзу на Нивках!

— Умею, и очень хорошо, но…

— Вот и отлично! — перебил амазонку Сайгон, пока та не наговорила лишнего. — Значит, мы опять вместе! Я рад!

И он так светло и медово посмотрел на Лектора, что тот отшатнулся. С нигерийцем ещё предстоит приятная беседа по

душам.

— Выходим через… — Фидель посмотрел на наручные часы — механика, никаких батареек. — Через два часа. Есть возможность поспать, привести себя в порядок. Покидать палатку самостоятельно очень не рекомендую. Ради вашей безопасности, друзья мои, не стоит делать глупостей.

— Но мне надо отправить жене письмо! — Сайгон обязан был предупредить Светку, Алексеевича и всех-всех-всех о грядущей войне. Пусть готовятся. Пусть что-то делают. А уж он приложит максимум усилий, чтобы воспрепятствовать бойне.

— Я передам с караванщиками. Пиши.

Сайгон вытащил из рюкзака маленький блокнот и заточенный карандаш. С письменными принадлежностями в метро туго. Вырвав пол-листа, он в двух словах изложил ситуацию, потом свернул послание и написал: «Станция Святошин. Светлане Ким», после чего вручил лист Фиделю вместе с пятью жетонами — платой за доставку почты.

Сделав это, Сайгон хоть как-то успокоился.

Команданте вышел из палатки. Сайгон остался внутри.

Отойдя так, чтобы блудный сын его не видел, команданте скомкал письмо в кулаке и выбросил в мусорный бак.

Глава 8
ПЛАТА ЗА ЖИЗНЬ

Поспать Сайгону так и не удалось. Из-за Че. Растаман оказался на редкость разговорчивым мужчиной. Перетасовывая колоду карт и но очереди обыгрывая Сайгона в дурака, бур-козла, козла пожарного и даже в пьяницу, Че все тарахтел и тарахтел мерно, безостановочно, как ворованный дизель-генератор. Святошинец искренне завидовал железным нервам Байды и Мышки, которые спокойно себе похрапывали под аккомпанемент трёпа Че.

— Воздух подаётся с поверхности. Это первое. Второе: система обеспечивает трёхкратную замену дыхательной смеси за один час, но не менее тридцати кубов на человека.

— И что? — От проигрывавшего Сайгона требовалось иногда лишь вставлять пару слов.

— А то, мой мальчик! То! Твои хвалёные фильтры очищают воздух от радиоактивной пыли, в это я готов поверить. А как насчёт бактерий и прочей биологической дряни, которой чихнули на город-герой Киев?

Сайгон не знал, что ответить, и потому промолчал. Может, Че и прав, мало ли. Но если он прав, то… Об этом Сайгону думать вовсе не хотелось, уж больно страшная картинка вырисовывалась.

— А вода? — не унимался Че, сдавая колоду заново.

— А что вода? — хмуро буркнул Сайгон.

— Источник воды в метро — городской водопровод. Если так, то, считай, мы пьём воду из Днепра.

— А как же скважины? — прищурился Сайгон.

Че отмахнулся:

— Скважины твои — ерунда! Пшик! И вообще, кто следит за чёртовой уймой оборудования метро? Да хотя бы за теми же насосными установками, которые удаляют использованную техническую воду в городскую сеть?

— Люди. — Сайгона утомили эти загадки.

— Какие люди? Ты знаешь хоть кого-нибудь? Или кого-нибудь, кто знает того, кто знает?

Святошинец почесал подбородок:

— Если не люди, то Хозяин Туннелей за всем следит и обо всём заботится.

Че расхохотался:

— Именно этого я от тебя и ждал! Вы, кроты, всё готовы списать на Хозяина Туннелей. Мол, он вас кормит и оберегает. А

вот дудки! Всё ваше метро насквозь прогнило. За два десятка лет ни единого капитального ремонта! Вся ваша жизнь — латка на латке! И однажды, очень скоро, всё рухнет и полетит в тартарары! И вы подохнете, уповая на Хозяина Туннелей! Безмозглые животные! Одно слово — кроты!

Сайгон не собирался терпеть хамство Че. Он открыл рот, чтобы рассказать растаману, куда ему пойти, но осёкся — Гильза поднесла палец к губам и покачала головой. Мол, пусть старичок выговорится, тебе всё равно, а ему полегчает. В карты она не играла — дикарка-с. Амазонка в десятый раз уже расплетала и опять заплетала косу Похоже, процесс её успокаивал. Жаль, у Сайгона волосы покороче будут.

Убедившись, что со святошинцем играть неспортивно, Че сложил карты куда-то в свою хламиду и начал разогревать на спиртовке тушёную говядину. По банке на брата. К сожалению, не свинина и срок годности давно истёк, но растаман уверил новобранцев, что продукт в порядке, ботулизм им не грозит.

— А чего стоит ваша кротовья легенда о президенте и его верных депутатах? — Че неторопливо извлёк из потёртого чехла швейцарский нож и выщелкнул из рукоятки ложку. — Слыхал такую легенду?

Сайгон не успел ответить, что да, он ознакомлен с этим устным народным творчеством. Его опередил нигериец:

— Не-а. Откуда? Я ж столько лет в клетке просидел. — Лектор смачно вгрызся в мясо, истекающее горячим жиром.

— Тогда слушай и не перебивай. — Че погрузил ложку в жестяную банку.

…Шишкарей, конечно, первыми эвакуировали, это и ежу понятно.

Только не спрашивай меня, что такое «ёж». Это не вагон, это типа пацюка зверь, только в колючках весь. Опасный? Ну, как сказать… В общем, да. Очень. Я же просил не перебивать!

Они что-то знали. А может, чуяли пятыми точками. Примерно за год до войны принялись изгонять коммерсов из бывших бомбарей. А то уж совсем распаскудились бизнесмены — за весьма скромные взятки арендовали стратегически важные объекты на полста лет и дольше. Почти все городские бомбоубежища они переделали в офисы, склады и общественные туалеты. Так что пришлось заново оборудовать помещения насосами, автономными электростанциями, системами очистки воздуха и прочим барахлом, якобы спасающим от проникающей радиации и химического оружия…

Так вот гаранта конституции и Раду[9] в подземелье спровадили очень заранее, задолго до объявления воздушной

тревоги. Рада ж заседала, если помнишь, на улице Грушевского, пять. Рядом — Мариинский дворец, ставка президента. В общем, всю погань одним пучком в метро сунули. Кстати, в саду при дворце ещё в девятнадцатом веке обнаружили новый вид кокаинового куста, так называемую «колумбийскую коку». Неужто не слыхал? Ну-ну. И чему вас в институтах учили?

Шишкарей наших на станцию Площадь Независимости определили. Проще говоря — на Майдан. Ага, тот самый. Майдан по плану должны были отсечь от прочего метро завалами. Но не успели. Толпа смела ментовские заслоны и хлынула в подземелье. Да менты и сами не хотели оставаться наверху…

Представляешь, как народ обрадовался, обнаружив на платформе любимых избранников с чемоданами пожитков? Власть со страху хлестала французский коньяк. Надрались все изрядно. А тут — электорат. Говорят, гарант сразу обделался, хотя с виду мужиком был статным, крупным. Думаю, не врут.

Короче говоря, народ сообразил, что война случилась и гарант со товарищи пятки показал да ещё и кордоны наверху поставил от простого люда. Вот тут началось самое интересное. Это тебе не оранжевая революция, это был наш украинский бунт, жестокий и беспощадный.

В общем, гаранта в клочья порвали, в гуляш. Депутатов кого сожгли живьём, а кого — счастливчика! — просто повесили. Лютую смерть приняло руководство страны, что правда, то правда. Или, как говорил первый президент наш: «Що маэмо, то маэмо!»[10]

И вот с тех пор призрак главы государства бродит по метро, творя всяческие пакости — как и при жизни…

— Вот так вот, — облизнув ложку, закончил свой рассказ Че. — Байка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. Или не ложь, кто знает.

Сайгон хмыкнул.

А ведь не всё поведал Че. Есть как минимум ещё одна версия этой легенды, согласно которой президент и гопкомпания благополучно обитают на другой ветке метро. На том же Майдане. И переходы между Майданом и Крещатиком таки завалены…

Размышления Сайгона прервал Фидель. Он буквально влетел в палатку:

— Выступаем прямо сейчас! Императрица убита. На станции военный переворот.

Через секунду все были на ногах.

— Борис? — Че извлёк из-под одежд помповое ружьё.

— Он самый. Объявил себя преемником.

— А дочь императрицы?

Фидель выразительно посмотрел на растамана. Всё было ясно без слов.

Мышка хищно вцепился в рукоятки своих револьверов:

— Ну что, выпустим толстопузу кишки?

Байда — на груди у него был выбит трезубец — натянул через голову свитер, повесил бандольеры с магазинами, снял с предохранителя АК.

— В нього сорок бийцив, у Бориса. А може бильше. Якщо стрилянина розпочнеться, багато народу ляже.[11]

— Уходим без шума и пыли, — скомандовал Фидель и добавил: — По возможности.

И тут загрохотали выстрелы.

Спасатели дружно рухнули на пол. Байда открыл огонь, длинными очередями дырявя палатку. Рявкнуло ружьё Че. Мышка протаранил полог, снаружи заговорили его револьверы. Сайгон вцепился в лук. Лектор не решался раскрутить цепь, опасаясь задеть своих. А у Гильзы из всего оружия был только ридикюль и лак для ногтей в маленькой стеклянной бутылочке.

— Трое их было. — Это Мышка заглянул в палатку.

— И ещё будут. — В одной руке у Фиделя был пистолет, а во второй — неизвестно откуда взявшийся меч. Сайгон такие игрушки только в кино видел. Катана. Меч самурая. Следовательно, Фидель — самурай?

— Он самый. — Команданте подмигнул Сайгону. — И тебя сделаю настоящим буси. Хочешь?

Почему все хотят из Сергея кого-то сделать? Майор лепил из него крутого мародёра. Светка — послушного мужа. Алексеевич — фермера, отдающего станции мясо чуть ли не бесплатно. Теперь вот Фидель о чём-то непонятном толкует…

Самое забавное то, что всем хотельцам Сайгон оказался не по зубам. Он от бабушки ушёл, от дедушки ушёл, от Майора и Светки тоже, а уж от Фиделя…

Не о том думаешь, Серёженька. Надо выбираться с этой станции, населённой ментами и попугаями!..

На платформе творилось нечто невообразимое. Торговцы, почуяв неладное, спешили покинуть платформу. У входов в туннели образовались пробки. Парни в спортивных костюмах даже не пытались совладать с толпой — просто наблюдали со стороны за происходящим. Высматривали врагов революции.

— Нас пасут. — Мышка в широкополой шляпе был заметен издалека, поэтому Фидель велел ему снять головной убор. А вот Че, наоборот, повязал на голову косынку, чтобы не выдать себя дредами.

— Сюда! — Сайгон заметил палатку, брошенную хозяевами.

Почти вся она была заполнена баулами с халатами. Это был последний писк моды в метро. Многие щеголяли махрой из Китая, сорокафутовый контейнер с которой обнаружили мародёры. Контейнер был опломбирован, а содержимое его столь плотно упаковано, что не поддалось времени и грызунам. Импортная одежда перекочевала в подземку. После дезактивации товар двинул по туннелям, покоряя всё новых и новых покупателей. А что? Удобно: и тепло, и под задницу подстелить можно, и укрыться на привале. Сайгон бы и себе прикупил, да как-то без надобности было.

И вот — целая палатка с халатами. Хозяева бросили товар, чтобы уберечь от пуль черепа. Редкие торговцы могли похвастаться подобной мудростью. Они уже далеко от Берестейской, а скупердяи, нагруженные громадными баулами, скопились у входов в туннели. А ведь того и гляди молодчики в костюмах начнут стрелять…

Брошенную палатку команда Фиделя покинула в обновках.

— За воровство тут смертельная казнь положена. — Разбирая тюки с халатами, Сайгон прикидывал, не захватить ли ещё парочку.

— Четвертуют, босс. Лучше не надо. — Лектор вышел из палатки, оставив Сайгона одного.

Так уж получилось, что фермер замешкался — столько бесхозного товара, бери, не хочу. Глаза разбегались: расцветки самые разные, но неизменно яркие, за годы ткань не выцвела. Все спасатели уже затерялись в толпе у туннеля на Шулявскую, а Сайгон никак не мог определиться. Новый бизнес, что ли, организовать? Помимо мяса?..

Ветер поцеловал фермера в щёку. Холодок побежал по спине.

Сайгон застыл на месте, затем резко обернулся — и встретился взглядом с самым крутым мужчиной на Берестейской. В палатку пожаловал Борис, собственной персоной. И без охраны. Видать, решил осмотреть подарки в честь инаугурации.

Мозги Сайгона мгновенно прочистились. Ударом в солнечное сплетение он опрокинул Бориса на спину и тут же нацелил ему в живот свой лук. Мышка предлагал выпустить толстопузу кишки. Хорошая идея, но Сайгон поступит иначе — он попросту их продырявит. Смерть у новоявленного императора будет мучительная и долгая.

— Не делай этого. — Борис вовсе не рыдал, ползая перед убийцей на коленях. Он… попросил. Так просят подать соль или разговаривать потише.

— Живи. — Стрела вернулась в колчан.

Сайгон так и не понял, почему он опустил оружие.

Одно точно: милиция Берестейской спасателей не преследовала. Быть может, это была плата Бориса за жизнь? Или на станции и без того хватало чем заняться?

Фидель и остальные ждали Сайгона в полусотне метров от входа в туннель.

— Ты где это пропадал? — Фидель тщательно вытирал меч специальной тряпочкой. Похоже, команданте пришлось неоднократно им воспользоваться. — Я уже думал за тобой возвращаться. — Заметив недоумение на лице святошинца, он пояснил: — Спасатели своих не бросают. Ты ведь теперь спасатель, малыш. Не забыл ещё?

На миг Сайгону показалось, что команданте ударит его мечом, развалив от ключицы до таза. Но нет, Фидель спрятал катану в ножны и закрепил их ремнями за спиной. Конечно, из такого положения мгновенно извлечь лезвие не получится, но у команданте есть пистолет, себя в обиду он не даст.

— Спасатель. Не забыл. — Сайгон умолчал о милосердии, проявленном к Борису.

— Осторожно! Двери закрываются! — хохотнул Че. — Следующая станция — Шулявская!

* * *

Сайгон топал за Мышкой и морщил лоб, пытаясь вспомнить, что он слышал о Шулявской.

Удивительно, но ничего. То есть вообще!

Известно, что такая станция есть, но кто на ней живёт, что там — пусто, нет информации. Раньше у Сайгона других проблем хватало, его мало интересовало то, что происходит за пределами Святошина, зато теперь…

Даже о станции Днепр какие-никакие слухи бродили по метро, мол, там мутанты и радиация. Короче — смерть и ужас. А о Шулявской, которая под боком у самой оживлённой станции киевского метро — Берестейской, ни полслова.

Быть такого не может! Но есть.

— В облаках витаешь? — Такое мог сказать только человек, родившийся на поверхности. Че сильно толкнул Сайгона в спину. — Под ноги смотри!

Сайгон скрипнул зубами. Уж очень хотелось вмазать растаману в челюсть. Жаль, нужно след вслед идти за Мышкой, потому что туннель иссверлен выползками. Что-то не то творится в подземелье. Или ему кажется, что раньше червей было в разы

меньше?..

Заговорил Лектор, который шёл в авангарде группы:

— У моих соплеменников было четыре души. Первая — это оккан, вместилище разума, или, проще говоря, сердце и тень. Вторая — оку. Так называют мертвеца, труп и душу его. Оджиджи умирает вместе с физическим телом. Зато эмми — бессмертна.

— У новых христиан на Житомирской система не такая запутанная, — не удержался от комментария Мышка. Он сбросил халат и вновь щеголял в шляпе.

— Это уж точно, — поддакнул мародёру Сайгон. — На Житомирской вообще всё легко и просто: чуть что не так — ты еретик, тебя на виселицу. Знаем, бывали.

— Я — последний из своего народа! Я оку! — вдруг разоткровенничался Лектор.

На сей раз спасатели промолчали. Сайгон лишь подумал, что не надо было африканцам лезть на Святошин. А то жертвовать честного фермера своим ориша[12] — это нормально, а получить по сусалам — уже нет.

— Не печалься, браза. Давай-ка лучше споём гимн Эфиопии! — предложил нигерийцу Че и тут же затянул: — Respect for citizenship is strong in our Ethiopia!..

Заметив, что никто ему не подпевает, растаман попытался изменить репертуар:

— А как насчёт гимна Ямайки? Ну же, друзья, неужели никто не знает гимн Ямайки?! Eternal Father bless our land! Guard us with Thy mighty hand!.. Нет? Никто?!

— Че, дружище, будь добр, потише. — В голосе Фиделя прозвучало сочувствие старому боевому товарищу.

— Фидель, ты только представь, никто не знает гимна Ямайки! О времена, о нравы! Куда катится метро?! Команданте, может, перекур? Червивый сектор позади, а на Шулявскую невмазанным соваться себе дороже.

— Перекур, — поспешно согласился Фидель, будто только и ждал предложения Че.

Растаман тотчас грохнулся на колени, извлёк из-под одежд расшитый бисером мешочек и торжественно провозгласил:

— И возьмет горящих угольев полную кадильницу с жертвенника, который пред лицем Господним, и благовонного мелко истолченного курения полные горсти, и внесет за завесу; и положит курение на огонь пред лицем Господним, и облако курения покроет крышку, которая над ковчегом откровения, дабы ему не умереть![13]

При этом растаман набивал коноплёй напёрсток, вставленный в горлышко пластиковой бутылки. Согласно надписи

на потёртой этикетке, раньше в ёмкости помещалось полтора литра напитка «Тархун». Поднеся к измельчённым листьям зажигалку, Че втянул дым через отверстие у самого дна бутылки.

— Это конопля, я правильно понял? — уточнил Сайгон, когда растаман протянул ему пластик, внутри которого клубилась сизая хмарь.

— Так точно. Мэри Джейн. Марихуана. Ганч. Травка. Как угодно назови, но суть одна — это подарок Джа.

— Но ведь запрещено на всех станциях…

— Даже в Библии написано о траве, а ты — запрещено. Сопляк ты ещё о божьей милости рассуждать. Кстати, в Библии есть и про метро. Вот послушай: «Беззакония ваши, говорит Господь, и вместе беззакония отцов ваших, которые воскуряли фимиам на горах и на холмах поносили Меня; и отмерю в недра их прежние деяния их».[14] В недра вас, кротов эдаких, понял, да? За диарею! Так что смело бери бульбулятор и дуй так, чтобы во лбу у тебя открылся третий глаз, зрящий в суть. Это очень важно там, куда мы направляемся.

Сайгон принял из рук Че бульбулятор — так называлась приспособа для курения, сделанная из бутылки и напёрстка. Едва не уронив «полную кадильницу с жертвенника», он успел затянуться всего дважды, когда по туннелю, отражаясь от стен многократным эхом, прокатился душераздирающий вой.

— Что это? — прошептала Гильза.

— Шулявская рядом, — сказал Че так, будто это всё объясняло.

Глава 9
ОБИТЕЛЬ СКОРБИ

— А что на Шулявской? — Сайгон передал бульбулятор Фиделю.

Команданте чуть ли не вырвал его из рук фермера и надолго присосался к дыре у дна. В полумраке ярко вспыхнула трава, тлеющая в напёрстке.

— Увидишь, — ответил Че вместо команданте. В голосе его не было и намёка на прежнюю весёлость.

Зато Сайгона смешило происходящее вокруг. Шляпа Мышки и револьверы — ну просто уморительны. А оселедец Байды?! Оборжаться можно, глядя на этот клок волос! Шрамы на лице Лектора, грудь Гильзы, клетчатая рубаха Фиделя и его слегка раскосые глаза — всё это забавляло Сайгона до колик в груди. Он шёл за мародёром, которого кидало из стороны в сторону, и радостно хихикал, прекрасно понимая, что виной тому сладковатый дымок из бульбулятора. Ну и пусть, когда он ещё попробует? Ведь его приключения скоро закончатся. Раз-два — и спасатели нашли проходческий комплекс. Ключ в замок зажигания, лапку на красную кнопку, врубить маршевые двигатели, выйти в стратосферу и отстрелить лишнюю уже ступень! Это если книжкам верить.

— Война — фигня, главное — туннели, новые туннели! — шептал себе под нос Сайгон.

Послезавтра, а то и раньше он примчит на крыльях любви к супруге, обнимет сына и будет жить долго и счастливо, а потом покинет этот мир, будучи старым и очень здоровым. Малой кровью на чужой территории. Вмиг. С лёту. Быстрее быстрого.

Уверенность, вот что переполняло Сайгона.

— Мамочки!!! — вдруг заверещала Гильза так, что фермер едва не оглох.

— Ты чего это? — разволновался он, подбежав к девушке, которая застыла на месте, будто отлитая из чугуна.

От ощущения безграничного счастья не осталось и намёка. Наоборот — Сайгона охватила тревога, колени затряслись. Его знобило. Была уверенность в собственных силах, и нет её.

— Чего ты, Барби? — повторил он, озираясь по сторонам и водя лучом фонаря по полу и стенам.

Остальные спасатели ощетинились оружием.

— Так ведь крыса!!!

— Что? — не понял Сайгон. — Какая ещё?..

— Крыса, говорю, прошмыгнула! — с жаром пояснила Гильза. В одной руке у неё была плошка с коптящим машинным маслом, а во второй она держала ридикюль так, будто собиралась использовать его в качестве оружия массового поражения.

— Крыса… — тупо повторил Сайгон. — Ну крыса, и что?

— Как что?! — возмутилась Гильза. — Терпеть не могу этих сволочей! И пауков ещё! И слизней!

Спасатели дружно рассмеялись. Сайгон, который из-за конопли соображал с конкретной задержкой, моргнул:

— Шутишь?.. Нет? Серьёзно, что ли?

— Да! Серьёзно! — надула губы амазонка.

Сайгон мысленно выругался, помянув родословную девушки.

Это ж надо! Зачали рыжую в метро, поверхности она не видела ни разу и кровью не единожды умывалась. Бой-баба, укусишь — зубы обломаешь. И при этом до истерики боится исконных обитателей Святошинско-Броварской линии! Кому расскажешь — не поверят. Но ведь факт. Очень даже симпатичный такой факт с распущенными волосами…

«Женщины всех станций — объединяйтесь!» — висел плакат на станции Нивки. Ну-ну. Если все дамочки объединятся и дружно узрят крысу или пацюка, это ж какой вопль получится, а? От вибрации тюбинги потрескаются — каюк метрополитену!

— Как хорошо, что феминисток мало, всего одна станция. — Сайгон провёл ладонью но щеке, решив при первой же возможности побриться.

— О чём ты? — Гильза юмора не поняла, но её успокоил тон Сайгона.

И тут темнота впереди зарычала.

И что-то стремительное кинулось на спасателей.

* * *

— Не стрелять!!! — заорал Фидель.

Че шагнул к Байде и подбил ствол автомата. Очередь ударила в свод, рикошетом пули ушли вниз, высекая искры из рельсов. Слава Хозяину Туннелей, никого не зацепило.

И та тварь, что явилась из глубин подземелья, тоже не пострадала.

Наоборот — грохот выстрелов раззадорил её. Тварь поднялась на задние слегка согнутые лапы и принялась прыгать из стороны в сторону, словно желая ухватить клыками пули. Тело чудища покрывала бурая клочковатая шерсть, гениталии прятались под кожаным наростом. Сайгон не сразу понял, что

этот нарост — всего лишь набедренная повязка вроде той, что у нигерийца.

Повязка? На животном? Зачем?

— Здравствуй, Ункас! Как твои делишки? — Фидель шагнул к зверю и протянул руку.

Сайгон даже обиделся на команданте. Ему-то Фидель руку пожал не сразу, а ведь Сайгон — человек хотя бы, а не зверушка из туннеля.

— Нормально! — Тварь хоть и встала на четыре лапы, а провыла достаточно разборчиво. Когти ударили по протянутой ладони. — Я скучал! Где был? Давно не был!

— Ты же знаешь, Ункас, я не сижу на месте.

— Давно! Давно! Я скучал!

Кто-то ещё приближался к спасателям — с едва мерцающим фонарём в руке.

— Ункас давно почуял ваше приближение. Спрятался, хотел сюрприз сделать. — Седой старик в плаще-палатке и шапке-ушанке остановился, его скрутил приступ кашля. Казалось, он сейчас выплюнет лёгкие. Мышка даже отступил, чтобы на него не попали брызги слюны. — Здравствуй, Фидель. Привет, Че. И остальным мой поклон.

— Тебе тоже не хворать, Айболит. — Че похлопал старика по плечу, чем обрёк того на новый приступ хрипов.

— Хорошая шутка, Че. Как всегда. — Айболит, опираясь на посох, сделанный из вагонного поручня, шагнул по направлению к Шулявской. — Ункас проведёт вас через станцию. С Ункасом вас никто из детишек не тронет.

Почему-то от этих слов у Сайгона похолодело внутри.

— Держись, Айболит. Ты… ты делаешь такое дело… ты… — Голос Фиделя дрогнул. Команданте протянул старику мешочек, судя по всему, с жетонами.

— Патронов бы… — Старик с достоинством принял подношение и тут же спрятал его под плащ. — Нацики и урки, проблемы с ними. За неделю трижды совались.

— Байда, выдай, — скомандовал Фидель.

Казак повиновался, хотя было видно, что он не в восторге от приказа. Три рожка перекочевали от Байды к старику по прозвищу Айболит.

— Мало, — скривился старик.

— Байда, добавь!

Получив ещё пять рожков, Айболит прошамкал, что хватит, спасибо.

— Береги нервы смолоду, фашистский ублюдок! — сказал он казаку с такой злостью, что стало понятно — он не жалует

обитателей Политеха.

— Та пишов ти! Трясця твоий матери[15] — Казак навёл на старика автомат и выстрелил бы, если бы не вмешался Че, который вновь приложил руку к стволу.

— Обитель Скорби ждёт вас, мальчики! — хохотнул Айболит. — Добро пожаловать!

Сайгон понял, что старик абсолютно выжил из ума. А ведь он вооружён. Одному Сайгону не по себе в компании этого человека?..

Ункас резво затрусил по туннелю. Казалось, его конечности были спроектированы природой так, чтобы передвигаться по шпалам, — уж больно хорошо у него это получалось. Едрить… И эта тварь по-человечьи разговаривает!

Фидель вдруг резко остановился и, обернувшись к Сайгону, сказал:

— Ункас — мой сын. Мой любимый сын.

* * *

— Моя жена… Она была сестрой Че.

Растаман, шедший впереди, ссутулился, будто на него взвалили пару мешков с цементом. Он стал вдвое ниже, воспоминания команданте причиняли ему боль. Сгруппировавшись физически, можно ли прикрыть душу от ударов судьбы?.. Лектор вроде говорил, что у воинов йоруба этих душ аж четыре штуки. Сколько бы их ни было у Че, сейчас их все скрутило по полной.

— В тот год… в тот год что-то случилось с водой. Это мы потом поняли, когда водопровод перестал работать, а до того мы пили отравленную воду. Нет, она не фонила, радиация в норме, а вот бактерии… оружие прошлого…

В памяти Сайгона отчётливо всплыл недавний разговор с Че.

— …Источник воды в метро — городской водопровод. Если так, то, считай, мы пьём воду из Днепра.

— А как же скважины?

— Скважины твои — ерунда! Пшик! И вообще, кто следит за чёртовой уймой оборудования метро? Да хотя бы за теми же насосными установками, которые удаляют использованную техническую воду в городскую сеть?

— Люди.

— Какие люди? Ты знаешь хоть кого-нибудь? Или кого-нибудь, кто знает того, кто знает?..

Вот почему растаман разозлился тогда не на шутку. Вода. Всё

дело в воде, которая поступает в метро с поверхности.

— Наш ребёнок… он таким родился. Он не виноват. Он… Нас выгнали со станции. Они боялись нас. Хотели убить, я не позволил, я… Все остальные дети в тот год родились мёртвыми.

Сайгон отвернулся. Он просто не мог видеть слёзы в глазах взрослого сильного мужчины. Было в этом что-то противоестественное. Рядом всхлипнула Гильза. Ну, этой-то рыдать как с горы катиться…

— Жена его так назвала. Она немного помешалась от горя. Всё не могла смириться с тем, какой он. Она во время беременности читала запоем Фенимора Купера, собрание сочинений я ей принес… Ункасом назвала — в честь молодого вождя уничтоженного племени.

Услышав, что о нём говорят, Ункас встал на задние лапы и, вытянув морду к потолку, протяжно взвыл.

— Жена ошиблась. Наш сын вовсе не часть прошлого. Его племя — будущее человечества. Он не последний из могикан. Он — первый. Верно, Лектор? Ты ведь знаешь, о чём я говорю?

Сайгон вспомнил, как он спросил у нигерийца, откуда тот родом.

— *…С Дарницы мы.*

— *Откуда?!*

Дальнейшие расспросы тогда ни к чему не привели. Сайгон даже забыл о том разговоре, но сейчас, когда Фидель намекнул на что-то… На что, а?

Вода, заразившая плод, была с поверхности. Нигериец с соотечественниками пришёл с наземной станции. А значит…

Яркая вспышка ослепила Сайгона. Ругаясь, он схватился за глаза. Прочие спасатели в выражениях тоже не стеснялись. Протяжно взвыл Ункас. Ничего людского в его вое не было, но Сайгон понял, что отпрыск Фиделя ведёт с кем-то беседу. Причём вторая сторона отвечает неслышно для уха нормального человека. Но Ункас-то нормальным и не был. Был ли он вообще хоть отчасти человеком? Сайгон не рискнул бы задать этот вопрос коменданте.

— Я ослеп! Ослеп! — орал рядом Мышка.

Байда, похоже, опять схватился за автомат. Короткая очередь прошила воздух. Фидель рявкнул, чтобы спасатели сохраняли спокойствие, — скоро всё образуется, мол, Ункас решит их проблемы, сынок не подведёт. Если этот аргумент на кого и подействовал, то Сайгон не из их числа. Поэтому, когда зрение к нему вернулось, он удивился. Мало того, теперь он прекрасно видел в темноте, диодный фонарь ему только мешал.

— Потуши, — сказал он амазонке.

Та задула плошку. Потом выключил свой фонарь Че. За ним — Фидель. Дольше всех сопротивлялись очевидному Мышка и Байда. Лектор же и раньше обладал ноктолопией.

Ункас подбежал к команданте и принялся что-то шептать-выть, облизывая его ухо длинным, раздвоенным на конце языком.

— Спасибо, сын. — Фидель потрепал Ункаса по загривку. — Спасибо!

Ункас сообщил ему: спасателей атаковал один из воспитанников Шулявской, мощный телепат. Заставил поверить их в то, что все они ослепли.

— А теперь заставил поверить, что мы видим в темноте? — усомнился Мышка.

— Ункас сказал… В общем, телепат может стимулировать определённые участки головного мозга. Кстати, все воспитанники Шулявской видят в темноте. Верно, Лектор?

Отвернувшись, нигериец пробурчал нечто невразумительное. Намеки Фиделя ему явно не нравились. Сайгон решил выяснить, на что именно намекал команданте, потом, когда они выберутся из этой передряги. У них крупные неприятности. Ослепнуть, а потом прозреть во мраке — разве это хорошо? От таких упражнений извилины через нос вытекут. Или через уши. Тьфу-тьфу-тьфу.

— Чего плюёшься? — Мышка схватился за револьверы.

Мародёр был на взводе, он мог сорваться в любой момент.

Сайгон миролюбиво выставил руки перед грудью, мол, прости, братишка, не со зла, случайно получилось. Мышка с трудом отлепил пальцы от оружия, улыбнулся… и превратился в мать Сайгона.

— Серёжа, ты сделал уроки? Что-то я не видела, чтобы ты сегодня занимался.

Сайгон отпрянул, потянулся за луком и тут же выругал себя. Какой, к чертям, лук?! Какие стрелы?! Это же мама! Любимая мама!

— Мам, но ведь ты умерла. — С губ само сорвалось. Сердце Сайгона кричало, чтобы рот его больше не открывался.

Это же мама, Серёженька, ты разве не видишь? Она жива!

— Я?! — растерянно улыбнулась мать, вытирая ладони о передник. — Умерла? А кто ужин приготовил? Пушкин?

От неё пахло жареными котлетами. Сайгону внезапно захотелось оказаться на кухне, на той самой кухне из детства. Вымыть руки с мылом, сесть за стол, мама подаст тарелку с гречневой кашей и двумя — обязательно двумя! — котлетками. А рядом она непременно поставит миску с салатом из помидоров и огурцов, хорошо посоленных и политых подсолнечным маслом.

Пододвинув табурет, мама села рядом.

— Ну, что было интересного в школе? Скоро родительское собрание, меня там будут ругать?

Губы хотели рассказать матери о том, что школы давно уже нет, как нет и директора с учителями. Из всего педсостава спаслась лишь Елена Владимировна, да и та умерла от сифилиса на пятый год после войны. Она спасла мальчика Серёжу и девочку Свету, а они ей помочь ничем не смогли…

Сайгон заставил губы молчать. Для этого ему пришлось сильнее стиснуть челюсти. На вопросы матери он отвечал односложным мычанием.

— Что ты задумал, сынок? Куда собрался? Неужто хочешь найти отца? — Мать скрестила руки на груди. С тех пор, как отец от них ушёл, она болезненно воспринимала любопытство сына на его счёт. — Думаешь, раз он замечательно играл блюзы на губной гармошке, то и во всём остальном он тоже был хорош? Как бы не так! По хозяйству от него ничего нельзя было добиться, даже лампочку вкрутить — и то не мог. А уж полку прибить, кран починить — куда там! А если говорить о нём как о любовнике…

Вот этого Сайгон точно слушать не желал.

И потому очнулся на платформе Шулявской.

Длинными щупальцами его обхватил за ноги мутант, похожий на громадную улитку, только почему-то с человеческой головой. На Сайгона с интересом смотрели голубые глаза. И было в них столько доброты и ласки, что Сайгон не сразу заметил, как но подбородку мутанта, с шипением падая на платформу и пузырясь, стекает слюна.

Если мутант надумает плюнуть в него, то…

Где все? Спасатели бросили товарища по оружию? Сдрейфили, да?!

Стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать опасную тварь, Сайгон скосил глаза влево, обнаружив рядом, метрах в пяти, Гильзу, всю опутанную тонкими верёвками. Она была похожа на гусеницу в коконе. Вот-вот превратится в бабочку. Гильза молчала, всем своим видом выражая недовольство тем, что её спеленали. Чуть левее амазонки лежал лицом вниз Мышка. Кто-то положил ему шляпу на ягодицы. Забавно получилось.

А где же Байда, Лектор, Фидель и Че?

Где Ункас?

Пусть сюда приковыляет старик со стальным посохом. Пусть он поможет Сайгону выбраться. А если наоборот — безумец ускорит его смерть?..

Без паники. Сначала надо осмотреться. Два ряда

прямоугольных пилонов, выложенных разноцветной плиткой. Нарядно, будто в детском саду, куда мать водила маленького Серёжу Кима. Ярко. А ведь так оно и есть: вся станция — детский сад. Вот только дети здесь особые. Специфические дети. Над пилонами, у самого потолка, что-то написано. «Свобода. Ривнисть…»[16] — прочёл Сайгон, а потом его отвлёк мутант.

— Хочу, — звонко сказало существо, похожее на улитку, осьминога и чуть-чуть на человека.

— Что? — спросил святошинец, и щупальца крепче обвили его.

Это было уже больно.

Сайгон почувствовал на себе взгляды десятков глаз. Больше не опасаясь спровоцировать мутанта, он завертел головой. Ощущение того, что на него смотрят, не пропало, но Сайгон так и не заметил зрителей. Они очень хорошо прятались.

— Кто здесь? Эй, покажитесь! Кто здесь?!

Что-то пробежало по побеленному округлому потолку.

Внезапно щупальца напряглись, развернув Сайгона на сто восемьдесят градусов, лицом к мозаике на торцевой стене центрального зала. Мутант явно что-то хотел показать фермеру.

Мозаика. Слева внизу — трубы, дым, промышленное здание, может, завод, а может, электростанция. Раньше Шулявская называлась иначе… Завод «Большевик»! Точно! Не электростанция, значит, а тот самый завод. Справа от здания стояли двое мужчин, выложенных из голубой и белой плитки. Они держались за поручень. У того, который с усами и чуть выше, на плече покоился молот. А второй в поднятой руке держал… да это же условное обозначение атома, ядро с двумя овалами-орбитами электронов! Хорошая шутка: вечно мирный атом в руках рабочего, только крестьянки рядом не хватает. В косынке, кирзачах и с веслом в натруженной ладони.

— Это мы. — Голос мутанта звенел колокольчиком. Сказано было с гордостью. По крайней мере, Сайгону так показалось.

Он заметил у мозаики с десяток крысиных трупов и несколько кучек грибов. Подношения. Похоже, аборигены Шулявской придавали здоровякам, вцепившимся в шест, особое значение. Мы, значит? Дети мирного атома, да?

Вдруг мужчина на мозаике, тот, что с молотом на плече, моргнул. Сайгон решил, что ему просто показалось. Но нет, рабочий вновь моргнул. А потом глаза его отделились от стены и в облаке прозрачного желе качнулись к Сайгону. С близкого расстояния угадывались силуэты костей и внутренних органов. Если добавить цвета, существо будет обычным человеком, только уж очень большого роста. Ещё один ребёнок Шулявской?..

— Они стесняются. Прячутся, — пояснил улиткообразный мутант.

Сайгон обернулся и вздрогнул — с ближайших пилонов на него смотрели десятки любопытных глаз. Гильза предпринимала отчаянные попытки вырваться из кокона — странно, что молча. Шляпа с Мышкиной задницы переместилась на спину, и это уже не было забавно.

Высокое прозрачное существо прошло мимо. Сайгон втянул воздух через нос — запах свежего мяса, уж кому как не фермеру его знать. А что едят местные детишки на завтрак? Путников, по глупости забредших на Шулявскую?..

— Хочу. — Мутант-улитка вновь обратил на себя внимание.

«Это наркотический бред! — понял Сайгон. — Я пил чай, заваренный растаманом, потом курил его дурь. И вот — у меня видения! Нужно просто расслабиться, ничего не делать — и скоро всё пройдёт».

— Что ты хочешь? — спросил Сайгон, глядя в голубые глаза. И тут же понял, что мутанту нужно. Он снял с себя халат, позаимствованный на Берестейской. — Отпусти.

Щупальца опали и змеями расползлись в стороны. Сайгон шагнул к мутанту и накинул халат на большую, спиралью закрученную раковину. Теперь, если не замечать щупальца, мутанта можно было принять за низкорослого горбуна. Тот сразу заулыбался — увидел себя глазами Сайгона. Похоже, именно этого он и хотел: хоть как-то скрыть своё уродство.

— Иди. Можно. — Между мутантом и Сайгоном вдруг возникла каменная стена. Сайгон коснулся её: холодный гранит, шершавый. И ни улитки в халате, ни мозаики.

Что за чертовщина?..

— Быстрей ко мне! Быстрей! — услышал он возгласы Гильзы. — Паук придёт опять! Помоги!

Он кинулся к девушке, с удивлением отметив, что никакого кокона нет в помине. Просто амазонка валяется на полу, извиваясь, словно гусеница. Сайгон склонился над ней и хлёстко ударил ладонью по щеке.

— Очнись.

Часто моргая, она села, обхватив руками колени.

— Ведь был паук. Он спеленал меня…

— Может, и был, — пожал плечами Сайгон. — А может, и не было.

Только сейчас он вспомнил, что вооружён и мог бы использовать нож, чтобы срезать с себя щупальца. Но в плену у мутанта у него и мысли подобной не возникло. А были ли вообще те щупальца? И прозрачное существо, что отлепилось от стены,

реально ли оно?

Сайгон не мог с уверенностью сказать ни да, ни нет. Одно он понял наверняка: на Шулявской возможно всё. И он бы сошёл с ума, если б хорошенько не пыхнул с подачи растамана. Так что спасибо Джа, спасибо Че.

Мышка перевернулся на спину и сам переложил шляпу себе на живот.

— Эй, мародёр, хватит расслабляться! — Гильза пнула его в рёбра.

Мышка тут же вскочил и приставил револьвер ей к виску:

— Никогда! Слышишь, никогда больше не смей…

— Нам нужно найти остальных, — перебил его Сайгон. — Надо убираться с этой чёртовой станции.

Он чувствовал, как ветер шевелит короткие волосы на затылке.

Из-за пилона показался Че.

С ружьём в руках.

И целился он в Сайгона.

* * *

— Опусти пушку, Че.

Становится тоскливо, когда понимаешь, что выхватить из кармана шестерню или выстрелить из лука в горло ты никак не успеешь. Так тоскливо, что ты хохочешь. И несёшь полный бред:

— Мир, дружба, жвачка, братишка! Мне ничего от тебя не надо! Будь спокоен, будь счастлив!

Жаль, растаман вовсе не собирался оставить миролюбивого фермера в покое. И на спуск он не жал только потому, что берёг боеприпасы. Чтобы наверняка попасть, надо подойти ближе.

«Интересно, куда меня — голова, грудь, пах?» — мелькнула глупая мыслишка. Надо бы метнуться к ближайшему пилону. А вдруг Сайгон успеет спрятаться? Вряд ли, конечно, но…

Что-то рычащее сшибло растамана с ног.

Грохнул выстрел. Дробь просвистела у Сайгона над головой.

— Не надо! — взвыл Ункас и лизнул поверженного Че в лицо.

Сын Фиделя спас святошинцу жизнь. Спасибо, Ункас! Сайгон не умеет забывать добро, которое ему делают. Спасибо!

Че с удивлением уставился на ружьё у себя в руках, потом мягко отодвинул Ункаса:

— Слазь с меня, племянничек.

Спрятав лицо в ладонях, плакала Гильза. Мышка то и дело вытаскивал револьверы, а потом прятал обратно в кобуры.

— Доволен, ворошиловский стрелок? Или ещё разок пальнёшь? — внезапно разозлился на растамана Сайгон. — Где Фидель? Байду ты тоже пристрелил?

— Я… — Че не знал, что ответить.

Таким растерянным Сайгон его не видел.

Из-за пилона появился команданте. Он вёл под руку Байду, который безуспешно пытался сменить рожок на своём АК — так у него тряслись руки.

Похоже, никому из спасателей на Шулявской скучать не пришлось.

Спускаясь в туннель, команданте разговорился:

— Сюда приводят детей, которые родились не такими, как все. Айболит принимает их, ухаживает за ними, защищает… На станцию иногда приходят урки с Вокзальной. Лектор вон на собственной шкуре знает, как это бывает. Мутанты нужны пахану для увеселений, любит праздники устраивать. Тварей с поверхности он боится, зато детишек, рождённых на станциях, обожает.

— Айболит… он кто вообще? — поинтересовался Сайгон. — Ну, раньше…

— Айболит — бывший снайпер. Афганистан, Кавказ, Югославия… Опыта у него хоть отбавляй. Но главное — дети его любят. И он в них души не чает.

Сайгон хмыкнул:

— Дети, да…

— Видел хоть кого-нибудь? — Фидель спросил быстро и тут же, смутившись, пояснил: — Я тут не впервой, а кроме Айболита и Ункаса, никого больше… Остальные видят… иногда, а я…

Сайгон рассказал, кого видел, как существа эти выглядели.

— Нет, — покачал головой Фидель. — Они вовсе не такие. Мне рассказывали.

Но уверенности в его голосе не было.

К ним подбежал на четвереньках Ункас.

— Отойди. Я попрощаюсь с сыном.

Сайгон не стал спорить. В обществе мутанта ему было не по себе.

— Возьми с собой! — послышался членораздельный вой.

И голос команданте:

— Нет. Там, куда я иду, слишком опасно. Но помни: всё, что я делаю, я делаю ради тебя!

Спасатели двинули в путь.

Отойдя метров тридцать по туннелю, ведущему к Политеху, Сайгон обернулся. На рельсах у платформы, опираясь на стальной посох, стоял старик Айболит. У его ног свернулся

Ункас. На миг Сайгону показалось, что не посох поддерживает старика, а СВД.[17] А ещё он подумал, что на станции, быть может, обитают только эти двое, а остальные твари — все! — лишь порождения их безумной фантазии.

Фиделю о своих догадках он говорить не стал.

Глава 10
ПАРИКМАХЕР

Устали безмерно. Что называется, еле ноги волокли.

— Команданте, привал бы…

Рухнули вдоль рельсов, где были. Распугали стаю пацюков. Мышка едва не наступил на нору выползка и даже не заметил, а у Сайгона сил не было рассказать ему об опасности: раззявил рот — да так и закрыл, не издав ни звука.

Устали, да, но не спалось. С полчаса ворочались, кряхтели с закрытыми глазами — и никак. Не сговариваясь, стянулись в круг, сели рядышком, касаясь друг друга плечами. Так было спокойней, что ли. Все они до сих пор сохранили способность видеть в темноте, но Сайгону казалось, что это ненадолго.

— А мы на Шулявской были вообще? — Мышка выглядел озадаченным. Он наморщил лоб и, сняв шляпу, почесал затылок.

Что-то подобное происходило и с Гильзой. Она рьяно расплетала и заплетала косу.

Сайгон хотел рассказать Мышке о том, где тот был и что делал, но… Посмотрел на Че — и передумал.

— Вот молодец! Настоящий мародёр! — Растаман подмигнул Сайгону. — Джа тебя любит больше всех! Отлично дунул, аж завидно! Так поймало, что даже станцию не помнишь?

— И меня… поймало. Тоже не помню. — Гильза оставила в покое волосы и вцепилась в ридикюль. — А почему я там не осталась? Я ведь хотела уйти с Берестейской и попробовать пожить на Шулявской…

— Наверное, тебе там не понравилось. — Сайгон достал из рюкзака стеклянную банку с тушёной крольчатиной, закатанной под крышку. — Что-то я проголодался.

Разделить с ним трапезу вызвались только Фидель и Че. Чуть позже попросил мяса Лектор, который покинул станцию самостоятельно и дожидался спасателей в туннеле. Остальные заявили, что их тошнит от одного упоминания пищи.

— Телепат? — тихо спросил Сайгон у Че, активно уплетающего тушёнку.

Тот молча отвернулся.

— Телепат? — уже громче Сайгон обратился к Фиделю.

Тот лишь пожал плечами.

Сайгон разозлился. Он повернулся к Лектору. Нигериец, не дожидаясь вопроса, кивнул.

— Точно?

— Больше некому. — Лектор выглядел измождённым, глаза его запали, шрамы на теле обозначились чётче. Он, и так худой, словно бы разом сбросил килограммов пять.

— Они не помнят. А вы помните, и это понятно. Но я… я почему?

Лектор посмотрел на Фиделя.

— Не знаю, — ответил команданте.

Сайгон понял: он врёт. Знает.

Вот, значит, в чём секрет Шулявской. Вот почему о ней никто ничего не рассказывает. Все в курсе, что такая станция есть, но никто не рассказывает о том, что на ней происходит. Через неё постоянно проходят караваны, но торговцы не распускают слухов о Шулявской. Они просто не помнят, что там и как, а с фантазией у них туговато. Да и реальность оказалась куда круче любой выдумки.

Детский сад для особо одарённых.

Для других — Обитель Скорби.

Или рассадник мутантов.

И Лектор с двумя главными спасателями в этом замешан. Ну ладно Фидель и Че, но Лектор?..

А ты, Серёженька? О себе ты забыл? Тебе ведь память не отшибло.

Ты — в одной упряжке с троицей.

От этой мысли Сайгону стало не по себе.

* * *

Он проснулся от того, что по щеке что-то ползло.

— Не шевелись, — услышал он голос Мышки.

А в следующий миг увидел мародёра. Тот завис над Сайгоном с ножом в руке. Щелчок — пружина выкинула из рукоятки лезвие. То, что ползло по щеке, застыло на месте, испугалось.

Лицо Мышки побелело, он несколько раз моргнул.

И тут лезвие — острое! — метнулось к лицу Сайгона. Глаза непроизвольно закрылись, рука дёрнулась к карману, где шестерни. Что-то лопнуло, оросив губы и нос влажным.

Мародёр отвалился в сторону и, перевернувшись на спину, шумно задышал.

Лезвие, влажное… Что происходит? Сайгон ощупал себя. На пальцах зеленела дурно пахнущая слизь. И ещё ошмётки чего-то коричневого.

— Что за дрянь?

— Выползок. — Мышка приподнялся на локтях, вытер

рукавом пот со лба и нахлобучил шляпу. — Мы ночлег в червивом секторе устроили. И как только никто не лёг на нору, удивляюсь. А ты… — Мародёр показал на нору у рюкзака, который Сайгон использовал на привалах как подушку. — Ты храпишь, как мой тесть, царство ему небесное, вот червяк на звук и пошёл. Я проснулся от твоего храпа, смотрю, а у тебя по роже вот такенное животное ползёт! — Мышка развёл ладони в стороны.

— Спасибо! — Сайгона передёрнуло, когда он представил, как червь ввинчивается ему в висок, откладывает там личинки или делится, а потом…

— Спасибо большое, братишка! — Сайгон схватил мародёра за руку и крепко пожал.

— Спасибо в стакан не нальёшь! — сурово заметил мародёр. — Хоть большое, хоть всякое.

— Извини, я сонный паршиво соображаю… Вот! — Сайгон протянул Мышке флягу с самогоном.

Мародёр трижды отхлебнул и, похвалив пойло, вернул ёмкость хозяину.

— А где все? — Только теперь Сайгон заметил, что они в туннеле вдвоём.

— Байда опять учудил.

— Опять?

— С ним такое было уже. Никого не узнаёт, на всех кидается. Но в этот раз заскок серьёзный. Взял вашу бабу в заложницы. — Мышка замолчал и, сунув палец в рот, со скорбным видом принялся ковырять ногтем в зубах.

— Гильзу?! — не выдержал Сайгон. — Взял в заложницы, а дальше что?

— Да всё как обычно, — отмахнулся мародёр. — Потащил её в туннель. Фидель и Че, конечно, и пальцем не пошевелили. А брюнет твой сразу помчался за девчонкой. Видать, любовь у них.

— Не замечал.

— Потому что глазами редко пользуешься! Короче, как негр побежал за рыжухой, так Фидель и Че сразу засуетились, за ним двинули. Девчонка им по боку, Байда так-сяк, а вот твой гамадрил… Говорят, Космос очень расстроился, когда Лектор с товарищами покинул его гостеприимную станцию. А нам через Вокзальную топать. Как думаешь, зачем Фиделю нигериец нужен? — Мышка подмигнул Сайгону. — То-то же. Политика! Стратегия и тактика!

Сайгон задумался. Меньше всего Фидель и Че похожи на людей, жертвующих собой ради первого встречного. Они вовсе не психи. Расчёт ими движет, трезвый расчёт. И обезвреживать

Байду они отправились, прихватив пожитки. Всё своё ношу с собой? Или это тоже часть коварного плана?..

— Давно ушли?

— На тебя как раз червь залез. Потому я и задержался. А так куда все, туда и я.

Сайгон вытащил из колчана стрелу.

— Говоришь, с Байдой такое уже было?

Они не бежали, но шли очень быстро.

Вдруг туннель впереди озарили вспышки выстрелов.

Загрохотал автомат казака.

* * *

— Та що ж ти робиш, бисова дивка?![18] — Возмущению Байды не было предела: его разоружила какая-то фифа да ещё давай палить из его же собственного автомата!

Примчавшись на выстрелы, Сайгон и Мышка обнаружили такую картину: Гильза с автоматом в руках построила Фиделя, Че, Байду и Лектора у стены, ноги на ширину плеч, руки за голову.

— Девочка, ты что делаешь? — Сайгон опустил лук, показывая, что намерения у него самые мирные, он хочет амазонке только добра.

— Будешь умничать, сам к стенке станешь! — отрезала Гильза. — Или сразу в расход пущу! Ты знаешь, что они хотели со мной сделать? Знаешь?!

Тут-то и выяснилось, что Байда вовсе не псих. Он знал, что Метро-Сечь — так националисты называли станцию Политехнический институт — не принимает женщин. То есть категорически! Раз в Запорожскую Сечь дамам вход был строго воспрещён, то и в подземелье казаки ввели аналогичное правило.

Короче говоря, Мышка неверно оценил ситуацию: Байда вовсе не собирался брать Гильзу в заложницы, он хотел лишь её подстричь. Мол, если убрать косу, да сиськи сильно не выпячивать, может, и пустят на станцию, не разглядит варта[19] что не парубок это рыжий, а девица на выданье.

Но Гильза заявила, что лишиться волос готова только вместе с головой. На что Байда ответил: «Это запросто», — и приставил ей к горлу нож. С негласного одобрения команданте и Че казак оттащил Гильзу в сторону, чтобы не разбудить спящих товарищей, — какая трогательная забота! Но насмерть перепуганная амазонка сопела так громко, что Лектор всё равно проснулся. Как и Мышка, он неправильно истолковал

происходящее и ринулся выручать девицу. Сообразив, что невинный визит к парикмахеру оборачивается чёрт-те чем, к возне присоединились Че и Фидель. А там уж и Сайгон с Мышкой не подкачали, успев к финалу действа.

Оценив ситуацию и вдоволь посмеявшись, Сайгон уговорил девушку опустить оружие.

— Что будем делать с нашей красоткой? — Присев на рельс, Че баюкал прокушенную Гильзой руку. Вообще-то она намеревалась достать зубками Байду, а тут растаман влез… В общем, впилась в то, что было в зоне поражения.

— Волосы резать не дам! Хоть убейте! — Гильза затравленно смотрела на мужчин. Таки поняла, что она в полной их власти: что захотят, то и сделают, а защитить её некому, боевые подруги далеко, на Нивках. Зря только автомат вернула, поддавшись уговорам Сайгона.

— Мышка, нужна твоя помощь. — Фидель внимательно посмотрел на головной убор мародёра.

— Почему моя? — вскинулся Мышка. — Пусть кто-нибудь другой, а то сразу — Мышка… — Он обвёл взглядом спасателей. Никто не носил шляпу, только он. — Пусть в противогазе ходит!

Но кое-как мародера удалось-таки уломать.

Помудрив с волосами, собрав косу в большую шишечку, Гильза натянула шляпу.

— Усы нужны, — зло прищурился Мышка. — Она и в шляпе на мужика не похожа. Надо усы приклеить, я такое в кино видел. Когда еще кино было.

Ограничились тем, что вымазали лицо девушки машинным маслом и пылью, благо и того и другого было вдосталь.

— Может, и получится. — Фидель одобрил «макияж» амазонки. — Что скажешь, Байда?

Даже не взглянув на девушку, казак покачал головой. Мол, всё это белыми нитками шито. Надо было косу резать, вот тогда…

— Авось проскочим! — Хлопнув себя по ногам, команданте принял решение. — Говорят, на Политехе отличные вареники делают. И перцовку.

* * *

О том, что станция уже близко, говорили лозунги на стенах. «Ще не вмерла Украина и слава и воля!», «Хто ты для неньки Украини? Син, брат, чи так, пустоцвит?», «Гарний москаль — мертвий москаль!»[20]

— А мову ти знаеш, бисова дивка?[21] — Байда со значением

покосился на последний лозунг.

— Да пошёл ты! Ещё раз ко мне сунешься, хохолок твой вырву, понял?!

Байда отпрянул, рефлекторно прикрыв ладонью оселедец:

— От вража сила! Краще мовчи, бо всих нас из-за тебе!..[22]

— Да ладно тебе причитать! — одёрнул Байду команданте. — Слушай, а зачем твоим землякам столько металла? Куда они рельсы утащили?

И то верно. Сайгон только сейчас обратил внимание, что под ногами не хватает рельсов. Шпалы есть, а рельсы — тю-тю. И кабелей на станах тоже нет. Ну, это бывает, кабель известно как используется, а вот рельсы… Неужто казацкие умельцы приспособили их под нужды народного хозяйства?

О Метро-Сечи рассказывали всякое. Говорили, что собрались там те, кто обвинял во всех бедах инородцев. Казаки твёрдо верили, что войну начал Кремль. Мол, руководство Газпрома уговорило Большого Брата нажать на кнопку. Выпив штоф водки, Большой Брат так и сделал. А потом, бренча на балалайке «Калинку-малинку», поехал он по плохой дороге в тройке, запряжённой медведями. А в Киеве рвались бомбы и ракеты… Много лет с тех пор миновало, но однажды отворится земля, и в метро, требуя вернуть долг за газ, явится Большой Брат, и будет он рушить и жечь. Потому-то лучшие люди подземелья и создали Метро-Сечь — чтобы остановить кремлёвского убийцу, когда тот придёт.

— Но это же бред. — Лектора озадачил рассказ Сайгона.

— Бред. Но они в это верят. Можешь у Байды спросить. А ещё говорят, что…

…Националисты — люди работящие. У них есть собственные мародёры, которые выходят на поверхность в поисках уцелевших растений и животных, которых можно разводить и употреблять в пищу. Говорят, они даже хлеб пекут. Сайгон однажды видел сухарь, привезённый с Политеха, то есть из Метро-Сечи. Ходят слухи, что у казаков даже свиньи есть. Над ними же зоопарк раньше был, там и раздобыли, только они никому их не показывают, а сами сальцом балуются, гады!

Сайгон ещё много чего мог рассказать о деяниях нациков…

Но когда на тебя наводят пулемёт, лучше помолчать.

Казаков было трое. Пулемёт — один, но и того вполне достаточно, чтобы вмиг расправиться с командой Фиделя. Ствол пулемёта выглядывал из-за блокпоста, из-за аккуратно уложенных мешков с цементом. Ствол этот принадлежал, вроде бы, НСВТ, не иначе как снятому с найденного на поверхности танка. Парочка зенитных пулемётов есть и на Святошине, но их

берегут для особых случаев, хранят в секретном месте. Такие предосторожности ввели после ЧП на станциях Академгородок и Житомирская. Охрану там обнаружили с перерезанными глотками, а пулемётов с блокпостов след простыл. Кто-то потребовал организовать карательную экспедицию против Вокзальной, мол, урки это сделали, больше некому, но идею не поддержали. Иначе война в метро началась бы значительно раньше…

На переговоры отправился Байда. Кому, как не ему, решать вопросы со свояками? Гильзе, что ли?

Беседовали казаки долго и обстоятельно. Пили чай. Судя по хохоту, рассказывали анекдоты. Хлопали друг друга по плечам. Накручивали на пальцы длинные усы. Но при этом стражники внимательно следили за спасателями, ни на шаг не удаляясь от пулемёта.

Гильза, не спускавшая с казаков глаз, с каждой минутой нервничала всё больше и больше.

— Сдаст он меня! — не выдержав, громко зашептала она. — Парикмахер хохляцкий!

Девушка едва не разревелась. Её сдерживало только то, что слёзы размоют «макияж».

— Сдаст! — уже явственно всхлипнула она.

И как назло, в этот момент казаки замолчали. И дружно уставились на спасателей.

Пулемётчик припал к оружию.

— Поди ж ты, сдал… — Че дернулся за ружьём.

Глава 11
МЕТРО-СЕЧЬ

И тут загрохотал пулемёт.

Сайгон рухнул, как подкошенный. Буквально. Он до последнего надеялся, что обойдётся без стрельбы, и потому замешкался. Его сбил с ног Фидель.

Рядом на амазонку навалился Лектор, прикрыл девушку своим телом. По сути-то он совершил геройский поступок, но, видно, чуток перестарался. Может, прижал к шпалам как-нибудь не по инструкции. Гильза взвизгнула и хорошенько двинула спасителя локтем в набедренную повязку. Нигериец обиженно запыхтел, бросил красотку и откатился от нее подальше.

А вот и напрасно.

На потолке заворочалось что-то большое.

Оно захрипело и забулькало и, поймав ещё одну очередь из пулемёта, рухнуло вниз, приземлившись в считанных сантиметрах от головы Лектора. НСВТ вдруг замолчал. Заклинило, понял Сайгон. И тут же бахнуло ружьё Че.

Тварь отбросило.

Байда вскинул автомат. Бил казак короткими очередями, тщательно целясь. Его свояки расстреливали чудище из укороченных «калашей». Присоединился к канонаде и Мышка. Сайгон швырнул в мерзкое создание заточенную шестерню — не отставать же от коллектива! Металл вспорол бесформенную липкую плоть, застрял на долю секунды, а потом его будто всосало внутрь.

Сайгон содрогнулся от отвращения. Странная форма жизни, ни на что не похожая. Казалось, она специально подставлялась под пули.

И вдруг выстрелы стихли. У Мышки закончились патроны в барабанах. Че нужно было время, чтобы перезарядить ружьё, а Сайгон просто не мог так глупо разбрасываться шестернями: их запас ограничен.

Казаки хоть и не стреляли больше, но оружие не опустили. Они чего-то ждали. Чего?

Всхлипнув, Лектор попытался отползти на спине от бесформенной твари цвета ржавчины. Почему-то Сайгон не сразу обратил внимание на цвет, а ведь это важно. Он точно, знал, что важно!..

— Йди звидси!!! Геть!!![23] — закричал ярко разодетый стражник, командир блокпоста.

Тварь застыла на месте, корча из себя кусок гранита. По незнанию Сайгон решил бы, что наткнулся на каменную глыбу — прямо посреди туннеля.

От станции уже спешило подкрепление. А ведь Фидель планировал тихо пробраться на Политех, уладить пару вопросов и отправиться в путь-дорожку. Не тут-то было.

Мышка наконец зарядил револьверы.

— Никому не стриляти!!![24] — закричал Байда.

— Опусти оружие!.. — зашипел на мародёра Фидель. — Делай, как Байда велит!

Мышка подчинился, но револьверы в кобуры не спрятал.

Внезапно по телу твари прошла судорога.

— Что это?! — взвизгнула Гильза и спряталась за Лектора, но тот, помня о локте, поджался и посторонился. — Да оно сейчас взорвётся!!!

Сайгон вдруг отчётливо представил, как существо распадается на части, брызжа по сторонам пулями, нашпиговавшими его.

Нет, пронесло.

Камень опять превратился в бесформенный студень, который осел на пол и потёк прочь от спасателей. Затем, удлинившись и став похожей на червя, тварь влезла на стену, а оттуда перекочевала на потолок, по которому двинула дальше.

Вскорости она пропала из виду.

— Что это было? — Мышкины револьверы вернулись в свои кобуры.

У Сайгона были мысли на этот счёт, но он промолчал, ибо спасателей наконец-то пригласили за блокпост: признали, что в туннеле им оставаться слишком опасно.

— Иржа николи не ходить поодинци. Дви, три, инколи чотири. Поодинци — николи![25] — заверил спасателей командир стражников. — А вони вже днив шисть немов скажени, бо голодни.

Иржа? То есть ржавчина — так казаки называли бесформенную тварь. Как оказалось, имечко придумали весьма метко.

Мутанты эти тут появились недавно, пару недель назад. Похоже, с поверхности заползли. Мало ли пришельцев из мира иного проникает в метро по вентшахтам? Но эта дрянь оказалась во сто крат дряннее прочих.

В боковом ответвлении, в тупике, стояли два вагона, обычные «ежи». Всё, что можно было снять, с них уже сняли. Вот там-то твари и обосновались — и дней за пять от вагонов не осталось ничего. Мутанты окисляли своими выделениями металл и

поглощали его. Когда вагоны были сожраны, твари принялись за кабели на стенах и рельсы вблизи от тупика, в котором поселился выводок. Но и этого надолго не хватило.

Примерно тогда же эти проклятые создания пристрастились и к людям. Страх человеческий подвел: один из караулов от страху принялся поливать неизвестных тварей свинцом. Угощение пришлось ирже по вкусу. Схавав за милую душу весь боезапас, создания подобрались поближе, обволокли часовых… На них ведь сколько металла было: и оружие, и пуговицы, и молнии… Да и в крови человеческой железо содержится. Немного, но твари его чувствовали. В общем, из всего караула выжил только один — он и рассказал о том, что случилось.

Теперь иржа наведывается к блокпосту за пулями, которые с удовольствием поглощает всей поверхностью тела. Так что шестерня Сайгона наверняка ей пришлась по вкусу. И всё бы ничего, да только пропитание ирже требуется часто, но нерегулярно, поэтому определить время следующего визита нет возможности. А палить приходится — не «накормишь» пулями — доберутся до стрелков. Твари уже порядком истощили арсенал Метро-Сечи. Что будет дальше, когда патроны закончатся, не ведает сам Хозяин Туннелей, что уж говорить о людях…

Такие дела.

И не знаешь, горевать или радоваться: вроде бы, ужасные и неуязвимые твари угрожают людям на ближней станции, и никакой управы на нее нет. С другой — как сказать «люди»? Нацики. Милитаристы. Если казаки собираются воевать, то им понадобится много боеприпасов. И потому чем больше пуль достанется ирже, тем меньше перепадёт обитателям Святошина.

Так что — да здравствует иржа?

И тут Сайгон услышал о двух малышах, из которых кошмарные твари выпили всю кровь. Нет, мужики, это уже не по-человечески. Дети за родителей не в ответе… Да и вдруг, сожрав все железо в Сечи, ненасытные отродья двинутся к другим обитаемым станциям? Рельсы-то на Сечи не заканчиваются… И куда они выведут иржу, одному Хозяину Туннелей известно.

Пока Сайгон носа не казал со Святошина, он и не подозревал, что жизнь людей в метро висит на волоске. Как хорошо было: выращивал кроликов, жену любил по мере сил, воспитывал сына — и пребывал в неведении. Кто ничего не знает, тот лучше спит. И не боится! Зато теперь, после всего виденного, Сайгону не так-то просто будет уснуть. А до Днепра ещё топать и топать. Так что же будет дальше? Чем ещё порадует подземка?

От неприятных размышлений Сайгона избавили казаки. Подкрепление, явившееся на выстрелы, состояло из десятка

вооружённых автоматами бойцов. Все высокие и стройные. Широкие плечи, развитые мускулы. Мальчишки ещё, лет по семнадцать, но глаза у них холодные и острые, будто штыки.

Эти парни родились под землей. Они с первого вдоха были гражданами военизированной станции. Детей с отклонениями здесь не жаловали — их попросту уничтожали. Сечи нужна только здоровая молодёжь. Давным-давно был город-государство — Спарта. Так вот там поступали точно так же. И где тот город?.. Впрочем, там же, где и города, в которых почитали гуманизм. В небытии.

Есть ли жизнь на Марсе? Есть, если на Марсе уцелело метро.

Шутка.

— Слава Украини! — приветствовал воинов Сайгон.

— Героям слава! — дружно отозвались они.

Как пароль и отзыв. Словно не в подземке они через двадцать лет после ядерной войны, но в Карпатах, на полонине. Вроде как встретились два отряда ОУН-УПА, бандеровцев или мельниковцев. Да вот только один отряд — фальшивый.

— Як ся маеш, хлопче?[26] — подмигнул Гильзе командир подкрепления.

Он был обнажён по пояс. На груди зеленела татуировка — трезубец, увитый подсолнухами. В ухе поблескивала серьга. Похоже, командир трагически одинок и потому в поиске. Пылкие взгляды, как стрелы Амура, выпускаемые им в женоподобного казачка, ясно говорили о его нетрадиционных пристрастиях. А раз сердце казака свободно, что мешает подарить его прекрасному юноше в шляпе? Умыть юношу, почистить — и подарить!

Сечевики, спартанцы, самураи… Среди мужчин, которые подолгу живут без женской ласки, частенько возникают такие связи. Времена, география, раса — всё это не имеет значения. Люди всегда и везде остаются людьми.

— Чого ти мовчиш, як засватаний? Чи вин справди засватаний? Або язика проковтнув?[27] — Последние два вопроса адресовались Байде, которого сечевик принял за главаря спасателей.

Байда развёл руками, не зная, что ответить. Он посмотрел на Гильзу, на шляпу, потом перевёл взгляд на Фиделя. На лбу его выступил пот. Пауза затянулась. Улыбка исчезла с лица сечевика.

И вдруг Байда выдал:

— Та ни, який же вин засватаний? Вин — москаль![28]

Казаки так и прыснули со смеху. Уж очень им шутка понравилась. А громче всех смеялся их командир, то есть по-местному — кошевой.

Лицо Байды перекосило. Мужик улыбался, как умел.

Улучив момент, когда кошевой таки отвёл влюблённые очи от Гильзы, Сайгон шепнул ей на ухо:

— А это правда, что ваши… ну, с Нивок, с этими… ну, того? Для расплода?

Гильза кивнула. Этот знак её согласия узрел кошевой. Он нахмурился и сплюнул Сайгону — сопернику! — под ноги. С теми, кто ему мешал, бравый сечевик привык расправляться на раз-два-три. Сайгон вызов не принял, демонстративно не заметив слюну на своём ботинке. Кошевой презрительно скривился и ущипнул проходившую мимо Гильзу за ягодицу.

Это было его ошибкой.

Удар кулаком в нос сшиб героя-любовника с ног.

— Твою мечту!.. — скрипнул зубами Фидель.

Казаки тут же схватились за оружие. От былого добродушия не осталось и следа.

К счастью, кошевой был любителем подобных игрищ.

Он поднялся, запрокинул голову, чтобы из свёрнутого носа не текло, и велел топать дальше. Во взгляде его читалось восхищение парубком в шляпе.

Нравы Сечи всё меньше и меньше нравились Сайгону. И ладно бы только Гильза — ну бывает, любовь с первого взгляда, но при чём тут Лектор? На него даже рядовые сечевики посматривали с животным интересом. При этом они подмигивали друг дружке и чуть ли не облизывались… То есть насчёт того, как девицу спрятать от чужих глаз, Байда подумал. Молодец! А то, что нигерийца без маскировки к нацикам привести — всё равно, что расстрелять, об этом Байда не догадался. Сайгон тоже хорош, мог бы голову напрячь…

Чем больше на Лектора внимания обращают, тем меньше интересуются командой. Что там Мышка на этот счёт говорил?.. Если так изначально задумывалось, то план сработал.

Сечевики на станции бросали свои дела, чтобы посмотреть на диковинку — чёрного человека.

Казаки не отпустят Лектора живьём. Если Сайгон это понял, то нигериец и подавно. Потому он и шёл, опустив голову. Он — жертва. Чтобы хоть как-то приободрить товарища, Сайгон похлопал его по плечу.

Их усадили на матрасы, небрежно брошенные на пол между пилонами. По обе стороны портала как бы между прочим прогуливались сечевики с автоматами наперевес, что немного нервировало. И всё-таки у спасателей даже не пытались отобрать оружие. Поначалу Сайгону это казалось хорошим знаком, но потом… Казаки абсолютно уверены, что деваться гостям некуда,

опасности они не представляют. Хорошо это или плохо? Судя по напряжённому лицу Байды, тот чувствовал себя на своей исторической родине неуверенно.

Сайгон перебрался к краю портала и выглянул в центральный зал. Вертухай никак не отреагировал, значит, это не запрещено. На пилоне напротив красовалась копия картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», явно сделанная по памяти. На оригинале смеющийся казак в белой папахе вроде чуток толще, если Сайгон правильно помнит работу Репина. И уж точно в изначальном варианте запорожцы были вооружены вовсе не автоматами Калашникова, не винторезами и не РПГ…

Внимание Сайгона привлекла группа мужчин, под звон бокалов и хохот просиживающих шаровары в шинке. Подобные заведения на всех станциях одинаковы: пяток пластмассовых столов, стулья, электропечь и бутыли. Наливая хмельного, тебе тут же готовят и закуску.

— Не дивись туди![29] — зашипел ему на ухо Байда.

Сайгон хмыкнул:

— Чего это вдруг?

— Видвернись, кажу![30] — Лицо Байды побагровело. — Биду на всих накличеш, хлопче!

Похоже, весёлые выпивохи тут на особом положении. И вроде ничего примечательного в них нет — внешне они такие же, как прочие обитатели Сечи, но казаков этих обходили стороной, глядя под ноги с таким рвением, будто опасаясь увидеть норы выползков посреди платформы. Особо осторожничали молодые парни из прислуги шинка. У них колени дрожали, стоило только гулякам заказать пару глечиков с самогоном и тарель с тушёной крольчатиной.

Местная молодёжь слишком уж целомудренна. Кошевому нелегко будет найти пару для любовных забав. Сайгон видел, как смешливый мужичок в алой свитке щедро сыпанул жетонов на поднос чернобрового парубка. И вроде ничего такого, а парубок дёрнулся, будто ему в пах ударили. Лицо исказил безмолвный крик. Жетоны покатились по полу, и никто не кинулся их поднимать… Забавные тут порядки. Нацики с жиру бесятся, не иначе.

Или не в том дело?

— Так это и есть те самые?.. — Сайгон осёкся, сообразив, что негоже вслух такое говорить.

Этих безобидных с виду гуляк называют — тсс! — галдовниками. Клан наёмных убийц… Ещё и года не прошло, как отряд в два десятка бойцов объявился на станции Политехнический институт. Местечко это галдовникам

приглянулось сразу.

Никто не знает, откуда они пришли и зачем. Будучи изрядно навеселе, они попросились на постой до утра: «Нам бы только головы приткнуть!». Вот только гости не уточнили, до какого именно утра. Неделю спустя они всё ещё разгуливали по станции. А там и месяц миновал, и три, и полгода… Забавно, но так уж получилось, что тех, кто призывал гнать новых соседей в шею, скоренько забрал к себе Хозяин Туннелей: у одного сердечко прихватило, другой упал на рельсы да шею свернул, мало ли…

По метро поползли слухи, что, мол, колдуны завелись в Сечи. Да не просто колдуны, но с автоматами и саблями, хотя оружие им без надобности — одним лишь словом сразить умеют насмерть. Вспомнили и старинные легенды об атамане Сирке, которого турки и татары считали оборотнем и галдовником. Вот пришлых и окрестили его потомками.

И потянулись недобрые людишки в Сечь.

Загляни в шинок, шепни атаману просьбу, заплатив столь щедро, чтобы не рассмеялся в лицо тебе галдовник. И всё, недели не пройдёт, как сляжет от неведомой хвори твоя тёща на Житомирской или Берестейской. А не надо было притеснять зятька! Или потеряется в туннелях караван конкурента… Да мало ли, о чём можно попросить колдунов?

Всего лишь совпадения? Может быть. Но достоверность слухов Сайгон проверять не собирался.

Он отвернулся от шинка и принялся изучать местные достопримечательности — бюстики героев прошлого, расставленные вдоль края платформы. Вот бывший крепостной Шевченко. Рядом — сиделец концлагеря Бандера. А вот какой-то президент, Сайгон не помнил его имени. Надо же, и Кличко есть, не разобрать только, младший или старший, на одну ведь рожу…

— Тьфу, крестьяне! — Гильза сильнее нахлобучила шляпу. — А туда же, руки распускают! Везде мужики одинаковые!

Это она точно заметила — насчёт крестьян. Немало места на станции отведено под проволочные растяжки сплошь в белёсых слизких растениях, похожих на хмель и отростки картофеля. Не зная наверняка, тяжело узнать в этой ботве кукурузу, так сильно она мутировала. Обновлённый злак в Сечи культивировали уже не первый год.

Майор рассказывал, что работал на Политех до того, как станция разбогатела настолько, что позволила себе собственных мародёров. Так вот кукуруза — его заслуга. Политеховцы заказали найти выжившие злаки, уж больно им хлебушка хотелось. И тогда прожжённый радиацией, через слово кашляющий Майор принёс из рейда то самое растение, что нынче

опутало проволоку, натянутую вдоль и поперёк путевой стены.

Перед Майором на коленях ползали, умоляя разыскать и доставить в метро свиней. Но с хрюшками не заладилось. Майор и сам мечтал поймать парочку розовых поросят, но на поверхности он так и не встретил ни единой твари, хотя бы отдалённо похожей на кабанчика!

Так говорил Майор. А слухи утверждали обратное: казаки таки раздобыли свиней. Потому Сайгон и зыркал по сторонам, высматривая копыта и пятачки. Мало ли что рассказывал Майор? Его послушай, так всё главное и нужное с поверхности принёс он — чуть ли не каждую панцирную сетку для кровати. Умел Майор себя показать. А вот с лыбидем не справился…

— Что это там, на растениях? Насекомые? — Лектор выглядел удивлённым. — Почему эти люди собирают их в миски? Есть будут? Ни на одной станции не едят таких насекомых…

Сайгон посмотрел на аборигенов, на четвереньках ползавших вдоль нижних проволочных рядов. Сообразив, в чём дело, он расхохотался. Вертухаи дружно уставились на него. Чего это чужак пасть раскрыл? Замышляет недоброе?

— Эти жуки… — всё ещё хихикая, выдавил из себя Сайгон. — Они… как бы тебе сказать… Ты когда-нибудь слышал о колорадских жуках? Нет? Это они и есть. Ничуть не изменились с тех пор, как я видел их у бабушки в огороде. Такие же полосатые. В метро, представляешь?! Кто бы мог подумать… Их не едят, братишка Лектор. Эти жуки портят урожай. Их убирают с растений и давят каблуками.

Нигериец прищурился:

— И однажды всех уничтожат?

— Сомневаюсь. Они везде выживут, хоть в кислоту их окуни. Думаю, они нужны, чтобы вечно досаждать нам. Таков план Создателя. Чтобы люди не расслаблялись.

Ошибочка вышла. Жуки, в прошлом опасные лишь для картофеля, мутировали. Внешне не отличаясь от предков, нынешние не прочь были полакомиться животным белком. Сайгон как раз торговался за свежую, пышущую жаром буханку (продавец сам подошёл к спасателям, вертухай нехотя его пропустил), когда раздался пронзительный вопль. Сайгон аж на месте подскочил.

Крестьянин, совсем ещё мальчишка, дёргался, пытаясь вытащить руку из сплетения проволоки и белёсых ветвей. Верещал он при этом так, будто его живьём жарили на вертеле.

К мальчишке, не мешкая, кинулись два худосочных парубка, что работали рядом с ним.

Со свистом развернулась цепь — Лектор хотел помочь

бедолаге, но Байда его остановил, схватив за рукав. И такое у него было выражение лица, что нигериец застыл на месте, преградив путь и Сайгону. А ведь тот с буханкой в руках — пальцы впились в горячий хлеб — едва не спрыгнул с платформы в кукурузу.

Теперь понятно, почему огородники по самое темечко затянуты в брезентовые одежды, а головы их прикрыты матерчатыми шлемами. Защита от жуков!

Самый резвый из парубков, заметно хромающий, ткнул ржавым секатором в заросли.

На миг мальчишка, попавший в ловушку, замолчал — переводил дух.

В оглушительной тишине щёлкнул секатор, и ещё раз, и ещё — проволоки обвисли, хилые стебли кукурузы хрустко рвались под весом просевшей «грядки». Теперь мальчишка мог вытащить застрявшую руку.

От кончиков пальцев до локтя (рабочий балахон задрался) вся кожа на ней была покрыта мелкими полосатыми тельцами, которые вгрызались в плоть с невероятной скоростью.

Вот тебе, бабушка, и колорадский жук!

— Видрижте мени руку! — заголосил мальчишка, упав на колени. — Я бильше не можу![31]

— Цить! — оборвал его парубок, что ловко орудовал секатором. — Я кому кажу?! А ну цить! Руку йому видриж! А ще чого?![32]

Второй деловито, без суеты из армейской фляги полил травмированную руку оранжевой жидкостью. Мальчишка стиснул зубы от боли, но смолчал. Его трясло, он побледнел и, казалось, вот-вот свалится без чувств. Резко запахло сивухой.

Сайгон смотрел на руку мальца. Из-под кожи выползали всё новые и новые полосатые тельца. Жукам не нравилась оранжевая жидкость, они бежали от неё. Под такую приправу человечина, видать, не шла.

— Во фляге споры «надьки», настоянные на самогоне, — со знанием дела сказал подошедший Че. — И ещё что-то добавляют, не знаю что. Жуткая отрава. Кукуруза вянет мгновенно, чернеет. Но от колорада самое то. Проверено. Вы, конечно, в курсе, что такое «надька»?

Сайгон кивнул. Кто ж в метро не знает эту легенду? Все знают…

— Расскажи, — тихо попросил Лектор.

…Резню первых дней остановила лишь эпидемия. Страшное время, вспоминать не хочется, но и забывать нельзя. Метро было завалено смердящими трупами. Умер каждый второй из

спасшихся от войны на поверхности.

Кто-то падал в корчах, задыхался. Иных валил сердечный приступ. Были и такие, кто отказывался принимать пищу и погибал от голода. Самоубийства стали нормой… А потом всё закончилось. Как отрезало.

По туннелям двинули пророки с Житомирской, посланцы патриарха Всея Метро отца Никодима. Одетые в хламиды, они проповедовали смирение. Мол, постигла нас кара, хоть и оказались мы милостью Его на Ковчеге, сокрытом землёй и бетоном. Покаемся, братия, и минует напасть! Спасёмся, лишь отринув суетное и уверовав в Господа!

В пророках чувствовались армейская выправка и лютый фанатизм. Вместо Устава гарнизонной службы — Библия. Шило на мыло, если разобраться.

Многие уцелевшие после эпидемии поддались уговорам пророков. Их крестили, заново обращая в христианство, ибо пророки вещали о том, что прежняя религия сгорела в ядерном огне вместе с грехами мира.

И вроде всё наладилось, и власть патриарха Никодима распространилась на все станции, включая воровскую Вокзальную. В метро воцарились мир да любовь. Законом стали заповеди, переиначенные под новые реалии. Какие ещё ослы и волы? Не возжелай автомата ближнего своего! Убери лапы от патронов его! У нас тут своя лавра. Круче той, где покоятся Илья Муромец и Нестор Летописец![33]

А потом началась вторая эпидемия. И Царствие Господне рухнуло вмиг.

Байда замолчал.

Сайгон вздохнул. Его зацепило во второй раз. Две недели валялся, мечтая сдохнуть. Мышцы сводило судорогой. И боль. Боль. Бесконечная боль. Именно в те дни он впервые услышал о Хозяине Туннелей, который разозлился на людей за то, что они внесли в его пределы иного бога. Рассказывали, что Хозяин Туннелей — чуть ли не чёрт рогатый.

Ерунда! Хозяин Туннелей — это само метро, его сущность. Это совокупность людей, животных, проводов, тюбингов и прочего, что есть в подземке. Это организм, частью которого является каждый из обитателей подземелья, каждая кровать, каждый патрон, принесённый сюда с поверхности. Сайгон это чётко уяснил, валяясь в бреду посреди платформы, куда сносили больных.

Матвей Алексеевич, босс Святошина, всерьёз подумывал тогда о том, чтобы живых больных сжигать вместе с мёртвыми. Иначе эпидемию не остановить. К счастью для Сайгона,

Алексеевич так и не решился на это…

Спасение пришло неожиданно. Панацеей оказалась серебристая плесень, что обильно разрослась на станционных стенах и в туннелях. Оказалось, ей можно лечить насморк и радикулит, зубную боль и запоры. Надо просто рассчитать дозировку, правильно настоять или заварить, потому что в перезревшем состоянии плесень выделяла смертельно едкую кислоту. На каждой станции с тех пор появились знахари, которые из плесени готовят лекарства. Безбожно фонящий аспирин с поверхности быстро вышел из моды.

Как водится, чудесные свойства плесени обнаружились совершенно случайно. Молодая женщина, обезумевшая из-за смерти сына, принялась соскребать со стены слизкую гадость, за считаные дни наросшую слоем в палец толщиной. Женщина пихала её в рот, жадно чавкая и приговаривая, что так ей, дуре, и надо, раз не уберегла свою кровиночку. Женщина была больна: язвы покрывали её тело, из ушей, глаз и носа сочилась кровь. Тем удивительнее, что она могла передвигаться и разговаривать.

Сайгон был уверен: ею управляла могущественная сила — Хозяин Туннелей.

Женщине оставалось жить минут десять от силы. Но спустя два часа она всё ещё набивала желудок плесенью. Безумную связали, чтобы не навредила себе и людям. А через сутки с её тела исчезли язвы, кровотечение прекратилось.

Она выздоровела!

Надежда — имя этой женщины. В её честь назвали чудо-плесень — «надька». Правда, от безумия плесень излечить не смогла…

Байда закончил свой рассказ.

Сайгон вдруг с удивлением понял, что казак говорил на русском, чего за ним раньше не замечалось. А ещё он подумал о том, что чудо-плесень появилась на стенах очень вовремя. После второй эпидемии наросты исчезли. Теперь «надьку» не так-то просто добыть. Знахари не зря едят своё мясо — им приходится рыскать по туннелям и вентшахтам, обыскивать сбойки и заброшенные служебные помещения, не говоря уже о всяких щелях и дырах. А всё для того, чтобы найти хоть немного серебристой слизи. Хозяин дал, Хозяин взял, когда необходимость отпала. Метро — единая экосистема.

— А жуки? — Лектор бестактно прервал размышления Сайгона. Чертяку-негра ничуть не растрогала трагедия безумной Надежды, и спасение Святошинско-Броварского человечества его мало волновало. — Если жуки на людей нападают, то почему только тут?

Байда огладил длинные усы:

— Они не летают. Только ползают. И жрать им постоянно надо, долго не могут без пищи. Иначе всем бы уже кранты настали.

В памяти Сайгона вдруг всплыли байки о караванах, пропавших в туннелях. Потом находили обглоданные кости в целых одеждах. И оружие на месте. И товар, и жетоны. В общем, мистика, да и только. Но Сайгону показалось, что он знает разгадку тайны…

— Пан гетьман, прошу, ось сюди! Бачите, що воно таке е? Те що треба![34] — На сей раз кошевой явился не просто в сопровождении сечевиков, но привёл с собой важного казака в меховой шапке, богатых одеждах и с шипастой булавой в руке.

Сайгон аж рот открыл от удивления. Надо же, какая честь выпала спасателям — лицезреть самого гетмана Метро-Сечи Богдана Крыгу!

Гетман молча посмотрел на Лектора, потом так же молча кивнул кошевому.

И отбыл.

— А ну, мавпочка, сидай на пальмочку![35] — заржал кошевой и махнул рукой.

К нигерийцу тут же подскочили казаки, подняли его и куда-то потащили. Че потянулся за ружьём — и у него на лбу мигом вскочила красная световая метка. За спасателями наблюдал снайпер, готовый в любой момент открыть огонь. А то и не один. Вот почему у них не отобрали оружие!

— Галдовники, — беззвучно, одними губами сказал Фидель. — Ты на прицеле.

Че убрал руку с ружья. Метка исчезла.

— Куда Лектора увели? — На глазах у Гильзы вспухли слёзы.

— Его подвесят ребром на крюк, — ответил Мышка. — Потому что он чёрный.

Глава 12
СЛОВО ГЕТМАНА

Позже Сайгон так и не смог объяснить, что на него нашло. Это был импульс. Просто он сделал то, что сделал. Геройство высшей пробы. Подобное мальчишество заставило бы Майора скривиться, как от зубной боли.

Но Сайгону за себя ничуть не стыдно.

— Мени потрибен Крига! — Он шагнул к вертухаю, преграждавшему путь в центральный зал. — Я знаю, як вбити иржу![36]

Не самое приятное ощущение — чувствовать на себе взгляды снайперов через оптические прицелы. Но Сайгону не то чтобы плевать на это, просто он занят, нет времени думать о своей безопасности.

Фидель дёрнулся было за ним, но святошинец попросил не мешать ему:

— Сам справлюсь, команданте, помощь не нужна.

Вертухай подумал-подумал, да и позвал кошевого. Тот важно и лениво подошел.

Минуты тянулись бесконечно долго. В любой момент могли послышаться крики Лектора, но станцию заполнял лишь обыденный фон, ничего из ряда вон. Никого здесь не пытали и пока что не казнили. Сайгон так и не увидел крюков, за которые можно подвесить человека.

Фидель пошутил? Вряд ли.

Словно нож — кожу, рассекли толпу четверо сечевиков. Были они, как кошевой, обнажены по пояс, вот только движения у них отточенные, уверенные. Дублёные тела, не единожды траченные радиацией, покрывала паутина шрамов. Таким парням даже Гильза не решилась бы бить в нос. Себе дороже. Вот кому подражал кошевой. Здешняя воинская элита.

Сайгон кинул взгляд на шинок. Веселья как не бывало. Все смотрели на гостя. Даже прислуга застыла с подносами в руках.

Байда отвернулся. Фидель, закрыв глаза, что-то шептал. Молился, что ли?

Че коротко кивнул, мол, мы с тобой, друг. Гильза уже не скрывала слёз, «макияж» её перечеркнули заметные промоины. Кошевому должна бы понравиться такая чувствительность парубка в шляпе.

Мышка… А что Мышка? Мародёр считал поступок Сайгона глупым. Это понятно. Да что там мародёр, Сайгон сам так думал.

Дело в том, что он понятия не имел, как избавиться от мутантов, поедающих металл.

* * *

Его поставили на колени и парой болезненных тычков заставили смотреть в пол.

Не проблема, на полу тоже есть чем любоваться. Хороший ковёр, почти новый, не потёртый. Редко им пользуются? Для особых гостей расстилают? Неужто для Сайгона расстарались, пустили блеск в глаза?

Уважают тебя, Серёженька, ай, уважают!

Если б ещё уважили, было бы отлично.

— Кажи, собака, що тоби вид батька треба! Та молися, щоб не вбили тебе видразу![37]

Сайгон молчал, собираясь с мыслями. Есть четверо бойцов, есть гетман. Уже пятеро. К тому же он слышал приглушённые голоса ещё нескольких человек. Небось казацкая рада вся в сборе. Итого — минимум! — десять. Стоит ли пытаться сразить столько народу? Одним махом семерых побивахом? В карманах куртки есть шестерни, за поясом — пистолет, в магазине патронов мало, зато с трассирующими пулями, они очень помогли Сайгону в охоте на каннибалов…

Тут уж или пан, или пропал.

Фермер глубоко вдохнул и поднял взгляд от пола, зная, кого перед собой увидит:

— Я уничтожу ржавчину. Но взамен мне нужно твоё слово, гетман. Ты поклянёшься на Библии, что отпустишь меня и моих друзей целыми и невредимыми. Включая нашего чернокожего товарища.

— Москаль… москаль в Сичи, — зашелестело в рядах приспешников Крыги.

Казацкая рада-таки в сборе. Много народу, куда больше, чем прикидывал Сайгон. Большое помещение, самое большое из служебных помещений, что он когда-либо видел.

Крыга сидел в громадном кресле, обтянутом кожей. И поза у него была такая, что кресло сразу хотелось назвать троном.

— Залиште нас![38] — велел гетман.

Сказано было едва слышно, но менее чем за минуту в приёмном покое остались только Крыга и Сайгон. Последними ушли сечевики, которые привели сюда святошинца — уж очень им не хотелось оставлять гетмана наедине с гостем станции.

Крыга пристально смотрел на Сайгона, словно взглядом

хотел просверлить во лбу чужака дыру и прочитать в извилинах мозга ответы на свои вопросы.

— Водку будешь? — вдруг спросил гетман почти без прононса.

— Говорят, у вас тут отличная перцовка. Не отказался бы. — Сайгон сделал вид, что предводитель националистов его вовсе не удивил.

Крыга хмыкнул: мол, как знаешь. Он встал с трона, подошёл к металлическому шкафу, открыл кодовый замок.

На полках располагалось завидное собрание алкоголя. Был там и итальянский вермут, и двухцветный ликёр, джин с забавным человечком на этикетке и двенадцатилетний виски, каховские коньяки… Такой сказки Сайгон в жизни не видал, только слыхивал, да и то не верил.

Крыга извлёк ноль пять «Русской» и пивную бутылку, законопаченную чем-то вроде сургуча, — это, надо понимать, и есть перцовка местного разлива. Выглядит не очень аппетитно. Надо было соглашаться на довоенную водку, ну да что уж теперь…

В качестве закуски были предложены пампушки и маринованные грибы.

— Сальца бы! — рискнул Сайгон: авось и обломится, а?

— Издеваешься? — наморщил лоб Крыга, серые глаза его полыхнули злым огнём.

— Я слышал… — растерялся Сайгон.

— Я тоже слышал. Но есть только грибы какие-то, хрен его знает какие. И пампушки из кукурузы. Зато чеснок натуральный.

Выпили. Повторили. И тут же закинули в себя по третьей.

— И як ти зробиш це?[39] — Крыга не закусывал, лишь кривился и занюхивал своим длинным усом.

— То вже моя справа![40] — Сайгон тоже демонстративно отказался от пампушек, хотя ему жутко хотелось их попробовать. Тем более что перцовка оказалась ядрёной. От неё во рту бушевал пожар.

— Саме так, синку, саме так…[41]

Внезапно Сайгон разозлился. Да что ж это такое, а? Фидель его называет малышом, Крыга — сынком. Он что, так молодо выглядит?! Да у него самого есть сын!

— Нужно что-нибудь для операции?

Сайгон задумался. Если бы он знал…

— Да. Ещё бутылка перцовки. И пампушки возьму. Аппетитно выглядят.

Крыга положил ладонь на Библию:

— Хорошо.

* * *

Так он и стоял посреди туннеля: в одной руке пузырь перцового самогона, в другой — мешок с чесночными булками. Отличная амуниция для атаки на монстров, которых нельзя расстрелять из АК! Собственно поэтому Сайгон и не попросил автоматического оружия. А смысл? Прикормить мутантов?

За спиной — ствол НСВТ и полтора десятка сечевиков. Для поддержания боевого духа. Напрасно, это вовсе не обязательная мера, вполне хватило того, что в случае побега спутников Сайгона подвергнут мучительным пыткам, затем убьют, потом разыщут беглеца и сделают ему больно, а в итоге… ну, понятно. Если же Сайгона постигнет неудача и он останется жив — смотри предыдущий вариант с пытками и так далее. Если погибнет — идеальный для него расклад, но спасателям всё равно каюк.

Один за всех и все за одного.

А всё из-за Лектора! И чего он такой брюнет?

Сайгон отлично видел в темноте, спасибо телепату с Шулявской. А сечевики — нет. И то, что чужак не спешил воспользоваться фонарём, карбидкой или плошкой, их нервировало. Как бы не открыли огонь из зенитного пулемёта — чтобы вспышками подсветить Сайгону тропу. С этих умников станется. Кошевой, который лично вызвался сопроводить добровольца до блокпоста, — ещё тот интеллектуал, по пути всё расспрашивал о семейном положении парубка в шляпе.

— Вдовец, — буркнул Сайгон и добавил: — Тёмная история. Отравление, смерть в корчах…

Теперь Гильзу оставят в покое, если он правильно понял выражение лица кошевого.

Дело было вечером, делать было нечего…

Сайгон окончательно запутался в том, какой сегодня день недели, какое число и что за время суток. Зима 2033-го, верно? Рождество уже было? На Святошине, где электричество отключают и включают по графику, как-то проще ориентироваться. И календарь ведётся. А вот в туннелях, где всегда темно, или на чужих станциях, где свои законы и правила…

Ага, вот и боковой коридорчик. Надо же, как-то слишком быстро дошёл. И куда, спрашивается, спешил? На собственные похороны опаздывал?

Тишина. Обычно в метро звуков — вагон и маленькая тележка. Крыса бежала, хвостиком махнула, кабель оборвался, кому-то голову разбил… или чихнул кто, или скрипят тюбинги под жуткой массой породы, или…

А тут — будто бы иржа-мутанты не только металлами питаются, но и звуками.

— Эй, ау? Нет никого? Ну и ладно, я позже зайду.

Сайгон двинул по коридорчику с бутылкой и пакетом наперевес. Пить и есть почему-то не хотелось. Начисто вот отшибло желание. Хотя наркомовские сто граммов не помешали бы. Для храбрости.

Перед глазами всплыло лицо Светки. Сквозь улыбку явственно читался укор: «Что же ты, дорогой супруг, делаешь? Тебе что, больше всех надо? А о сыне ты подумал?».

«Именно о нём и подумал, любимая. И когда Харона оставил в живых, тоже о сыне думал. И когда записку тебе передавал с предупреждением о грядущей войне, о ком думал, как не о сыне? А зачем с командой психопатов иду к Днепру? Ради гармошки и блюза? Ради папочки, который бросил меня в раннем детстве?.. И ради этого тоже, дорогая. И ради этого тоже… Но вдруг получится прорыть туннели? И войны не будет, а будут новые поселения?.. Какой мне с того интерес? А такой, любимая, что поселенцам нужно что-то жрать, и кто первый преподнесет им хомячков на вертеле, тот и молодец. Конкуренты не дремлют, любимая!»

«Ну и дурак же ты, Сайгон. Какой же ты у меня дурак». Светка улыбалась.

Это уж точно. В одной руке бутылка, в другой — пакет. И как тебя, Серёженька, после этого назвать?..

Лицо Светки исчезло. И Сайгон остался один на один с целым выводком мутантов цвета ржавчины.

* * *

Их было шесть штук. По головам точно считать не стоит ввиду отсутствия голов.

Шесть бесформенных комков разных оттенков ржавого — от оранжевого и жёлтого до тёмно-бордового. Все разные. Особые. Выползки и пацюки — точные копии друг друга. Ну, с вариациями. А эти…

У этих существ не было глаз, не было ушей и ртов. Конечностей Сайгон тоже не заметил. Больше всего они были похожи на большие кучи… ну, того самого. Это ж какую животину так перекрутило радиацией и бактериологическими прививками? Есть версии? У Сайгона — ни единой.

В туннеле не осталось кабелей и металлических шкафов — мутанты всё сожрали. Стены покрывал ржавый налёт, довольно

твёрдый и упругий на ощупь, будто резиновый. Если бы Сайгон перед походом не закинул за ворот три по сто перцовки, он ни за что бы не прикоснулся к стене. Но ведь закинул, спасибо гетману. Святошинец посмотрел на непочатую бутылку и вздохнул. Пожалуй, пока бы надо воздержаться…

К его великому облегчению, мутанты не проявляли к нему интереса. То ли сговорились игнорировать человека, то ли действительно не замечали. Они были очень заняты. Чем? Если Сайгон правильно понял, то они… спаривались, если так можно сказать о действии, которое производят шесть особей одновременно.

Репродуктивный процесс требует предельной концентрации. За этим интересным занятием лучше бы никого не заставать, Сайгон по себе знает. Однажды Митька Компас с флягой наперевес решил заглянуть к товарищу с особым предложением. В итоге Митька лишился зуба, а Сайгон — закадычного собутыльника. Потом они помирились, но осадок остался.

— Виноват, извините… — Сайгон попятился, стараясь не привлекать внимания.

Но тут его нога угодила в выемку в полу и он рухнул на спину, пребольно ударившись затылком. И конечно же, выдал пару громких выражений. Что характерно, бутылку при падении он прижал к груди — не разбил. Вот что значит правильно сгруппироваться! Пампушки тоже уцелели. А вот совокупность из шести комьев распалась. Ушей у мутантов не было, но вот поди ж ты, услышали.

— Эй, вы чего? — Сайгон так и сел, не зная, бежать ему под пули НСВТ или погибать смертью храбрых прямо здесь.

Комья медленно приближались.

А Сайгон вдруг вспомнил Майора, его назидательный тон: «Если не знаешь, что делать, есть два варианта: делать хоть что-нибудь или не делать ничего. И то и другое применимо, пока ищешь выход из паршивой ситуации». Сказав это, Майор почему-то расхохотался. Сайгон до сих пор не в курсе, пошутил наставник или же мудрость его была столь велика, что оставалась непостижима для непосвященных.

Как бы то ни было, не грех воспользоваться советом легендарной личности. Не делать ничего — то, что нужно. Сайгон закрыл глаза, расслабился, дыхание его замедлилось, сердце едва билось. Настоящий мародёр умеет управлять своим телом. Сайгон — не настоящий, но всё-таки он кое-что почерпнул из уроков наставника.

Хлипкие холодные отростки касались лица святошинца, затылка и кистей. Все открытые участки кожи подверглись

внимательному изучению мутантов. Только чудом Сайгон умудрился сохранить неподвижность камня. Предельное спокойствие, только спокойствие… Черта с два останешься спокойным при таком раскладе! Бесформенные твари, тебя окружившие, вот-вот опустошат твою кровеносную систему… Как тут не волноваться?! Дышать, мать их, глубже?

Сайгон много раз слышал байки о вампирах, живущих во мраке и страдающих светобоязнью. Иржа ведь те же вампиры, если разобраться, только нефотогеничные. Еще одно отличие: ирже свет прожектора у блокпоста никакого вреда не причинял. А что, если атаковать с помощью христианского распятья? Легенды уверяли: против вампиров это самое действенное средство, как и святая вода. Вот только с религией у Сайгона отношения не сложились. Вся его религия — в шрамах на спине.

Хотя нынче бы самое время подумать о душе.

Эй, кто-нибудь, примите исповедь Сергея Кима, в миру более известного под прозвищем Сайгон!

Угу, как обычно, целая толпа желающих…

Отставить себя жалеть. Ведь порядок, его больше не ощупывают. Облапили, значит, мутанты и на том успокоились. Поматросили и бросили.

Ах, если бы!

Сайгон осторожно приоткрыл один глаз.

И тут же неосторожно открыл второй. С перепугу.

Он таращился перед собой, проклиная всё и вся. Особо поминал он Фиделя, который втравил его в безумное путешествие к заброшенной станции. Заодно перепало и Лектору, спасая которого он, смиренный фермер, вляпался по самое не хочу.

Мутанты продолжали свои игрища. Ну да Хозяин Туннелей им в помощь, вот только…

Только почему они выстроились вокруг Сайгона, образовав сплошное, без зазоров, кольцо? Угум-с, тороид натуральный, а в центре — человек, окончательно потерявший контроль над своим телом. Сердце выламывало рёбра, кровь бухала в висках, дыхание участилось настолько, что впору уже Сайгону, как воздушному шару, взлететь к потолку.

Конвульсивно подрагивающий тороид вдруг раздулся, приблизившись со всех сторон к Сайгону. Ещё с юннатского кружка Сергей помнил, что многие животные так поступают — заранее обеспечивают потомство пищей. Надо понимать, что шестерым мутантам Сайгон на один зубок, только аппетит раздразнить, а вот малышу в самый раз будет. Или малышам. И вообще — человек сам напросился.

Осознав, какая судьба ему уготована, Сайгон вскочил. И тут

же тороид сшиб его с ног и навалился сверху. Масса была ещё та: словно под бетонную балку попал.

Замечательно, Серёженька, уничтожаешь мутантов, очень профессионально. А ведь ты обещал лично гетману Сечи… Обещанного, конечно, три года ждут, но всё-таки…

Сайгон дёрнулся, пытаясь высвободиться из-под «завала». Тороид даже не пошевелился. При этом под кожей объединённой твари угадывалось интенсивное движение. Будто что-то резво бегало по кругу. Вот набегается, прорвёт наружные покровы — и вцепится Сайгону в горло.

Решение его было таким же импульсивным, как и желание спасти Лектора. Он нащупал под ремнём пистолет и сумел та-ки вытащить его. Повезло, одна рука — левая — осталась свободна. Дышалось с большим трудом. Ничего, сейчас он избавит себя от страданий.

Прости, Светлана. Сын, прости.

И ты, Фидель, и…

Ствол к виску. Палец на спуск. Лучше сразу сдохнуть, чем отдавать жизнь по капле…

Тварь внутри тороида вот-вот вырвется наружу.

Упал — поднимайся, не можешь подняться — ползи, делай хоть что-нибудь. И не путай судьбу с глупостью и ленью!

Потомство остановилось как раз напротив лица Сайгона. Удар клювом или ещё чем — в тороиде образовалась дыра, маленькая, вся в венце трещин, словно пересохшая резина.

Дальше медлить нельзя.

Холодный ветерок коснулся затылка.

— А вот хрен вам!!! — Сайгон вогнал ствол пистолета в дыру и нажал на спуск.

И мир вокруг него взорвался.

* * *

В прямом смысле взорвался.

Тороид буквально разметало по сторонам. Ошмётки его горели адским пламенем.

Тут же занялась куртка Сайгона, вспыхнули штаны. Горячим пыхнуло в лицо, завоняло палёным волосом.

Сайгон вскочил, упал на спину и покатился, сбивая огонь с одежды. Одной рукой он при этом хлопал себя по голове — волос у него немного, лишних нет. Больно. На ладони вспухли волдыри ожогов. В глазах скакали разноцветные зайчики — знатная получилась вспышка. Небось и в путевом туннеле её видели.

Затушив огонь — куртка ещё тлела, — Сайгон на четвереньках пополз прочь. И наткнулся на бутылку, выданную ему гетманом Крыгой. Надо же, цела! А вот пампушкам не так повезло, они сгинули в пламени, очистившем тупик от скверны… Что ж, не судьба Сайгону отведать фирменного блюда Метро-Сечи.

Но что же случилось? Взрыв этот… Почему?

Разум Сайгона помутился, он выстрелил в иржу, что изначально было бессмысленно, ведь пули не могли причинить мутантам — тороиду — вреда. Но это смотря какие пули, понял он вдруг. Обычные — не могли. Но у нас-то в магазине волшебные. Трассирующие.

Каких вампиров серебром, а каких…

Иржа боится фосфора? В этом всё дело?..

На ходу Сайгон расковырял ножом сургуч и жадно припал к горлышку бутылки. Теперь можно. Перцовка вливалась в него как вода.

Навстречу, громыхая сапогами, бежали вооружённые казаки.

Сайгон застонал. Неужели злоключения ещё не закончились?..

Глава 13
НЕНАВИСТЬ

Он должен ненавидеть этих людей.

Людей, которые уничтожат его станцию.

Всех инородцев они считают быдлом, вторым сортом, недоумками, годными лишь на удобрения для кукурузы. Он, Сергей Ким, должен их ненавидеть! Он точно знал, что должен. Он честно пытался.

Но не мог!

Даже презирать не мог. Они же чистят и рыхлят почву, тяжким трудом добытую на поверхности. Они растят злаки и морковь, чеснок, грибы и много чего, что потом уминает за обе щеки всё метро независимо от веры, языка и половой принадлежности!

Сайгон сделал последний глоток и аккуратно, чтобы не разбить, поставил бутылку под ноги.

Нож в руку. Пистолет в другую.

Ненавидеть он их не мог. Но помыкать собой больше не даст. И в этом нет ни капли ненависти. Просто людская потребность в свободе. Очень уж он, зараза, привык к свободе на Святошине. Трудно отвыкать.

…Точно так же он не мог ненавидеть женщин с Нивок, считающих мужчин скотами.

…И новых христиан с Житомирской, сжигающих еретиков.

…И странных детей Шулявской, стирающих память путникам.

…И Бориса, нового императора Берестейской, труса и кровавого убийцу.

Казаки рядом. Приклады автоматов упираются в плечи. Сайгон поднимает пистолет. В глазах всё двоится. Отличное пойло делают сечевики!

Это ведь нехитрое занятие — ненавидеть. Много ума для этого не надо. Раньше у него получалось, он даже наслаждался эти умением. А теперь…

Длинные усы, растрёпанные оселедцы, испуганные глаза. Готовы стрелять. Вот-вот. Прямо сейчас. Что ж, Сайгон не будет дожидаться, он начнёт первым.

То чувство, что поселилось в его душе, нельзя назвать любовью. Вовсе нет. Это другое. Он… он простил их всех. Всех, кто желал ему смерти только потому, что он чуть-чуть отличался, верил в иные идеалы и подчинялся другой морали.

Он простил, честно. Это получилось как-то само собой.

Если бы все люди метро поняли и простили других, не таких, как они, войны бы не было. Это точно. Сайгон уверен в этом на все сто с конкретным довеском. Но чтобы научиться прощать, надо столько всего пережить, столько пройти…

Многим это не под силу.

Ненавидеть проще.

Сайгон нажал на спуск.

* * *

— Да он же пьяный в зюзю! — услышал он рядом и очнулся. Или очнулся, а потом услышал. — А мы ещё переживали за него. А он тут бухает с местными…

Сайгон открыл глаза. Всё плыло и раскачивалось, падая по спирали в бездонную воронку. Организм требовал очищения.

— Вот же сволочь! Прям на мой ридикюль! Специально небось целился! Вовек не прощу! Что ты пил? Признавайся, скотина!

— Пампушки, — только и смог выдавить Сайгон. Вновь спазм.

— Сволочь!!! Лучше б казаки тебя в туннеле похоронили, алкоголика несчастного! Слушай, а как у тебя получилось? Ну, иржу эту… Ох и развезло тебя от пампушек!

Сайгон сконцентрировался на лице Гильзы. Для этого пришлось зажмурить один глаз.

— Лектор? Здесь?

— Нету с нами Лектора, — послышался голос Фиделя.

— Как нету? — Сайгон вмиг протрезвел. Сумел даже подняться на локтях. — Гетман на Библии поклялся, что если я…

— То он отпустит всех в целости и сохранности. Мы в курсе. Но…

Сайгон откинулся назад, ожидая продолжения. Хороший матрас, мягкий. Только почему-то мокрый.

— Крыга сказал: «Пусть негр станцует в центре платформы гопак и споёт гимн Украины. А не умеет петь — пусть с выражением продекламирует». Только тогда нас отпустят. Дополнительное условие. А пока мы тут гости… Ты не в курсе, у Лектора есть способности к языкам?

Оценив шутку гетмана, Сайгон рассмеялся.

— Я посплю пока, устал очень. Разбудите меня потом, лады?

* * *

Одетый в свитку и алые шаровары Лектор выглядел забавно, факт.

— Ну ещё разок! Ну давай! Ну что тебе стоит? — веселился Байда.

Лектор тяжело вздохнул и в очередной раз выдал:

— Ще не вмерла Украина и слава, и воля!

Спасатели рухнули от хохота. Сайгон веселился со всеми. Да, он легко мог представить, что пережил нигериец. Но это вовсе не умерило его пыл.

— Крестили? — поинтересовался Байда уже без иронии.

— А то, — кивнул Лектор. — И чарку поднесли. Я теперь полноправный казак. Как ты.

Байда протянул ему руку.

Всё на редкость удачно получилось. Не обманул гетман, выполнил своё обещание. Правда, кое-кому пришлось не единожды вспотеть от страха, зато теперь Лектор из безродного бродяги превратился в настоящего сечевика, которому всегда рады на Политехе. С каннибализмом покончено. Завязал. Крестился и завязал.

Мало того, в честь победы над иржой Крыга велел устроить празднование. Всем казакам и гостям станции надлежало веселиться и пить горилку так, чтоб не только по усам текло, но и в рот попало изрядно. Под это дело выкатили четыре пятидесятилитровых бака из личных запасов Крыги.

Всякий норовил похлопать Сайгона по плечу. Как же — герой дня!

Не прошло и часа, как плечи его покрылись синяками, а желающих лично поблагодарить не убавилось. Поэтому, когда престарелый сечевик в синем жупане возжелал тот жупан подарить герою, Сайгон отнекивался очень недолго. Накинув новую одежду, он стал похож на местного, разве что без усов. Так ведь усы были только у воинов, у крестьян другая мода — стрижки «под горшок». Никем не узнаваемый Сайгон бродил по станции, прикладываясь к кружке с горилкой.

Остальные спасатели держались вместе, от матрасов не удаляясь. Сайгона-то аборигены насильно вытащили на всеобщее обозрение — Гильза даже обиделась на кошевого, который почему-то не обращал на неё внимания. Сайгон не стал объяснять, кого за это надо благодарить.

Впервые у него появилась возможность со стороны понаблюдать за своими новыми друзьями. Странно, но с некоторых пор эти люди стали дороги ему ради них он готов был рисковать жизнью, что-то изменилось в самом фермере. Вот только Фидель…

Фидель всё портил отказом рассказать о судьбе губной гармошки. «Малыш, только после того, как мы прибудем на Днепр и найдём проходческий щит. Наберись терпения, малыш!..»

Он же должен понимать, что Сайгон с ним не только ради гармошки! Святошинец проникся идеями команданте! Гуляя по Метро-Сечи, он убедился, что на станции сконцентрировано большое количество оружия, что здесь много воинов, готовых стрелять по первому приказу гетмана. И бандюг с Вокзальной, свободно разгуливающих по платформе, Сайгон гоже заметил. А обилие лозунгов? Да тут просто смердит войной! Вся станция пропиталась этой вонью. Если раньше Сайгон мог ещё сомневаться, то теперь — вот оно, собственными глазами увидел, ручками пощупал!

Ну почему команданте темнит? Ведь он знает, как важно Сайгону узнать о своём отце!

Поговорить бы с Фиделем по душам. Наедине. Разочек двинуть кулаком в живот — для откровенности — и поговорить. Жаль, Фидель отчего-то не стремится предоставить ему такую возможность…

Сайгон лишь на мгновение отвлёкся на шинок, где пировали галдовники. Но команданте и того хватило, чтобы исчезнуть без следа. Мышка и Байда озирались по сторонам, самоволка Фиделя оказалась для них сюрпризом, ну а Че лишь отмахнулся — мол, не волнуйтесь, скоро явится.

Вот он, шанс уединиться с Фиделем! Сам Хозяин Туннелей благоволит тебе, Серёженька. Нужно действовать!

Кивнув самому себе, Сайгон отправился на поиски команданте.

Пробираться сквозь толпу выпивших казаков — занятие не для слабака. Если постоянно вертишь головой, неприятностей не избежать: обязательно наступишь на мозоль воину, толкнёшь старца или плеснёшь из кружки на дорогую свитку К счастью, после Сайгонова подвига местные жители были настроены гостеприимно — извинения принимались с улыбками, за оружие никто не хватался. Сайгон как раз в очередной раз расшаркивался, когда заметил Фиделя буквально в нескольких шагах, возле бака с горилкой.

Захотелось команданте выпить на дурняка? Но зачем же топать в другой конец платформы, если у стоянки спасателей точно такой же бак, да и народу меньше?

А вот зачем.

Команданте вовсе не на прогулку вышел. У него деловая встреча.

…Пожал руку обнажённому по пояс сечевику, одному из тех,

кто водил Сайгона на приём к гетману… Интересные у Фиделя знакомые. И зачем было рисковать жизнью, сражаясь с иржой, если команданте за всех спасателей мог замолвить словечко?

Что-то тут не то. Чем больше Сайгон наблюдал за Фиделем, тем меньше ему всё это нравилось. Неспроста командир спасателей покинул стоянку. Вместе с сечевиком он, оглядываясь, удалился за ближайший пилон. Сайгон поспешил вслед за парочкой и даже успел заметить, как мешочек — надо понимать, не с пуговицами — перекочевал из-под рубашки Фиделя в необъятные шаровары казака.

Сунув руку в карман, казак некоторое время простоял с весьма задумчивым видом. При этом он шевелил губами, вращал глазами и причмокивал. Если бы Сайгон не знал, что у него там лежит, то подумал бы о сечевике дурное.

Наконец казак закончил подсчёт и что-то шепнул на ухо команданте. Они расстались, довольные друг другом. Казак ушёл, а Фидель нет. Он кого-то — чего-то? — ждал.

Двое аборигенов вышли из соседнего портала. Озираясь по сторонам, словно задумали нехорошее, они подтащили к ногам Фиделя весьма увесистый рюкзак.

Стрёмные какие-то… Сайгон извлёк из кармана шестерню — на случай, если казаки нападут на команданте. Но у тех подобного и в мыслях не было: сделав дело, они поспешили отбыть. Да что там — они едва сдерживались, чтобы не сорваться в бег.

Рюкзак? Что в нём? Именно там причина расторопности носильщиков.

Фидель присел и, развязав рюкзак, извлёк из него коричневый цилиндр, внутри которого были — Сайгон это знал точно — опилки, пропитанные нитроглицерином. Ведь это динамитная шашка. Раритет. В СССР динамит не применяли со второй половины двадцатого века, но Сайгон не единожды видел подобные игрушки в лагере мародёров. Майор обнаружил стратегзапас в метро. Но на кой шашки понадобились команданте?..

Продажа взрывчатки запрещена повсеместно. Даже урки не торгуют ею, считая подобный бизнес слишком опасным. Лишь мародёры используют взрывчатку — но только на поверхности. Если ты не мародёр и тебя поймают с таким — тут же вздёрнут, чтобы другим неповадно было. Может, поэтому Мышка в команде спасателей?..

Фидель — силён! — закинул рюкзак за спину и медленно, словно гуляя, двинул по боковому залу от пилона к пилону. Направление — стоянка спасателей.

То ли гетманская горилка закончилась, то ли ещё почему, но праздного народу с кружками в руках стало в разы меньше. А в боковой зале — вообще ни души, даже крестьян у кукурузных растяжек и тех не было. Никому не хочется по пьяни скормить руку жукам. Технику безопасности соблюдать надо неукоснительно…

Галдовника Сайгон заметил, лишь когда он атаковал Фиделя со спины. Сайгон сразу узнал этого коренастого мужчину — видел в том шинке, который обычный люд обходил стороной.

Всё произошло очень быстро. Бесшумный шаг, нож в руке и… Раз! — меч Фиделя, будто сотканный из воздуха, отсёк кисть галдовника. Два! — обезглавленное тело застыло на месте, не зная, то ли двигаться дальше, то ли лечь и больше не вставать. Алый фонтан. Фидель ловко уклонился, на рубашке брызг не осталось.

Сайгон в раздумье: стоит ли выбивать из команданте правду о губной гармошке?..

Стоит! Вряд ли вопрос решится полюбовно.

Он двинулся за Фиделем, но тот словно испарился. Только что ведь был здесь — и нет его. Сайгон смешался с последними гуляками в центральном зале. По всей платформе ставили кровати. Перед празднеством их разобрали, чтобы организовать площадку для мероприятия. Со свободным пространством в Сечи беда. Даже на Святошине не так тесно. Завтра рабочий день, людям надо хорошенько выспаться, так что лишку хватить никто не спешит. Вот что значит дисциплина!

Сайгон косился по сторонам. Фидель убил гражданина станции, и не просто гражданина, а галдовника. Чёрт и ещё раз чёрт! Это грозит спасателям большими неприятностями. Надо убираться отсюда, пока труп не обнаружили и не закрыли станцию на время расследования, которое будет очень быстрым.

Те, кто подослал галдовника, сумеют догадаться, кто отсёк ему голову.

* * *

— Где ты бродишь? Мы уходим. — Сказано было так, будто ничего из ряда вон не случилось.

Движения Фиделя неторопливы, он улыбается. Рюкзак стоит рядом с его ногой. Гильза запихивает в ридикюль свои нехитрые пожитки. Мышка поглядывает на свою шляпу у неё на голове. Че теребит мешочек с травой — в Сечи наркотики запрещены, а растаману хочется пыхнуть. Лектор? Этот всё ещё возбуждён: ведь

он теперь казак! Белым человеком стал буквально… Губы его беззвучно повторяют первые строки гимна Украины. Байда уже собрался, топчется на месте — ему не терпится покинуть станцию. С чего такая резвость, ведь родина же?

На блокпосту в туннеле, ведущем к Вокзальной, Лектору велят станцевать гопак. Перепили горилки, панове? Ум за разум зашёл?

— Да пошли вы! — цедит Лектор.

И так красные, лица казаков багровеют. В свете прожектора улыбки превращаются в хищные оскалы.

— Нападёт иржа, зовите! — Сайгон на прощание машет сечевикам.

Намёк понят, стволы опущены, счастливого пути. Вряд ли гетман похвалит вартовых, если те завалят героя, избавившего станцию от мутантов.

Поразмыслив, Сайгон решает молчать о том, что видел, — о сделке, мече и галдовнике. Это личное дело Фиделя, кровь только на нём, спасатели ни в чём не виноваты.

Но с языка само срывается:

— Эй, команданте, ты чего такую тяжесть сам тянешь? Давай помогу!

Фидель внимательно смотрит на Сайгона. Очень внимательно. Не мигая.

На лице Сайгона улыбка. Искренняя, честная.

Фидель улыбается в ответ, отшучивается:

— Я турист правильный, привык свой спальник сам таскать. Спасибо, малыш.

Сайгон понимает: спалился, выдал себя. Теперь Фидель знает, что тайна рюкзака — вовсе не тайна. О, чёрт! Или ничего страшного?

Да кто он такой вообще, этот Фидель? Откуда у него старинный самурайский меч? Где он научился им так ловко управляться? Сайгон в детстве видел фильм о кодексе бусидо, о воинах далёкой Японии. Гора Фудзи и сакэ, гейши и бонсай. И люди в чёрных одеждах, лица закрыты масками — тени скользят сквозь ночь, в прыжке преодолевают каменные заборы, мгновенно взбираются на самые высокие стены. А называли этих воинов… ниндзя или… синоби? Кажется. Неужто Фидель один из таких?!

Сайгон смотрит в затылок команданте.

Команданте оборачивается и со значением подмигивает.

Глава 14
ДЖУНГЛИ

— Стоять!

Единственное нормальное слово, остальное — поток брани и оскорблений, за которые на Святошине отрезали бы то, что мешает плохим танцорам. Но на чужую станцию со своими понятиями не ходят. Че жестом остановил Мышку — тот нехотя убрал ладони с револьверов.

Спасатели повстречали патруль Вокзальной.

— Сдать оружие!

Покачав головой, мол, что ж вы, волки позорные, делаете, Фидель таки кивнул своим, чтобы не дёргались. Спасатели подчинились.

— Упасть мордой в пол! Я сказал! Руки за голову!!! Очередь из автомата хлёстко ударила поверх голов, заставив пригнуться.

Не упали, но легли. Сайгону наступили на поясницу, взлохматили затылок стволом — испортили причёску. Да, волосы у него короткие, но всё-таки! На прочих станциях ему тоже оказывали «тёплый» приём, но тут пока что «теплее» всех. Не выдержал, хихикнул.

— Ты чё, сука, скалишься?! — И удар прикладом по почкам. Больно. Очень больно. И второй удар.

«Если ещё хоть пальцем…» — подумал Сайгон. Словно услышали — экзекуция прекратилась, ногу убрали с поясницы, давление на затылок ослабло.

— Встать!

— Ты глухой, что ли? Чего так кричишь? — не выдержал Че.

И тут же рухнул — его ударили по затылку обрезком кабеля.

Били вполсилы, без фанатизма, не было такой задачи — провалить череп, иначе растаман досрочно отправился бы на поселение в райские кущи Джа.

— Ты чего, совсем охренел?! — приподнялся на четвереньках Че. — Да Лёнчик тебя…

Его зубы клацнули, столкнувшись с носком ботинка.

Свирепствовал здоровенный детина, лысый и бородатый. Подчинённые с трепетом называли его Саидом. Родился он, похоже, перед самой войной — то есть всю сознательную жизнь провёл в метро, но всё равно разговаривал с заметным акцентом — чтобы отличаться от коренного населения Киева, не иначе. Небось пообщался с аборигенами Сечи. На крюке отдохнул или просто гимн заучил?..

Сайд красовался в отличной куртке из толстой кожи. Турция, довоенная. Сайгон давно хотел заиметь такую же — коричневую, потёртую на стыках, надёжную. Вообще-то он довольно просто относился к одежде — лишь бы она была и была удобной. Но тут… Змейка жёлтоватого металла, карманы с нашивками — куртка была, блин, харизматичной. Её обладатель просто обязан быть человеком успешным. Мало того, что армейский прикид Сайгона за годы поизносился, так ещё и прожжён теперь насквозь — десятка полтора дыр, не меньше. Последствия битвы с иржой.

— Я хочу эту куртку! — шепнул Сайгон на ухо Мышке.

Тот понял по-своему. Окинув взглядом Сайда, покачал головой и сказал:

— Не-а, я лучше по старинке, с бабами.

Сайгон хотел было объяснить, что он имел в виду, но передумал — не до того стало.

Спасателей заковали в кандалы.

* * *

Пацюки, жирные, откормленные, рвались с цепей. Урки хохотали, давая слабину, чтобы мутанты еще на десяток сантиметров приблизились к пленникам. Клыки блестели у самых щиколоток, летели хлопья зелёной слюны — мутантов дёргали назад, сдавливая поводками шеи. И всё это за миг до того, как клыки должны были вонзиться в людскую плоть. Рычание, визг, хохот. Какофония судного дня.

С каким удовольствием Сайгон поймал бы пацюка, который ярился у его ног, и свернул бы ему шею. Но нельзя. Со всеми мутантами не справиться, даже если урки не будут мешать, а уж это вряд ли. К тому же сделай он резкое движение — и Гильза, идущая впереди, упадёт. И Мышка сзади вряд ли устоит на ногах.

Кто-то умный сказал, что свобода измеряется длиной поводка. Очень в тему: у каждого спасателя на запястье одним кольцом защёлкнут «браслет», а второе пропущено через звено ржавой цепи. Надо быть очень слаженной командой, чтобы передвигаться в такой тесной связке.

Слава Хозяину Туннелей, спасатели теперь уже именно такая команда.

Урки вдруг затянули:

Скованные одной цепью
Связанные одной целью![42]

Видать, это у них коронная шутка. Заржали так, что пацюки легли на пол, лапами обхватив длинные морды и закрыв глаза. Реакция мутантов встревожила Сайгона — такого ему еще видеть не приходилось… Что же должно стрястись, чтобы пацюкам стало жутко?

— Добро пожаловать на Вокзальную! Вешайтесь, суки!!! Это Зона Строгого Режима!!!

Урки завыли, как бешеные псы. Сайд, который до этого выглядел относительно респектабельно, присоединился к всеобщему безумию. Он вытянул губы трубочкой и выдал душераздирающий вой.

Ничего людского в этом звуке не было.

Зверьё — вот кто обитает на Вокзальной.

Заросли конопли впереди возвышались стеной, упиравшейся в свод станции. Сайгон слыхал о плантациях урок, но одно дело — рассказы караванщиков, а другое — увидеть самому. Зрелище впечатляло. Джунгли. Полумрак. Только обезьян в ветвях и не хватает. Обезьяны внизу ходят в кожаных куртках.

А на пятачке перед «лесом» стоял… танк. Блоки динамической защиты, пушка, спаренный с ней пулемёт, люки открыты, гусеницы целы. Всё в отличном состоянии, если судить по внешнему виду. Что внутри — неизвестно, но всё-таки… И большими буквами надпись на башне — белым по камуфляжу: СЛОН.

— Что это?! — выпучила глаза Гильза. Она впервые видела бронемонстра из прошлого, и её можно было понять.

Ей не ответили. Мужчины в шоке. Увидеть боевой танк на платформе Вокзальной — это было, мягко говоря, неожиданно. Так неожиданно, что Сайгон застыл на месте и получил удар по почкам за нерасторопность.

А чем, собственно, он надеялся тут полюбоваться? Растерзанными трупами? Танцующими стриптиз скелетами? Или же мечтал встретить господа бога, сидящего на белом унитазе? Нет? Так почему его смутил самый обычный Т-72, виданный им уже на поверхности? Значит, конопля в десяток метров высотой — это нормально, а танк…

— Откуда он в метро? Как такое возможно? — Байда оглядывался по сторонам, будто ожидая увидеть ещё пару-тройку бонусов типа БМП-2, БТР и ракетного тягача.

— Разговорчики в строю!!! — рявкнул Сайд.

Да мало ли на что способны аборигены Вокзальной, подумал Сайгон. Танк по винтику раскрутили наверху, внизу собрали. Разве можно чему-то удивляться после того, что он увидел за последние дни?

Нет, Серёженька, нет у тебя такого права. И тем более нельзя впадать в ступор, паниковать и даже слегка опасаться. Светка. Сын. Святошин, в конце концов. И прочие станции. Если не ты, Серёженька, то кто спасёт метро от войны? А что, если угнать этот танк и на нём двинуть к Днепру, а?..

— Нравится? — Сайд заметил интерес Сайгона.

— Еще как. Круче только твоя куртка, — ухмыльнулся фермер.

Спасатели шли в густом дыму по тропе, петляющей среди стволов гигантской конопли. Корни растений взломали камень платформы. Удивительно, что свод ещё цел. Че улыбался так блаженно, будто не в ад, а в рай попал.

Сайд тащил на себе добро спасателей: рюкзаки, сумки, оружие, прочее. Один тащил, не доверяя своим «быкам». Знал, видать, что после их участия спасателям не избежать убытков. А раз бригадир так щепетильно относился к вещам задержанных, то… Есть надежда получить рюкзаки-колчаны обратно? Не всё потеряно для спасателей, да? Их ведь просто пригласили на дружескую беседу или на экскурсию по станции. Да?

Сайгон воспрянул духом. И тут же подумал: а если Сайд просто не захотел делиться добычей, вот и волочет на собственном горбу? Покраснел урка, но дышал ровно. Мутант он, что ли, такой вес легко брать? Сайгон с досадой плюнул на лист конопли размером с человека и только потом заметил под ним десятка два грибов. Шляпки их светились, словно обмазанные фосфором. Страна чудес, блин.

Везде между ветвями конопли были натянуты гамаки, на которых отдыхали покрытые татуировками мужские и женские тела. Людьми назвать эти овощеподобные организмы язык не поворачивался. Сайгон старался дышать через раз. Дым одурял, голова кружилась. Как они здесь вообще живут? Бесконечный сон разума?..

И вдруг всё пришло в движение. Резко.

Мгновение — и гамаки опустели.

А всё потому, что откуда-то из джунглей прилетела крохотная стрелка — и вонзилась Лектору в горло. Нигериец упал на колени, захрипел и завалился на бок, на губах выступила пена.

Сбросив с себя поклажу, Сайд дал пару длинных очередей в тёмно-зелёную чащу, окутанную дымом, затем присел рядом с Лектором. В руках у бандита появился одноразовый шприц, явно не единожды побывавший в деле. «Быки» тем временем рассредоточились так, чтобы прикрыть собой пленников. Стволы автоматов уставились в джунгли, но в пределах видимости были только пустые гамаки.

Игла шприца впилась в чёрную, как смола, кожу. Лектор выгнулся коромыслом, замычал так, будто вот-вот душу богу отдаст, но через минуту задышал и открыл глаза. В его зрачках плескалась боль.

— Я опять здесь. Я же домой вернулся — и опять… Зачем я здесь?!

— Затем, что Космос велел этих двоих, — Сайд кивнул на Фиделя и Че, — и тех, кто с ними будет, к нему привести. Живьём. Так что потерпи еще немного, брат.

* * *

Закинув ногу на ногу, Лёнчик Космос сидел на кожаном диване. Косуха поверх застиранной майки, «семейные» трусы — несолидно, зато удобно. Обут он был в пляжные тапки из белой резины. Ногти у него были давным-давно не стрижены, и пахан, видно, этим кичился. Странный это был человек, удивительный: вроде бы древний старик — лет восемьдесят ему с виду, а крепкий и гибкий, словно на шарнирах. Тапки и неряшливость-то первыми бросились в глаза. А уж только потом гость обращал внимание на возраст — столько в метро не живут, и прищур пахана — ткнешься в него взглядом, словно в ледяную воду окунешься.

Сайгон поёжился. Кожаные куртки, кожаные диваны. С кого кожу содрали, интересно?

— Кто такие? Зачем здесь? — медленно, будто напевая, произнёс Лёнчик и улыбнулся так ласково, что стало понятно: от этого хорошего не жди. Вот кто настоящий людоед-то…

На одной морщинистой щеке у старика была татуировка — взлетающая в языках пламени ракета; на второй — луна и две звезды.

Сайд робко пожал широченными плечами. Он не смел взглянуть своему хозяину в глаза — и вообще не поднимал взгляда выше Ленчикова серебряного щетинистого подбородка. Вроде бы забавно: такой бугай чуть от страха не трясется перед щупловатым седеньким старичком. Но нет, не забавно. Жутко.

Взгляд Лёнчика задержался на лицах Фиделя и Че. Сайгону показалось, что пахан узнал их, но почему-то сделал вид, что они незнакомы. Улыбка на лице команданте померкла.

Рядом с диваном стоял журнальный столик. Две ножки у столика отсутствовали, и вместо них конструкцию удерживала в равновесии понуро стоящая на четвереньках обнаженная девушка: столешница покоилась на ее… в общем, здорово Ленчик

устроился. Блондинка, грудь вполне, хотя у Светки-то получше будет. На лакированной поверхности протянулась белая дорожка, аккуратно выложенная формой карточного трефа. Внутри креста лежала засаленная карточная колода. Может, Ленчик играл с «ножкой» на раздевание? Азартный, видимо, человек.

— Хочешь? — Лёнчик улыбнулся Сайгону, указуя на порошок. — Я и моя молодая команда… — он звонко хлопнул розовую несущую часть конструкции, — ценим лучшее из того, что было в довоенной жизни. Как хорошо, что я еще тогда организовал в метро склад. До две тысячи сто тридцать третьего хватит. Будешь? — Он заботливо подравнял белую фигуру опасной бритвой.

«Не верь, не бойся, не проси». Кажется, так у этой братии заведено?

— Я самогон уважаю. Или перцовку — Крыга угощал, тоже ничего. А это, — Сайгон кивнул на «дорожки» на столе, — не по моей части, извини.

Пахан Вокзальной мгновенно потерял интерес к святошинцу. Зря, наверное, Сайгон козырнул знакомством с гетманом.

— Девочка, а, девочка, тебя как зовут?

Амазонка не сразу поняла, что обращаются к ней.

— А?

— Ты дура, девочка? Я спросил, как тебя зовут.

— Меня?.. Я… Гильза меня…

Пока амазонка вспоминала имя, Сайгон осматривался. Больше всего в чертогах Космоса его поразила вовсе не «ножка стола», не пентаграммы и прочая каббалистика на стенах, не диван в отличном состоянии, не тигриная шкура под ногами и не двухъярусные нары в углу, выкрашенные в салатовый цвет. Нет! Сайгона словно током ударило, когда он увидел фикус по левую руку от Космоса. Рядом стояла бочка из-под краски, наполненная колотым льдом, изо льда выглядывали бутылки с шампанским — это круто, да. Но фикус куда круче!

— Отлично, девочка, отлично. Ты не слишком умна, это хорошо. Я и моя молодая команда… мы не очень-то любим умных девочек.

Точно такой же фикус рос в комнате Серёжи Кима — давно и далеко, годы и километры земли назад. В большой деревянной кадке. Листья зелёные. Корни погружены в чёрное и влажное, которое забивается под ногти, стоит только прикоснуться.

— Ты ведь рыжая, девочка моя…

— Я не твоя!

— О? Моя молодая команда и я… мы любим строптивых девочек.

Выбраться отсюда с боем нереально. Вдоль стен застыли по стойке десятка три «быков». Плюс Сайд. Этот за пятерых будет…

И всё-таки, откуда на Вокзальной фикус? Пусть конопля пятнадцати сортов — радиация и бактериологическое оружие, как известно, за каким-то дьяволом благотворно сказались именно на этой культуре. Пусть галлюциногенные грибы со светящимися шляпками. Мухоморы и псилоцибе любую катастрофу переживут. Но фикус?!..

— Ты — рыжая. У меня есть блондинки, и я их очень люблю. — Шлепок по розовому в иллюстрацию сказанному. — Есть чёрненькие. Я и моя молодая команда… мы любим чёрненьких. Но у меня нет рыжих! Как так получилось?

Последний вопрос был адресован Сайду. Бригадир затрясся, не зная, что ответить. Он подскочил к Гильзе и толкнул её — а заодно и всю сцепку спасателей — к Космосу.

Сайгон упал на колени и тут же вскочил.

— Я и моя молодая команда… мы считаем, что эта девочка достойна украсить наш гарем. Как тебя зовут, напомни?

Сцепка остановилась метрах в трёх от Космоса. С этого расстояния ногти пахана казались просто отвратительно длинными.

— А остальных куда? — Сайд всё ещё дрожал, отстёгивая Гильзу.

— Пусть поиграют. — Лёнчик удивлённо наморщил лоб. Мол, что за глупые вопросы, это же само собой подразумевается.

Сайд непроизвольно отступил на шаг, но всё-таки указал на Фиделя и Че:

— Этих тоже?

— А чем они хуже товарищей? — С помощью жёлтой трубочки, корпуса от маркера, Космос втянул в нос порошок и закряхтел от удовольствия.

А потом уселся на столешницу с ногами.

* * *

Пахан Вокзальной Лёнчик Космос очень скучал. Хронически. Всегда.

Оно и понятно: как быть, когда все есть? Приходилось вот все искать какие-то способы себя занять. О развлечениях Космоса ходили слухи — один другого кошмарнее. Рассказывали, что Лёнчик весьма изобретателен в плане того, чтобы взбодриться тем или иным способом, но непременно с членовредительством.

Обычно в его игрищах задействовались чужаки, попавшие на

Вокзальную по глупости. Редко — добровольцы, желающие заработать. Надо ли говорить, что караванщики бывали на Вокзальной лишь транзитом и в сопровождении не менее двух десятков хорошо вооружённых бойцов. Правда, частенько и это вовсе не являлось гарантом безопасности.

Пленникам и добровольцам Лёнчик устраивал различные испытания. Он стравливал их подобно римским гладиаторам. Пытал, уподобляясь средневековому инквизитору. А если совсем уж одолевала хандра — экстравагантным способом казнил. К примеру, заливал в бедолагу керосина но самые гланды и заставлял помочиться на горелку. В этом смысле фантазия у авторитета была богатейшая, в киевском метро аналогов не имеющая.

Когда Космос сообщил, что все, кроме Гильзы, попадут на ближайшие игрища, Сайгон огорчился за себя и возрадовался за амазонку — им-то всем наверняка помирать, а девчонка хоть подольше протянет. Если будет похитрей да помудрей, не станет сразу отталкивать мерзкого старикана, а придумает, как его охмурить… Бабы, они же все это умеют, у них же это в крови спокон веков, и радиация состав бабской крови не изменила… Сможет Гильза?

— Да пошел ты, козёл старый!

И плюнула еще в пахана. Вот такая, мол, я! Сама неприступность. Зина, блин, Портнова.

Интересно, что для неё придумает Лёнчик? На его месте Сайгон заставил бы девушку приготовить жаркое из собственной руки и накормить им пацюков с ложечки, салфеткой вытирая длинные мордочки. Но у Космоса на Гильзин счет, наверное, и свои собственные фантазии имеются.

К слову, меткость рыжей соперничала со снайперскими способностями Болта, обитавшего на Святошине. Плевок амазонки угодил вовсе не в ракету или на луну на щеках «старого козла», а в личико несчастной «ножки». Кряхтевшая под тяжестью стариковского тела блондинка в голос зарыдала. Лёнчик, на всякий случай увернувшийся, соскользнул со столешницы, та перевернулась, и порошок игрушечным снегопадом накрыл тигровую шкуру.

Ей-богу, лучше бы Гильза попала Лёнчику в морду.

Сам Зевс из книжки Куна метал громы и молнии значительно тише, чем буйствовал сухонький человечек с Вокзальной.

Мышку контузило. Че с восхищением внимал перлам Космоса. Фидель побледнел, а Лектор и Байда от переизбытка храбрости едва не грохнулись в обморок. Сам же Сайгон испытывал настойчивое желание опростаться. Держался только

потому, что боялся, увлажнив штаны, испортить заодно и без того уже пострадавшую шкуру. Это было бы уже совсем неуместно.

Теперь понятно, почему Сайду некомфортно в присутствии Космоса: даже без молодой команды, только за счет своих языковых способностей, пахан умел внушить страх и трепет.

Воровская харизма не проняла только Че.

Зацепившись заинтересованным взглядом за рассыпавшуюся по полу карточную колоду, он невозмутимо врезался:

— Хорош воздух гонять — в ушах звенит. Давай реальную игру замутим. На что катаешь?

И извлек из-за пазухи свою собственную колоду — ничуть не менее засаленную, чем у Космоса. Карты запорхали в его пальцах, как птахи с Берестейской. Пахан загипнотизированно уставился на вытертые и побуревшие от жира и копоти картонные квадратики. Рыбак рыбака видит издалека, так?

— Короче, Лёнчик. Я хочу Гильзу.

— И остальных, включая меня самого, — подсказал Сайгон.

— И остальных. — Че важно кивнул святошинцу. — Вместе со мной.

— И фикус, — добавил Сайгон.

— И фикус, — послушно повторил Че и, лишь сообразив, что именно он ляпнул, покосился на фермера.

— Фикус? — Космос прищурился. — Фикус?!

— Да. Фикус. — Че понял, что нащупал болевую точку пахана.

— А что ты поставишь на кон? — заперхал Космос. — Ты же весь, с потрохами, мой!

С каждым словом из ноздрей его вылетали облачка белой пыли, словно он был по самый затылок наполнен ею.

Че вмиг прервал его веселье.

— Моя ставка — душа.

Лицо Космоса окаменело, резко обозначились морщины. Только теперь Сайгон понял, как много этому человеку лет. Значительно больше, чем всем прочим старикам, которых он знал. Может, все девяносто. Может, тысяча.

— Душа? — напевно произнёс Космос и облизнулся, попробовав слово на вкус. — Ду-у-у-ш-ша-а-а…

Че развёл руками — и карты исчезли:

— Душа. Но если ты не хочешь…

Пахан подался вперёд, сделав челюстями жующее движение, словно не желая выпускать из пасти еще рыпающуюся добычу.

— Годится. На душу буду играть. Мне и моей молодой команде… лишняя душа не помешает.

Че знал, на что играть. Может быть, бывал на Вокзальной

раньше, а может, умел прочесть странные знаки, которые испещряли стены логова пахана. Или слышал, что нанятые Космосом мародеры поднимались в мертвый Киев в поисках книг по магии, по оккультизму. Сам пахан ни с кем свои увлечения не обсуждал, а с кем откровенничал в дурмане — придя в себя, отрезал язык по корень, чтобы дальше не трепались. Но все равно трепались… Болтали, что собственную-то душу Ленчик давно уж продал.

— Во что катаем? — подмигнул пахану Че. — В дурака?

Космос проигнорировал оскорбление. Улыбнулся:

— С тебя-то душа, а что с остальных взять? Давай так. Если проиграешь, я заставлю этого каннибала сожрать их живьём — по очереди. — Он подмигнул Лектору. — Я помню тебя, мой вечно голодный мальчик. Решил вернуться к папочке? Твоя клетка всё ещё ждёт тебя.

Нигерийца передёрнуло, он сжал кулаки. Но Космос уже потерял к нему интерес.

— Этого, — он указал на Че, — расковать и ко мне. Остальных прочь. Не хочу, чтобы заглядывали в карты… Нет, оставь! Пусть смотрят, как этот лох проигрывает их жизни!

— Приступим? — натужно-весело предложил Че.

Вместо ответа Космос нырнул в кучу порошка на шкуре. Секунда, две, три… Движения его стали резче, в глазах появилось осмысленное выражение.

Сайгон скрестил пальцы растаману на удачу. Она ему пригодится.

Глава 15
КОММЕРСЫ

Когда Гильзу и связку спасателей выводили из хором, пахан отобрал у Сайда шприц и вогнал себе в вену пять кубов прозрачной жидкости из ампулы. Морфий, что ли?..

Лёнчик проводил процессию мутным взглядом. Туман в зрачках, разума там больше не найти — умчался на ракете к звёздам и луне.

Че последним покидал гостеприимного хозяина.

— На память. — Он швырнул на стол свою колоду, потрёпанную и засаленную, довоенную ещё. — Думаю, с картами я теперь завяжу.

Странная получилась игра. Вначале казалось — их перевешают прямо тут через полчаса, не позже. Че проиграл сначала Гильзу (та чуть ему глаза не выцарапала — охрана оттащила), потом Байду, потом Сайгона — Сергей рванулся было, но тут же ему чуть челюсть не свернули. И только когда на кон поставили Фиделя, что-то случилось. Глаза у Космоса помутились: то ли начался заставивший долго себя ждать приход от чего-то ранее употребленного, то ли бесы, которым он душу продал, временно вступили в свои права. Играть стал по своим, одному ему понятным правилам — будто в другую игру, да и не с Че, а с кем-то невидимым.

И Че жизнь за жизнью кое-как отыгрался. До своей души так и не дошел.

Космос, двигавшийся тяжело, неловко, будто в его теле сидел кто-то посторонний, не разобравшийся еще с управлением, только согласно кивнул, когда вспотевший Че осторожно положил на стол последнюю карту и спросил, признает ли пахан его победу.

Пленников отпустили. Вор за слово в ответе.

— Эй, Сайд, ты бы поторопился с «браслетами», а то испортим ещё. — Мышка уже надел на себя ремень с револьверами.

— Да пошёл ты!

Мародёр хмыкнул и одним выстрелом перебил цепочку наручников.

— А что, — он прищурился, разглядывая стальное кольцо на запястье, — ничего так бижутерия, беру!

До туннеля их проводил лишь Сайд, своих людей он отпустил. Отчего-то Сайгону казалось, что, если по ним опять

начнут палить из джунглей, Сайд больше не будет суетиться и тратить медикаменты.

— Шулер? — мрачно спросил бандит у растамана.

— Шулер, — вдруг легко согласился тот. — Но ты сам видел, брат: я против него ничего не мог, пока он в астрал не ушел. Честная победа.

— Видел, — тяжело кивнул Сайд. — С ним всегда так. И никогда не знаешь, чего ждать.

— Одержимый? — серьезно спросил Че.

Сайд ничего не ответил: только вздохнул тяжело и повел борцовскими плечами.

Че задумчиво рассовывал молодые «лопухи» конопли по свободным карманам. В рюкзаке Сайгона поместилось пара кэгэ, не меньше. А вот к рюкзаку с взрывчаткой растаман даже не прикоснулся. Похоже, не только Фидель и Сайгон знали о его содержимом.

— Слышь, Сайд, — вдруг заговорил Фидель, давно уже молчавший, — что хочешь за свою куртку?

Сайгон навострил уши: одежка бандита пришлась по вкусу и ему тоже.

— Да, Сайд! — встрял он. — Что за куртку просишь?

— Лук отдашь? — Сайд внимательно посмотрел Сайгону в глаза.

— Нет, — замялся Сергей. — Лук не отдам.

— Даю катану! — тут же резанул Фидель.

Сверкнуло лезвие.

* * *

Фидель откровенно забавлялся, подначивая Сайгона:

— Малыш, снимай уже свою рванину. Ну сколько можно в ней ходить?

И это при том, что его клетчатая рубаха выглядела ничуть не лучше.

— Сколько нужно, столько и можно. Хоть и рванина, а моя. — Сайгон с завистью поглядывал на выменянную командантe куртку.

Куртка прямо-таки лучилась лично для него в темноте туннеля. Наверное, массаж мозга, который Сайгону устроил телепат с Шулявской, все еще давал о себе знать.

Это только Сергей все рефлексировал по поводу новообретенной способности: Байда, Гильза и Мышка воспринимали ее как должное. Видать, им мозги размяли

сильней, чем Сайгону, а может, и не в первый раз.

Ну да лишь бы не во вред… А то и так половина метро — «несповна розуму», как говорит Байда. Сами справились, без вмешательства телепатов.

— Поверх, что ли, наденешь? — Фидель протянул Сайгону турецкую кожанку. — Вот это произведение искусства — и поверх твоей рванины?! Не жалко, малыш?

Сайгон, всё ещё не веря своему счастью, быстро стащил армейскую куртку, прожжённую горящими ошмётками иржи. Но сначала, конечно, опустошил карманы. В них много чего нужного. Те же шестерни бахнуться сколько стоят. Да и где в туннелях купить им замену? Наконец он скинул свою старую рваную куртку на рельсы.

— А ты не переплатил, а, Фидель? — немного смущенно, с благодарностью посматривая на старого волка, спросил Сайгон. — Самурайский меч, фамильная катана — за какую-то там кожанку?

— Ты чего, малыш, головой ударился? Откуда в метро фамильный меч? Такое оружие делали только в Японии. А это так, сувенир из отдела подарков. А что? В ближнем бою самое то. Главное — на прямой удар трубой не нарываться. Сталь никакая, сломается.

Сайгон покачал головой. А он-то целую теорию развел о бусидо и воинах-призраках, проникших в киевское метро… Вроде за тридцатник тебе, Серёженька, а всё из коротких штанишек вырасти не можешь…

— Кстати, с фикусом, малыш, ты хорошо придумал.

С тем самым, что Сайгон тащил от самой Вокзальной, умываясь потом? Мол, раз Че его выиграл, не оставлять же добро пахану. Фидель сказал: «Без проблем, но нести кадку будешь сам». В общем, глупая идея была.

— Не знаю, малыш, откуда ты узнал, что Космос этим долбаным цветком дорожит, но… Он когда придет в себя, спохватится. Захочет погоню послать. А так нас будут убивать очень осторожно. Чтобы не повредить лучшего Ленчикова друга, — и Фидель панибратски похлопал кадку с фикусом.

От ноши руки затекли, спина болела. Но после сообщения команданте Сайгон решил, что фикус не такой уж и тяжелый. Хрипло дыша, он спросил:

— Я только не понял, кто стрелял в Лектора?

— Точно не урки. И вряд ли целились в нашего каннибала.

Сайгон кивнул. Ясно, что галдовники не простили команданте смерть своего товарища. Это была лишь первая попытка. Они еще встретятся.

Быстрее надо шагать, вот что.

* * *

Туннель к станции Университет. Днепр с каждым шагов всё ближе и ближе. Но и сил всё меньше и меньше.

Разговоры закончились. Все берегли дыхание. Че постоянно оглядывался, его нервозность передалась остальным. Конечно же, Космос не смирился с потерей. Одна Гильза чего стоила, ведь рыжих у пахана в гареме недостача. А фикус? Не просто так он стоял в личных покоях Космоса…

— Стой! — скомандовал Фидель.

Все замерли.

Кряхтя — всё-таки уже не мальчик, — команданте лёг на пол и припал ухом к рельсу Через минуту он встал:

— Погоня. Больше десятка бойцов. Узнаю шаги… У меня такое уже было один раз. Это не люди Сайда. Это другие, верные псы Лёнчика. Он выпускает их в крайнем случае. Отморозки, называют себя берсерками. Против этих ребят фикус не защитит. Извини, малыш.

— Да брось ты фикус этот, — буркнул Че.

Сайгон мотнул головой. Не нужен, да? Ошибся команданте? А вот черта с два! Сайгон не оставит растение в туннеле: оно же погибнет без света! Из принципа теперь не оставит — столько тащил!

Вдруг туннель наполнился визгом и рёвом, хохотом и грохотом автоматных очередей.

— Они всегда так делают, если знают, что жертве не уйти. — Фидель снял пистолет с предохранителя.

— Нам с ними не справиться. — Растаман повесил ружьё на плечо. — Я не собираюсь ввязываться в заранее провальную авантюру и остальным не советую.

— Мы примем бой, Че, — хищно осклабился Мышка. — Спасатели лапки не задирают!

— А может, не надо? — Гильза покрепче прижала к груди ридикюль. Каждая последующая станция оказывалась хуже предыдущей. Девушка никак не могла расстаться со спасателями, так и шла с ними дальше.

Байда молча развернулся и присел за металлическим шкафом у стены. Хорошая огневая позиция — если не начнут долбить из гранатомётов. Это, конечно, полное безумие — наверняка обрушится туннель, но от берсерков всего можно ожидать.

Пример казака не убедил Че, зато вдохновил Мышку и

Фиделя. Троица принялась бурно обсуждать дальнейшие планы команды. А Сайгон в очередной раз убедился, что в спорах рождается вовсе не истина. Потому что из-за разборок спасатели проморгали опасность, подкравшуюся вовсе не с той стороны, откуда её ждали.

* * *

— Сзади! — крикнул Лектор, развернув цепь. Спасатели дружно замолчали. Полсекунды им понадобилось, чтобы сообразить, в чём дело. Ну а дальше действовали быстро и слаженно. Байда и Мышка прикрывали туннель там, откуда вот-вот должны были явиться берсерки. Че, Фидель и Сайгон развернулись навстречу врагу, зашедшему в тыл. Гильза села на рельс и обхватила голову ладонями. Правильно, надо держать себя в руках.

Картина маслом, как говорил Алексеевич, босс Святошина. Позади — то ли с палитрой, то ли без — нарисовалась большая группа людей: десятка полтора хорошо вооружённых ребят половозрелого возраста.

— Как они умудрились к нам подобраться?

— Просто некоторые слишком много говорят, — ответил Фиделю Сайгон.

Команданте покосился на него и неожиданно рявкнул:

— Эй, вы кто такие?!

При этом он выставил перед собой пистолет. Такой дурой и лыбидя испугать можно, а уж простых людей и подавно. Караванщики, а это были именно они, застыли с поднятыми руками. То есть застыла только троица в авангарде — остальные даже не подумали опустить оружие.

— Мы типа простые путешественники, — пояснил один из сдающихся, парень лет двадцати. — Идём с коммерческими целями. А вы кто такие и что вам здесь надо? Типа засада, да? Бандиты с Вокзальной? Типа сидим подстерегаем?

— Типа того, — улыбнулся Че.

Напрасно он так. Десятки стволов нацелились на спасателей, щёлкнули предохранители. К каждому автомату изолентой или скотчем был примотан фонарь. Свет бил в глаза, заставляя щуриться, но Сайгон всё же углядел в лицах караванщиков жгучее желание открыть огонь.

— Типа миру мир, мы такие, — втянув сопли, поведал всё тот же парень. — Но если к нам типа с мечом, то можно и огрести.

Слишком уж часто грабили караваны. В туннелях грабили и

на станциях. Зачем платить за товар, если можно взять бесплатно? Такие мысли посещали, наверное, каждого обитателя метро. Сайгон — не исключение. И потому караванщики предпочитают стрелять первыми.

Растаман харкнул пренебрежительно и молниеносно приставил ствол разговорчивому торговцу ко лбу. Скучающее выражение тотчас покинуло лицо паренька.

Обычно караванщики брали с собой по пять громадных баулов, которые, конечно же, не могли все сразу утащить. Поэтому караван двигался по туннелям очень своеобразным способом. Трое уходили вперёд, в разведку. Они закреплялись на местности и ждали товарищей с грузом на плечах. За одну ходку можно перенести один, максимум два баула. Итого — от двух до пяти и больше ходок. При этом ещё трое бойцов прикрывали караван с тыла. В общем, на некотором отрезке туннель из-за нагромождения баулов становился непроходимым.

— Пройти, говорю, можно? — Че злобно разглядывал торговцев, одетых в цветастые халаты — точь-в-точь, как те, что спасатели примеряли на Берестейской.

Сайгон всё ещё жалел о своём трофее, пожертвованном мутанту из Обители Скорби. Но святое ведь дело, как не помочь убогому?

— Не пройдём здесь. — Обернувшись к Фиделю, Че легкомысленно провёл ружьём из стороны в сторону, чем вызвал оживление в рядах торговцев. Видать, те решили, что сейчас начнется эскалация конфликта. Как бы действительно не дали залп на упреждение…

— Эй, коммерсы, давайте что-то решать уже! У нас скоро обед по плану!

Растаман как-то запамятовал сказать о том, что вот-вот сюда явятся отборные головорезы Космоса и мало никому не покажется.

— Эй, я с кем разговариваю, с пацюками неразумными?!

Караванщики ответили гробовым молчанием.

Че прищурился, разглядывая авангард каравана в прицел:

— Я помню, давно учили меня отец мой и мать: лечить так лечить, любить так любить, стрелять так стрелять![43]

Палец коснулся спуска.

* * *

Но выстрелить Че не успел.

Ему помешал Сайгон. Ведь сражаться на два фронта не

годится, верно?

— Господа! — Он шагнул вперёд. — Как приятно встретить во мраке подземелья коллег!

Караванщики подозрительно забухтели.

— В честь нашей встречи я хочу подарить вам это чудное растение! — Напрягшись, Сайгон оторвал кадку от пола и, кряхтя, поднёс к троице, которая не торопилась опускать руки.

— Это что такое?! — В голосе караванщика прозвучало искреннее восхищение.

— Фикус. То есть пальма. — Подумав, Сайгон добавил: — Типа.

— Пальма?! — Из-под халата возник потрёпанный довоенный журнал. На глянцевой обложке красовались голые девицы. Фон: пляж в обрамлении высоких пальм. — Типа?!

— Только ещё маленькая, — смутился Сайгон. — А вот когда вырастет… — Он сделал многозначительную паузу, чтобы парнишка понял: когда это случится, от безотказных девиц отбоя не будет, причём пляж и океан тоже как-то образуются. — В знак наших добрых намерений!

— Спасибо! — Подарок явно пришёлся по душе. — А мы типа в свою очередь хотели бы…

— Пропустить нас! — закончил за караванщика Сайгон. — Мы ведь очень спешим!

Че опустил ружьё. Лектор спрятал цепь. Гильза поднялась и шагнула к нигерийцу. За его спиной она чувствовала себя комфортней. Типа в безопасности.

— Ну… — замялся торговец.

Сайгон знал, что для коммерса уступить дорогу — всё равно что снять штаны и подставить тыл кошевому с Политеха. Дабы караванщик на такое согласился, одного фикуса маловато. Ни секунды не колеблясь, Сайгон снял с себя кожаную куртку:

— А это лично тебе, братишка!

— Что ж ты делаешь, ведь я… — возмутился Фидель.

Сайгон пожал плечами — мол, не о том думаешь, команданте.

Караванщик натянул на себя турецкую кожу. Сделка состоялась.

И тут потянуло невыносимым смрадом.

— Что за вонь?! — Мышка согнулся вдвое и выплеснул из себя остатки последнего завтрака… или ужина? Гильза брезгливо зажала нос пальцами. Маникюр, блин?! И когда только успела?

Разглядывая свою новую куртку, торговец пояснил:

— Да это типа врубились вентиляторы. Нагнетают воздух с поверхности. Тут рядом типа боковой туннель к вентшахте. А с

электричеством проблемы: то врубается установка, то целыми сутками тишина. Когда она работает, в туннеле типа дышать нечем.

— Это почему ещё? — Фидель, как и прочие спасатели, не уловил связи между установкой и смрадом.

— Потому что урки устроили там кладбище.

— Типа?

— Неа, настоящее кладбище.

Глава 16
ГАРПИИ

На Святошине тела умерших сбрасывали в ливневую канализацию. То есть смывали, так сказать, в Стикс.

А у блатных всё было не как у людей. Под кладбище они определили отвод, ведущий к воздушному коллектору. Похоже, им нравилось дышать вонью почивших авторитетов и шестёрок. И как обитателей Вокзальной до сих пор не скосила эпидемия, разносчиками которой могли стать крысы или ещё какие падальщики?..

— Зачем ты отдал куртку этому торгашу? — спросил Фидель.

Натянув на лица респираторы, платки, майки — всё что можно и нельзя, — спасатели свернули в отвод.

— Жалко его стало. Зато теперь эту куртку на нем дырявят, не на нас. — Сайгон отчётливо слышал звуки перестрелки. — Пусть будут пухом ему шпалы. Хороший был мальчик…

Похоже, караванщики и берсерки решили отметить приятную встречу шквальным огнём. Сайгон надеялся, что фикус убедит берсерков в том, что дальнейшее преследование лишено смысла. Но Фидель придерживался иного мнения:

— Берсерки хоть и обезумели от мухоморов, но глупцами их назвать нельзя. Торгашам отрежут головы и отправят с ними гонца к Космосу. А сами берсерки продолжат погоню. На всякий случай, мало ли…

Потому спасатели и свернули в смрадную нору, сплошь заваленную трупами.

Все в команде хорошо одеты, даже Лектор, которого на Политехе привели в человеческое подобие. Один лишь Сайгон в дырявой тельняшке с обрезанными рукавами да в прожжённых штанах. Оступись, поранься, кожа ведь открыта — и заражение с гангреной, считай, обеспечены.

— Берсерки сюда не полезут, западло им. — Фидель, похоже, сам себя пытался в этом убедить. — Только низшие в иерархии Вокзальной заглядывают сюда, чтобы оставить очередного жмура. Авторитеты бывают здесь только после смерти.

Вонью пропиталось всё. Она конденсировалась каплями на стенах, капли медленно стекали вниз, объединяясь и образуя мутные ручейки, вляпавшись в которые вовек не отмоешься, будешь мертвечиной фонить.

Гильзу опять вывернуло. Бедолага. Она едва переставляла стройные ножки. Хорошо там, где нас нет? Верно, милая?

У Сайгона от смрада потемнело в глазах. Вонь вырубила тот участок мозга, что отвечал за способность видеть в темноте. Обидно. И вдвойне обидно то, что у остальных с этим полный порядок. Сайгон вытащил из рюкзака фонарь, продел кисть в хлястик на рукоятке, чтобы не потерять. Давно он так не делал…

У Фиделя на роже противогаз, у Че и Мышки тоже — подготовились ребятки, молодцы. У Байды респиратор — не ах, но хоть что-то. Без предупреждения троица в противогазах ускорилась, Байда рванул за ними. Гильзу вывернуло вновь, хотя желудок у неё давно пуст. Зато Лектор рядом и держится как ни в чём не бывало. Так сказать, пригодилось образование.

— Мы вместе, да? — Сайгон едва шёл, держась, где можно, за стену.

Главное — не поскользнуться. И не подвернуть ногу, наступив на череп.

Кое-где не наступить нельзя было при всём желании: трупы, завёрнутые в «саваны» — куски старого брезента и рубероида, — лежали рядами в несколько слоёв.

— Фидель! — крикнул Сайгон. — Че!

— Береги дыхание. — Лектор взвалил Гильзу на плечо. Девушка вырубилась, но ридикюль из рук не выпустила. — Кричать не надо. Мало ли кто придёт на зов.

Сайгон кивнул.

Тишина. Словно и не было четверых спасателей, ушедших вперёд. Они ведь на разведку ушли, верно? Сайгон уверял себя, что они скоро вернутся, но время шло, а их всё не было и не было. Слиняли, значит. Оставили амазонку и фермера на попечение каннибала… Избавились от лишнего груза.

Сайгон завидовал нечувствительности Лектора к «ароматам». Но ведь воздух тут отравлен метаном, аммиаком и сероводородом. Это как минимум.

Сайгон очнулся на плече у Лектора:

— Эй, братишка, ты чего?

Нет ответа. Натужное хриплое дыхание.

— Эй, я сам могу идти!

Сайгон понимал, что Лектору не под силу долго нести двоих. Титаническим усилием нигериец протопает ещё десяток-другой метров, а потом? Разрыв сердца?

— Отпусти меня, братишка!

Едва заметное движение головой — мол, заткнись и не мешай.

— Брось меня! Двоих не вытащишь! Гильзу спасай!

Опять отказ.

— Чего нам тут всем погибать? Гильзу…

Сайгон соскользнул с плеча Лектора. Встал на ноги. И вдруг понял, что вонь ему больше не досаждает. Нигериец с девушкой на плече, не оглядываясь, ушёл вперёд. Он знал, что с Сайгоном всё будет в порядке. Главное, фонарь не потерял, болтается на хлястике. Рюкзак на месте, лук, пистолет… Порядок.

Найти бы чистое местечко, присесть, отдохнуть, воды хлебнуть… А потом сразу вперед, догонять Лектора. Тот не уйдет далеко, с Гильзой-то на плечах. С такой особо не побегаешь.

Вот тут хорошее место, чистое.

Сайгон сел, закрыл глаза. Хорошо. Даже в заднице Хозяина Туннелей можно жить.

И вдруг…

— Здравствуй, муженёк. Чего это ты разлёгся? — Светка возвышалась над Сайгоном. Хитро прищурившись, она скрестила руки на груди. Светка! Господи, как он, оказывается, соскучился по ней за эти дни! Сайгон хотел вскочить, обнять её…

Вот только вскочить не получилось. Медленно встать тоже. И когда он успел лечь?..

Что за чёрт?!

— Милая, я… — Вот и всё, на что он способен. Едва слышный шёпот. Писк хомячка.

Язык больше не слушался Сайгона. Челюсти заклинило, во рту пересохло. Кто-то забрался к нему в череп и теперь изнутри методично лупил молотком, вот-вот проломает виски. Одним мертвецом на этом кладбище больше.

— Лентяй! — нахмурив брови, пожурила его Светка. — А кто будет метро спасать? Забыл, что война грядёт?

Сайгон хотел сказать, что ему плевать на метро, его волнует только судьба любимых и родных сына и супруги. Но не сказал. Не смог.

Света улыбалась томно. Одежды спали с неё, обнажив молочную гладкую кожу, тенистую впадину пупка, курчавый треугольник… Она звала, ждала, желала его. А Сайгон, вместо того чтобы обнять любимую, валяется тут, как рельс!

Это никуда не годится!

Светка протянула ему руку:

— Вставай, милый. Пойдём со мной.

Рывком она подняла Сайгона и потащила за собой. Он раз за разом падал на колени. Ноги — словно ходули, не кости и кожа, а деревяхи. Опять упал? Ну так вставай! Не можешь идти ровно? Шатайся, держись за стену, но иди вперёд, иди!

— Извини, Свет… Прости, что бросил тебя… Черт-те знает из-за чего… Сына…

Светка прикрыла ему рот ладонью и отвернулась. Не надо

извиняться, не нужно оправдываться. Вроде прощала его, вроде бы все была готова понять… Она вела Сайгона за собой. Куда? Он полностью доверился жене. Она знает. Она выведет его из этого гиблого, кошмарного места.

И тут…

Крик ударил по ушам, наполнив сердце страхом. Пол ушёл из-под ног. Громадные от ужаса глаза Светки вспыхнули во мраке, её пальцы впились в ладонь Сайгона. Ему больно. Воздух холодил всё тело. Волосы жены извивались сотнями, тысячами червей, покинувших норы. Она и Сайгон — вместе! умереть в один день! — падали в бездонную шахту, вокруг мелькали крылатые тени, слуги мрака…

Двое ударили собой дно — резко, наотмашь.

Удар — хруст, протяжный стон.

И сразу — боль.

Веки тяжёлые, словно листы ржавого металла. Сайгон открыл глаза и понял, что он вовсе не в шахте, а в смрадном отводе. Над ним мельтешили летучие мыши. Только этого сейчас не хватало. А где Света? Куда она подевалась?!

Крупная тварь — размах крыльев метр, не меньше — спикировала на Сайгона. Вцепилась ему в лицо и противно завизжала. Нож в руке. Взмах. Ещё взмах. Сайгон не думал, что может себя поранить, — в такие моменты думать нельзя, надо довериться инстинктам.

Кроты умеют жить под землёй, а люди только учатся.

Сайгон — настоящий крот.

Изрезанное тело упало на пол, забилось в конвульсиях. Сайгон на четвереньках двинул вперёд, а над ним проносились новые и новые летучие мыши, то и дело касаясь крыльями спины и затылка. То ли здесь уже не так сильно смердело, то ли Сайгон принюхался. Да и скорбные процессии сюда не добирались, трупов не было. Урки боялись летучих мышей? Или поскользнуться на слое гуано в пару пальцев толщиной? Сайгону-то упасть не грозит, он на четвереньках…

Кажаны, подковоносы, вечерницы — так называли летучих мышей в почившем мире. Нынче же караванщики и знахари, которые по роду занятий сталкиваются с рукокрылыми, называют их иначе — гарпиями. Вряд ли знахари слышали о Тавманте и его супруге Электре. Торговцы солью, патронами и кожей не знают о красавице Ириде, богине радуги. Но название прижилось. Гарпии. Чудовища.

А ту, что Сайгон прикончил, небось звали Келайно по прозвищу Подарга. Почти подагра. Сайгону стало смешно. Надо же, Мрачная по прозвищу Быстроногая. Фантазия у древних

греков была в порядке. Не то что у язычников, обитающих в метро: Хозяин Туннелей — вот и весь пантеон. Остальное — детские страшилки о призраках президентов и прочая дешёвая мистика.

Впереди, рукой можно дотянуться, шевелилась целая куча-мала гарпий. Переплетались крылья, когти, серые тела. Твари пищали и скалили зубы острые, как иглы. Будь под рукой ведро самогона, фермер не пожалел бы его, честное слово, плеснул бы в кучу да поджёг. Но перед тем зачерпнул бы чуток кружкой, а как же. Приподняв голову — набат в висках стал сильнее, — Сайгон обнаружил ещё одну такую же кучу. И всё бы ничего, но из-под массы серых шевелящихся тел торчал кончик рыжей косы…

Удар ножом, ещё, ещё — и под гарпиями показались свитка и шаровары Лектора. Вот что скрывала кишащая мерзкая куча!

Сайгон все орудовал и орудовал лезвием… Спина вспотела, руки сводила судорога, но ближе к цели он не становился — воздух был наполнен гарпиями, и стоило Сайгону оторвать от Лектора одну присосавшуюся к нему тварь, как ее место занимали две новые. Густеющий запах человеческой крови влек их сюда, сводил с ума.

Расшвыряв гарпий, как мог, Сайгон подобрался к амазонке. Девку бы не сожрали! Он так рьяно и так зло размахивал ножом, что пару раз едва не отрезал Гильзе косу. Случись такое, надо было бы все бросать и бежать: за девичью красу Гильза из него бы всю кровь выпила почище любой гарпии…

— Да сколько вас тут?! — заорал он отчаянно, срывая со спины очередного кровососа.

Нет, не одолеть ему этих тварей в одиночку… Кранты. Бросить всех и тикать, иначе сам тут сгинет к лешему. Снова всех бросить, снова куда-то бежать, опять одному… К дьяволу!

— Наши не сдаются!!! Держитесь, ребята!

Он орал что было сил и не слышал, как слезы текут по его щекам и как кровь горячая струится из прокушенной кожи. Не мог, не мог он тут их оставить. Не мог! Как он бросит друзей, единственных своих друзей во всем метро?!

Он рвал, крушил, метал, грыз, кромсал… До конца, до победы или до смерти.

Ведь бывший каннибал и рыжая стерва действительно были его друзьями. Стали. Не просто попутчиками, спасателями или хорошими людьми со сложной судьбой. Настоящими друзьями. Такого у независимого, самодостаточного Сайгона раньше не было.

Одна гарпия вцепилась Сергею в плечо, вторая упала на спину, ещё одна прилепилась к голове, разодрав когтями затылок

в кровь. Ещё — на поясницу. И на спину. И ещё. И на руке с ножом повисли сразу две, и на второй, и в ноги вцепились.

Сайгон не выдержал веса копошащейся живой массы и повалился наземь.

Прости-прощай…

* * *

Как водится, спасение пришло неожиданно.

Если бы спасения планировались от начала до конца, многие померли бы от скуки. А так барахтаешься под грудой гарпий, являя собой такой же холмик, как соседние, — с Лектором и Гильзой в основе, и не знаешь, что дальше. То есть предполагаешь самое отвратительное, надеясь на лучшее. Так уж ты устроен. Тебе нравится верить в то, что, приложив достаточно усилий, можно перевернуть мир пятой точкой кверху, воткнуть в эту точку фитиль и поджечь. И даже если с фитилями проблемы, твои усилия оценят и достойно вознаградят.

Пинком под зад.

Как это случилось с Сайгоном.

От удара он буквально взвился и, рухнув на пол, несколько раз кувыркнулся, раздавив собой десятка два гарпий. К сожалению, вдвое большее количество тварей успели оторвать от него когти и упорхнуть в свою родную стихию.

Открыв глаза, святошинец успел заметить, как аналогичное — удар, полёт и кувырок — случилась сначала с Лектором, а затем с Гильзой. Причём Гильзе, как показалось Сайгону, наподдали посуровей, чем нигерийцу.

— Я в молодости в футбол играл, — пояснил Байда, подняв респиратор на лоб.

Тут к празднику жизни присоединились Мышка, Че и Фидель. Эти в юности спортом не занимались, поэтому обошлись огнестрельным оружием, доверив рикошеты Хозяину Туннелей.

Палили минуты две подряд. Наколошматили столько гарпий, что на лице и под ногами стало липко — будто мясной дождь прошёл. Гуано и мышиные останки на полу смешались в мерзотную кашицу.

— Где вы были, гады?!

Вот вам и вся благодарность за спасение? Простите, эмоции. Вырвалось.

Оказалось, они действительно ушли на разведку. Фидель заподозрил неладное: слишком уж легко караванщики выдали этот туннель. И да, спасателей поджидали-таки ловушки —

несколько минных растяжек на том участке, куда трупы не сносили.

— Коммерсы ещё те гниды, — цыкнул зубом Че. — Не зря я предпочитаю иметь дело с творческой интеллигенцией.

Сайгон пожал плечами. Мы им фикус и берсерков, они нам гарпий и растяжки. Культурный обмен.

— А потом поплохело Байде — надышался в свой респиратор. Отдохнули чуток, привели в чувство, как могли. — Растаман выразительно похлопал себя по животу — там, где под грудой одежд он прятал бульбулятор.

При этом Гильза, которую он взвалил на себя, едва не упала.

— Ну а потом мы вернулись, чтобы вытащить вас. Вот уж не думал, что вы столько пройдёте. Почти выбрались из опасной зоны. А вот с гарпиями, конечно, нехорошо получилось. Их мы как-то не учли.

Гильза что-то пробормотала. Лицо её в свете фонаря было сплошь в сине-зелёных пятнах.

— А ты чего со светом балуешься? — Фидель зажмурился.

Он вместе с Мышкой тащил на себе Лектора, который выглядел не лучше амазонки.

— Закончилось чудо. Финита и так дальше. Я в темноте слепой, как крот.

— Рановато… — задумчиво произнёс Фидель. Он что-то ещё хотел сказать, но в последний момент передумал.

Сайгону бы заметить это да подумать на досуге, что значит «рановато». Откуда Фидель знает, когда в самый раз, а когда поздно? И вообще… Но Сайгону было не до того. История с курткой убедила его в том, что Фиделю можно верить. Будь на Сайгоне турецкая кожа, добытая команданте, спина, плечи и руки были бы закрыты от гарпий. К тому же Фидель вместе с Че, Байдой и Мышкой вернулся, чтобы спасти их никчемные жизни. Нормальный мужик, хоть и не отец никакой Сайгону. А значит…

А то и значит, что не в Фиделе сомневаться. Его затея с расширением жизненного пространства — не так уж безумна. Это пусть мизерный, но единственный шанс для обречённого на вымирание человечества. Единственный шанс уберечься от кровавой и бессмысленной бойни за каждую пядь свободной земли.

И Сайгон намерен его использовать.

Пусть будет столько пространства, чтобы всем хватило!

Прости, Фидель, что сомневался в тебе. Прости, команданте. Только ты знаешь, что и где искать.

Я пойду за тобой.

Глава 17
ЧАКРА БЕЗУМИЯ

— Чакры, к примеру.

Минут пять уже Че что-то рассказывал Сайгону.

— Что?.. — Луч фонаря, закреплённого на голове с помощью резинки от трусов, дёрнулся, осветив растамана.

— То. — Че прикрыл глаза ладонью. У него с ночным видением, кажись, пока что полный порядок. — Вот ты знаешь, что такое чакра?

— Понятия не имею. — Сайгон на ходу затачивал шестерню. Металл противно скрипел о шершавый брусок, аж зубы ныли, но фермер терпел. Главное сейчас — отделаться от надоедливого растамана.

Жаль, того ничто не могло смутить. И даже девушка на плече не сбивала ему дыхания.

— И небось рад тому, что голова пустая?

— Точно, — буркнул Сайгон, не отрывая взгляда от метательного оружия, тем самым показывая, как он жутко занят.

— Это меня бесит в вас, кротах, больше всего. Вы так и говорите: «Мы тупые и очень рады тому, что тупые».

— Ну-ну, полегче, а то можно и в дюндель схлопотать!

Че, если и заметил раздражение собеседника, виду не подал. Даже ружьё достать не удосужился — только с улыбкой взъерошил свои дреды, и так торчавшие, словно хвосты пацюков:

— Смешной самовлюблённый мальчишка!

— Сам ты!..

— Я уже дедок, — возразил Че, хитровански улыбаясь. — Ты, кстати, помнишь, что такое автомобиль? Или мозги на мясном рынке продал?

Сайгон обиженно засопел, пытаясь сообразить, нарывается растаман на стычку или опять начинает проповедовать.

— Молчишь — значит, помнишь. ДВС. Выхлопные газы. Бензин, который выдохся много лет назад. Ну, ты в курсе. Так вот были люди, крутые автослесари. Стоило им подойти к машине — сразу определяли, что с ней не так. Нюхнул выхлоп — и тут же говорит, что игла в инжекторе залипает или ещё что. Это и есть чакра, дружок. И чакры есть у всякой животины, у всякой вещи.

Хозяин Туннелей… Метро — единый организм… Проповедь Че созвучна мыслям Сайгона. Разговор вдруг стал интересным. Шестерня перекочевала в рюкзак, и расцарапанные гарпиями плечи и спина поуспокоились, а то ведь жгло огнём…

— Если я правильно понял, — задумчиво протянул Сайгон, — чакра есть признак неисправности или же болезни?

— О! — воздел руки к потолку Че. — Устами младенца!

Сайгон кивнул и продолжил:

— Если у меня диарея, то дрянь, которая из меня вылетает, и есть чакра? Ведь это самый верный признак расстройства желудка?

Растаман моргнул. Потом выругался сквозь зубы. Гильза застонала. Он похлопал девушку по мягкому месту — мол, всё хорошо, родная. Было видно, что бродяга не прочь набить бульбулятор трофейными листьями с Вокзальной.

Сайгон презрительно хмыкнул. Че бы только накуриться до зелёных чертей, танцевать и петь о Джа и трамвае в рай. Наркоман хренов.

— Хапанёшь? — Че словно прочёл мысли святошинца. — Разочек? Ну не стесняйся, я же знаю, ты хочешь!

Сайгон качнул головой:

— У меня самогон есть. Пару по сто — мой рецепт. Могу налить.

Че скривился так, будто ему предложили что-то неприличное.

И как только они замолчали, Байда сошёл с ума.

* * *

Казак остановился. Губы его беззвучно шевелились, будто он с кем-то разговаривал. Глаза уставились в пустоту.

Мышка сбросил с себя Лектора и схватился за револьверы — мародёр первым почувствовал опасность. Фидель резко согнулся под нигерийцем, лицо его мгновенно покраснело.

— Всё, — сказал Байда и поднял автомат.

Он явно не соображал, что делает и где находится.

Автомат рявкнул очередью. Пули просвистели над головой, заставив Сайгона присесть. В одной руке оказался нож, во второй — шестерня. Лишь усилием воли святошинец заставил себя не спешить, ведь это Байда. Не берсерк какой, не мутант, а Байда! Спасатель! Товарищ по оружию!

— Эй, друг, ты чего? Перестань глупить! — Фидель медленно уложил Лектора на пол и выставил перед собой руки. Заодно он велел Мышке опустить оружие.

— Не надо, ты что? Тут же все свои. — Че тоже принялся увещевать казака. Гильза всё так же отдыхала у него на плече. — Мы твои друзья. У нас есть цель. Мы идём к Днепру. Мы спасём метро. Вспомни. Ты что?

Бесполезно. Их слова не трогали Байду. Казак видел перед собой вовсе не Че и команданте, с которыми он протопал полметро. Перед ним стояли заклятые враги.

— Назад!!! — истерически заверещал он и попятился. — Всех перестреляю!!! Назад!!! Живым не дамся!!!

Вскоре он исчез из виду, но крики его слышались ещё некоторое время.

— Что это было? — Мышка вернул револьверы в кобуры.

— Это была чакра безумия. Хозяин Туннелей съел его мозг, да, Сайгон? — Че выглядел раздражённым. — И всё бы ничего, хрен с ним, с мозгом. Но нам с Байдой по пути. И что-то мне не хочется соваться в туннель, где бродит сумасшедший с автоматом. Хоть он и наш товарищ.

Сайгон на все сто был согласен с растаманом. И Мышка тоже:

— Надо было его сразу завалить. Я же мог.

Фидель покачал головой:

— Он бы нажал на спуск. Даже мёртвый нажал бы. И всех нас тут оставил бы. Всех!

Сайгон нервно хохотнул. Положение у спасателей ещё то. Берсерки не сунулись на кладбище, но бродили где-то рядом — то и дело слышались их крики. Они, точно стая шакалов, пировали над трупами караванщиков — осматривали тела и груз.

— Берсерки перехватят нас на подходе к Универу. Дорога каждая секунда. — Фидель задумчиво осмотрел свой пистолет. — У меня патроны закончились, всё на гарпий потратил. Как с боезапасом, парни?

— Пусто как-то, — с удивлением признался Мышка.

А развоевался-то как!

— Я тоже по нулям, — невесело ухмыльнулся Че.

Сайгон промолчал. Даже если в магазине ПМ что-то есть, не будет он стрелять в Байду.

Лектор и Гильза, конечно же, ничего не сказали. Да у них и не было огнестрельного оружия.

— Зато у Байды в бандольерах десяток рожков, не меньше. — Фидель повернулся к Че. — У тебя же есть граната. Для особого случая. Что скажешь?

— Ещё не время, команданте. Ещё не время.

Все дружно уставились на Сайгона.

* * *

— Значит, малыш, ты. Больше некому.

— Я?! — Сайгон сделал вид, что не понял, почему выбрали

именно его.

На самом же деле всё было яснее ясного. Он отлично владеет холодным оружием, спасибо Майору. Наставник говорил так: «Патроны когда-нибудь закончатся, стволы поржавеют, бойки сточатся. Мы ничего не производим, а значит, останемся безоружными. Это очень плохо». И потому правильными навыками — обязательными для мужчины — Майор считал рукопашный бой, метание ножей и стрельбу из лука. Он говорил, что лучшее оружие — руки и ноги. И кулаком проминал дверь «ежа». Сайгон так и не освоил этот страшный удар — он был на последней стадии обучения, когда покинул школу мародёров. Так что мастер унёс свой секрет наверх, в пасть к лыбидю…

— Ты, малыш, ты. — Фидель развёл руками. — Бери лук и вперёд. Мы тут тебя подождём. Тушёнка есть? Отлично. Перекусим пока.

Сайгон снял рюкзак. Вытащил флягу с самогоном. На самом дне плескалось. Чёрт, мало, надо было у гетмана перцовкой разжиться. Хотел допить, но передумал — выплеснул на плечи и зашипел от резкой боли. Хоть какая-то дезинфекция.

— Давай, полосатый, не тяни время. — Че ножом вскрыл банку с мясом. — Хорошая у тебя тельняшка, у меня такая же была. В армии.

Мышка развёл руки, показывая, что он тут ни при чём.

Сайгон взял лук и двинул во мрак туннеля. Один.

Вот он должен убить Байду.

Кому должен?..

Не хотел он убивать казака. Не хотел, и всё. Байда — отличный мужик. Со своей придурью, конечно, но отличный. Ну поехал крышак от переживаний, но это временное, его к мозгоправу бы… А дружки его на казаке сразу крест ставить готовы! И вообще, кто тут без придури? Фидель? Ха! Че? Два раза ха. И уж точно не сам Сайгон, у него придури на пятерых хватит, приходите с мешками.

Фонарь на лбу. Сайгон остановился. Свет фонаря виден издалека, это же отличная мишень — прицельсь и всади святошинцу пулю в лоб. Снять и закрепить на луке? Эффект будет тот же, разве что выстрелит Байда чуть ниже, в живот или в грудь. А нужен ли фонарь?

Крот.

Ты — крот.

Благодаря мутанту с Шулявской, Байда отлично видит в темноте, ему подсветка не нужна. А значит, единственный твой шанс, парень, — это и тебе уподобиться кроту. Доверься слуху, обонянию… Интуиции, блин. Можно и без глаз прожить. Кроты

живут. И только кроты в подземелье и выживут.

Стоп. Дальше ни шагу. Теперь ползком. Тихонечко, медленно, не издавая ни звука. Дыхание размеренное, никакого сопения, кашля и чиха. Представь, что пыли здесь нет. Что влажную уборку здесь делают два раза в сутки. Любой твой звук может стать последним.

Сайгон полз вперёд, прислушиваясь к своим ощущениям.

Сейчас!

Он поднялся на одно колено и отпустил тетиву. Выхватил ещё стрелу из колчана и выстрелил вновь. И тут же залёг. Мгла впереди разразилась проклятьями.

Но зачем ползти и едва дышать, если Байда отлично видит в темноте? Всё это время фермер представлял собой мишень, в которую смог бы попасть и ребёнок. Так почему Байда не стрелял?!

Сайгон включил фонарь.

Байда сидел, привалившись к стене. По лицу его стекали капли пота, мешаясь со слезами. Обе руки казака были пробиты стрелами, по одной на конечность. И надо бы вытащить, но… пусть пока.

Не будет он Байду добивать. Не сможет. Зачем? Казак теперь безвреден… Да, Фидель приказал, но если можно без этого обойтись…

— Слушай… Ты это, звиняй. Я как бы ненарочно… — неловко брякнул Сайгон. Чего он перед ним оправдывается? У казака все равно помутнение, так?

— Брось, — тяжело вздохнул Байда. — Сделал, что должен был. Не знаю, что на меня нашло… Вы тут торчите из-за меня, а берсерки рядом… Это ты прости.

— Бог простит.

Сайгон не слышал, как подошёл Фидель.

Зато сопение Че, несущего Гильзу, было слышно издалека. А Мышка, значит, в одиночку тащит Лектора. Уже притащил и уложил на пол. Вот все и в сборе.

— Прости, Фидель. Впредь такого не повторится…

Команданте покачал головой:

— Нет, казак. Ты больше не с нами. Так получилось, никто не виноват. Просто я больше не смогу повернуться к тебе спиной. Кто знает, может, тебе захочется выстрелить мне в затылок?.. Че, займись им.

Растаман умело — быстро! — извлёк стрелы, не сломав их. Затем перевязал Байде раны. Стрелы Сайгон вытер и вернул в колчан. Его трясло. Казак не открыл огонь, потому что безумие оставило его, он понял, что натворил. Байда специально

подставился под стрелы. И после этого Фидель говорит, что не сможет повернуться к нему спиной?..

— Всё верно, команданте, всё верно. Я бы и сам… не смог. Я понимаю.

Че положил перед казаком прозрачный пакетик с белым порошком:

— Если ты ещё с нами, прими это лекарство и задержи берсерков. Лекарство избавит тебя от боли. Ненадолго. Это всё, что я могу для тебя сделать, воин.

Че вновь взвалил на себя Гильзу и, обогнув Байду, зашагал вперёд. До основного туннеля метров десять пройти. Растаман прошёл и свернул налево, к Университету.

Вой берсерков слышался справа, отчётливо слышался.

Фидель двинул вслед за товарищем. Мышка с таким ужасом посмотрел на Лектора, что Сайгон тут же вызвался ему помочь.

Они уже свернули влево, когда Байда позвал святошинца. Мышка вместе с Лектором привалился к стене, ожидая возвращения напарника.

— Мне бы порошок принять. Не получается. Руки не слушаются.

— Да, конечно, сейчас, — засуетился Сайгон.

Он знал, что видит Байду в последний раз. А казак знал, что он весь этот дурной мир в последний раз видит. Будь он здоров, одному ему с берсерками не совладать нипочем. А с перебитыми руками… Смертник. И соглашается на смерть, чтобы искупить, чтобы дать спасателям шанс оторваться от погони.

— А ведь я родом из Питера. Честно. Накануне войны приехал в Киев к двоюродному брату. А потом закрутилось. Брат погиб, все погибли… Я тут чужой, никого не знаю, никому не нужен… Вот и прибился к казакам. Тогда всё иначе было, без фанатизма. Креститься умеешь, говоришь, что любишь Украину, — и всё, свой. А мне в Киеве всегда нравилось, красивый город, и Днепр ещё… Так чего ж не любить? Это потом нацики заправлять стали… Сечь реальной силой была, настоящим братством. Мы отбивали набеги ворья с Вокзальной, защищали всё метро. Если бы не Сечь… Эх!..

— Ну как бы да, — сказал Сайгон, чтобы не молчать.

Он высыпал порошок в воду и теперь ждал, когда можно будет раствор из кружки влить в рот раненого. Дождался.

— Я не националист. Я — казак! Я за волю, за Сечь, я… — Судорога прошла по телу Байды. Выпитое лекарство начало действовать. — Да что уж теперь…

Было ясно: для Байды важно, чтобы его поняли. И простили, что ли. Но Сайгон никак не мог придумать, что сказать в ответ.

Его клинило на том, что берсерки с каждой секундой всё ближе.

— Удачи тебе, Байда.

Вот и всё его прощание с казаком.

Он метнулся к Мышке, вместе они потащили нигерийца дальше. Когда догнали команданте и Че, Мышка спросил:

— Эй, команданте, почему ты не забрал у Байды патроны? Мы пустые, а у него много, все не понадобятся.

— Спасатели не шакалят на трупах, — ответил Фидель.

* * *

Позади загрохотал автомат. Берсерки взвыли громче и открыли ответный огонь.

— Быстрее!!! Бегом!!!

Они бежали так быстро, насколько это возможно с двумя людьми без сознания на руках.

Позади некоторое время были слышны звуки перестрелки, а потом автомат Байды замолчал. Сайгон точно это определил. Если бы его спросили, как он отличил выстрелы казака от прочих залпов, он не смог бы ответить. Просто знал, и всё. Отстрелялся Байда.

Зато в грохоте пальбы появился новый тон — отрывисто бахали пистолеты.

— Что это?! — Не только Сайгон уловил эти странные звуки, Фидель тоже остановился, прислушиваясь.

Растаман споткнулся и рухнул вместе с Гильзой. Всё-таки не мальчик, за полтинник ему, здоровья с каждым годом больше не становится.

— Я думаю… — едва продышавшись, сказал он, — это те, кто интересовался нами на Вокзальной.

Сайгон вспомнил стрелку, прилетевшую из джунглей. Галдовники?!..

Наконец замолчали и пистолеты.

И тогда заговорил Фидель:

— Эти люди, галдовники… кажется, они расправились с берсерками. Нам не уйти от них, верно, Че? Бежать дальше бесполезно. Надо остановиться и принять бой. Как считаете, ребята?

Сайгон никак не считал. От жуткой усталости глаза его закрывались сами собой. Но при этом ему было весело, он улыбается. Вот только пошутить вслух не получилось, губы не слушались. Ну и пусть…

— А малыш-то совсем расклеился! Я уж думал, Сайгон, ты

какой-то особенный, из титана или хотя бы из стали три, а ты обычный, мясной… Ну да после укусов гарпий немудрено слечь, ты ещё долго продержался. В слюне этих тварей содержится фермент, который в незначительных количествах вызывает слабость с весельем… — Голос Че звучал всё тише и тише. Кому он всё это рассказывает? Кому это интересно?.. — А вот избыток яда в крови — это уже серьёзно. Ещё не факт, что наша сладкая парочка оклемается. Я про Лектора и Гильзу. А нам теперь троих тащить…

— Привал. Мы примем бой, — скомандовал Фидель.

Это было последнее, что услышал Сайгон.

Затем — тишина.

Глава 18
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

Тишина.

Всё завалено снегом. Но главное — тишина.

Разве так бывает на поверхности?

Сквозь прорехи в чёрных облаках пробивается солнце. На снегу — он здесь почему-то розовый — следы огромных когтистых лап. Одним таким коготком человека запросто можно нанизать. Как на вертел, да. Немного углей, обжарить — и готов шашлычок. Но это ерунда, подумаешь когти. Точно, твари, оставившие следы, безопасны для людей. А вот снег… Почему он розовый? И ладно бы чёрный от копоти или серый, пусть забрызганный кровью и потому красный. Или даже цвета довоенной майской травы, если какое-то растение-мутант решило вдруг сбросить вечнозелёную крону или развеять вызревшие споры. Но розовый?!

Ни лоскута на теле. Ни шнурка на ногах. Девственная нагота.

Только так и можно входить в новый мир, отвергший людей.

Хочешь, чтобы мир этот принял тебя, изгоя, — оставляй на розовом снегу отпечатки босых ног, а не протектор ботинка на искусственном меху.

Холодно, да? Губы посинели небось? Пяток не чувствуешь?

Есть такое дело. Но если вера твоя сильна, если решился ты окончательно — тело покорится, научится принимать температуру как должное. Вот только розовый снег…

В ладони — пальцы болят от напряжения — счётчик Гейгера. Как бы не сломать — кости или чёрный пластик. Пусть бы и снег чёрный, но… Пусть. Главное, радиация в норме. Это же отлично! Об этом даже мечтать было смешно, чтобы радиация была в норме. Никто не надеялся даже. Но ведь есть! Да!!!

Счастье.

Так это называется.

Безграничное счастье. Его столько в груди, так распирает, что можно швырять горстями. Оно такое горячее, что растопит снег, оно…

Сзади. Послышалось, или…

ЧТО ЭТО?!!

* * *

Сайгон с криком проснулся. Из носа текло. Внизу живота давило до рези. Да что же это?!

Вдруг вспомнилась песенка из далёкого детства:

Черные сказки про розовый снег,
Розовый снег даже во сне.
А ночью по лесу идёт сатана
И собирает свежие души…[44]

Кто пришел по его, Сайгонову, никчемную душу?!

Умом он уже сообразил, что это был лишь кошмар. Но унять дрожь всё ещё не получалось. Его колотило так, будто каждая кость, каждый сустав получили возможность совершать колебательные движения — и тотчас ею воспользовались. Подбородок трясся. Слюна повисла на щетине, вот-вот упадёт на грудь. Да что же это такое, а?!

Кошмар, да? Всего лишь? А вот и нет. Сайгон уверен, что это был не просто сон — это грёзы одного из спасателей. Вот только кого? И что означает увиденное? И почему, сатана забери, до сих пор так страшно?..

— Проснулся?

— Да. — Фермер, шатаясь, отошёл в сторону, расстегнул штаны.

— Чего кричал-то? — не унимался Че. Прямо «Хочу всё знать» какое-то, а не растаман.

— Врагов приманивал. А то скучно как-то уже становится, — скривился Сайгон.

— А-а. Тогда зря. Фидель завалил галдовника. Этот казачок Мышку ранил. Не смертельно, но убедительно… А Фидель ему голову подчистую снёс. Хороший у него ствол, себе такой же хочу…

— Где?

— Метров полета, вон там. Но смысла идти нет, пацюки уже наведались, сам понимаешь. Ты на отдыхе уже часов десять. А Лектор с Гильзой и того больше. Чую, не спасём мы их, только зря нянчимся.

Фидель и Мышка спали. Причём один из них положил пистолет себе на грудь, а второй вытянул вдоль тела руки с револьверами. На голове у Мышки вместо шляпы была пропитанная алым повязка.

— Вот так просто…

— О чём ты?

— Так просто Фидель завалил галдовника. Даже не верится.

— А что, надо было сложно? Не так страшен чёрт, как его

малюют. Народная мудрость.

Сайгон вспомнил байки, которые рассказывали о воинах-колдунах. Мол, посвященный галдовник может на стене дверь нарисовать, а потом в неё войти и оказаться на другой станции. Бред же вроде, а? Ничего, поживешь в киевском метро, и не в такое верить начнешь…

— Скажи, — произнес он, — а через сколько времени яд гарпий из крови уходит? Когда наши оклемаются?

Растаман глянул на Лектора и Гильзу, бездыханных и беспомощных.

— А ни через сколько, — пожал плечами он. — Если ничего не сделать с ними, так и подохнут.

— Какого?.. Так что мы тут развалились?! Подъем! Я сказал, подъем!!!

* * *

Вроде почти те же пилоны, и в торце центрального зала тоже что-то изображено… А всё-таки от Политехнического института Университет отличался разительно. Казалось бы, названия у станций похожи — и там и там ВУЗы, ан нет, не тут-то было. Начать хоть с того, что никаких лозунгов на стенах нет и националисты отсутствуют как класс. Да любой казак лопнул бы от возмущения, обнаружив встроенные в пилоны бюсты Пушкина и Ломоносова!

Впрочем, и тут народу с придурью тоже хватало.

Да вот один, к примеру. Кланяется, лопочет:

— Прошу вас! Очень рад! Бесконечно рад! Уже и не думал с вами свидеться, но судьба преподнесла такой подарок! Я просто счастлив!

И так далее, и в том же духе. Викентий Бенедиктович — на иные обращения парнишка не откликался — столь слащаво улыбался, что Сайгон сразу заподозрил недоброе. Слишком много радости, пацюки куда скромнее ластятся к ногам хозяев на Вокзальной. А если учесть, что у Викентия Бенедиктовича по всем признакам астма — он не разговаривает, а задыхается, каждое слово через силу, — то… Неужели и на деле так рад?

— Чем богаты. Чувствуйте себя. Прошу! — Он проводил спасателей к своей палатке. — А мне нужно отлучиться — дела-с, не обессудьте. Чувствуйте, да-с, как дома. Моё — ваше! И знаете, такая радость, дела-то в гору пошли! Вы ведь за процентом прибыли? Я уж вам к завтрашнему дню и отчет, и дивиденды!

И, низко раскланявшись, отбыл.

Университет даже в мясном снабжении отличался от прочих станций. Обычно — всегда! — Сайгон продавал франшизы, то есть вручал покупателям за весьма солидную плату клетки с разнополыми животными. При этом покупатель гарантировал, что будет торговать мясом под маркой «Ким и сын», раз в квартал передавая на Святошин скромные отчисления за использование этой самой торговой марки, а если Сайгон и сын надумают посетить станцию, где действует франшиза, им будет оказан приличествующий приём: вода, самогон, ночлег, пища, девки…

Ладно, насчёт девок — шутка. Остальное — всерьёз. Правда, про девок — шутка.

Сайгон, с некоторых пор сделавшись заядлым домоседом, ни разу свои франшизы не проведывал. Да и оказалось, что заглянуть в гости к коллегам по бизнесу не так уж легко, ведь чужаков на станциях не привечают — в метро каждый сам за себя… Что там, всеобщая война на пороге!

Так вот однажды на Святошин явился представитель Университета. Поправив очки, он заявил, что франшизу не потянет, слишком уж много жетонов за неё надо платить. Но у него есть предложение: «А что, если выручку пополам? Не франшиза, а филиал? Так сказать, ваше представительно у нас? А?»

Сайгон смутно себе представлял, как он сможет контролировать ферму, которая находится на расстоянии шести станций от Святошина, но по дурости согласился. Поступлений с Университета почти не было: только иногда очкастый хлюпик присылал малую копеечку, все жалуясь на то, что хомячки дохнут как проклятые. А потом отчисления и вовсе прекратились.

И вот теперь Сайгон лично инспектировал свои — на полста процентов — владения. Вообще-то ему и спасателям просто надо отлежаться и прийти в себя. Но уважаемому Викентию Бенедиктовичу об этом знать совершенно необязательно. А то ещё расслабится, возомнит о себе невесть что. Парнишке этому с виду чуть за двадцать, родился он, скорее всего, уже в подземке, но зачат наверху. Чахлый он какой-то. Ручки-ножки худые, зубы кривые, бородка куцая, лучше бы сбрил. Рубашечка, костюмчик мятенький, туфельки… Ботан какой-то, в общем. Женской гигиеной бы ему торговать…

Впрочем, тут все так одеваются и, похоже, никакого дискомфорта не испытывают. Ведь на этой станции обосновались преподаватели Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, студенты и их потомки. Они поставили себе целью сохранить научные знания, в том числе и те, которые в новом мире не имеют практического применения. Кому, скажите,

в подземке нужна культура парагвайских индейцев или анатомия огненной саламандры? Исследуют что-то все время, исследуют… И все свое, бесполезное. Метро нужны патроны и электричество, пища, воздух и вода. А без книжек с непонятными картинками метро запросто обойдётся. Сайгон в это свято верил. Чудачества профессуры он считал глупой тратой времени и ресурсов. Ведь эта прорва народа жрёт, гадит и просто занимает территорию!

— Интеллигенты. — Фидель сочувственно-презрительно сморкнулся вслед ушедшему Викентию Бенедиктовичу. — Здесь-то точно можно расслабиться.

Как бы не так.

* * *

Дотащили-таки Лектора и Гильзу.

Сайгон думал, что у него хребет треснет от напряжения. Че даже перестал зудеть, что, мол, надо бросить сладкую парочку, всё равно не спасём, — так он устал.

— Дышат?

Сайгон пощупал пульс, кивнул.

— Ну, это временно, — ухмыльнулся Че.

— Да иди ты!..

— Куда это твой сайгак умчался? А гостей накормить, а спать уложить? — Растаман с сомнением посмотрел на единственную в палатке раскладушку, на которой лежали пробирки, колбы и странно изогнутые металлические трубки.

Сайгон развёл руками:

— Наш благодетель Викентий Бенедиктович велели себя как дома чувствовать.

— Дом-то у меня раньше на Вокзальной был, — хмыкнул Че.

И вот тут случилось… Гильза застонала и открыла глаза:

— Где я?

Голос её был слаб, но всё-таки! Она жива и она говорит! Значит, необратимого поражения нервной системы, о чём всю дорогу талдычил растаман, не случилось.

Сказать, что Сайгон обрадовался, значит ничего не сказать. Кто ему вроде бы эта девка? Никто. А такая радость взяла…

— Лектор! Лектор! Он живой? — Гильза коснулась плеча нигерийца, испуганно округлила глаза.

Нет ответа.

— А ты поцелуй его, — предложил Че. — Обычно прекрасный принц орально ласкает принцессу. Но так поступали на поверхности, а у нас, в метро…

Гильза, не дослушав растамана, впилась в губы Лектора.

И — второе чудо! Лектор очнулся!

Открыл глаза и улыбнулся амазонке.

— А я что говорил?! — Че с гордым видом принялся освобождать раскладушку. С потерями он при этом не считался: разбил три колбы и пару пробирок. Осколки аккуратно затолкал в угол под наваленный грудой хлам — старую одежду, провода и системные блоки. — Хорошая у твоего сайгака палатка, вместительная. На Берестейской у нас тоже апартаменты были — личный подарок императрицы, царство ей небесное. Наш комманданте расстарался. А этому чмырю за что такая роскошь? Кого он тут обхаживает?

Конечно, Че брюзжал для виду. На самом деле прекрасно знал, что на Университете так заведено: каждый обитатель станции должен иметь личный кабинет для экспериментов и раздумий. Некоторые аборигены только тем и занимались, что целыми днями думали. Таких тут считали самыми крутыми.

Это ж надо, ты штаны просиживаешь, а тебе за это почёт с уважением! Тьфу!

Вернулся гостеприимный хозяин, притащил пластмассовый электрочайник с водой. Похоже, энергию тут не экономят… Хорошо устроились ботаны!

— Горяченького? — Кипяток он разлил по чашкам и стаканам, сетуя на то, что нет настоящего сервиза, да и чай как таковой тоже отсутствует. — Заменитель. Попробуйте.

— Викентий Бенедиктович, называй вещи своими именами. Плесень пьём? — Че подул на жидкость в стакане и отхлебнул.

Абориген кивнул, мол, так и есть, простите.

— А ничего, — одобрил Че. — Даже вкус есть. На чай и близко не похоже, но вполне.

Выпив по полчашки, нигериец и амазонка вновь потеряли сознание.

Хорошо, что Сайгон лишь пригубил напиток, — уж слишком мерзким он оказался на вкус.

* * *

Следующим накрыло Фиделя.

И весьма своеобразно накрыло: он разулся и схватился за пятку, довольно улыбаясь. Потом отпустил пятку и опять схватил. Ну словно котёнок, играющий со своим хвостом или с тряпичной мышкой!

Кстати, насчёт Мышки. Он первым сообразил, что спасателей

опоили, и потянулся к Викентию Бенедиктовичу. Но силы оставили мародёра, он упал лицом вниз. Лучше бы воспользовался револьверами, подумал Сайгон и тут же вспомнил, что патронов нет. Так что ручками сжать горло научника — самое то. Жаль, мародёр не совладал со своим отравленным телом.

А вот на Че яд подействовал специфически. Растаман пустился в пляс. Он приседал, бил себя по ляжкам, корчил рожи и в итоге свалился на пол, указывая пальцем в потолок палатки. Трип, не иначе. В добрый путь, товарищ!

— Вода! Вода очистит! Залить! Залить нору! — в конвульсиях выкрикивал растаман.

Бредит, болезный. Зато Сайгон все еще был в здравом уме и трезвой памяти. Он хотел прекратить это безобразие, но не смог встать — отказали ноги. Вот они, колени-пятки в пятнистых штанах, а не слушаются! Сайгон раз за разом приподнимался и падал. Викентий Бенедиктович с научным интересом понаблюдал за его немощью, затем извлёк скальпель из внутреннего кармана офисного костюма. Лезвие хищно блеснуло в свете лампы без абажура.

Это привело Сайгона в чувство. Он тут же подавил панику и сделал вид, что потерял сознание. Так оно надёжней. Особенно, если тобой интересуется вивисектор.

— А забавный получился бы эксперимент. — Викентий Бенедиктович с сожалением спрятал скальпель обратно.

— Разрешите? — В палатку вошли двое.

— Конечно! — На сей раз хозяин ограничился сухим приветствием. Видать, подчистую истратил многословие на чужаков.

Вошедшие двое были маститыми деятелями науки. Мужчины в возрасте: седина, расчёсанная на пробор, очки с толстыми линзами, неторопливые движения. Один из них то и дело пожёвывал губами, второй хмыкал и подносил платок к носу, массивному, сплошь в чёрных точках.

Спасатели к этому моменту уже все лежали бесчувственным штабелем. Даже трип Че закончился беспамятством. Один Сайгон был в себе. Некоторое время новые гости осматривались, хмыкали, хмурились. Учёные казались раздраженными тем, что пришлось оставить лабораторию.

— Стоило только идти, вы ведь могли сами…

— Да, молодой человек, нехорошо заставлять старших товарищей…

— Но вы же сами, господа! — затрясся от возмущения Викентий Бенедиктович. — Вы сами настояли на том, чтобы

лично осмотреть образцы! — Выдав это одной фразой, он вытащил из кармана небольшой баллончик и прыснул из него себе в рот.

Лекарство от астмы, понял Сайгон. Но почему бедолага не пользовался им раньше, когда спасатели к нему пришли?

Ответ не заставил себя ждать.

— Молодой человек, вы ведь получили плату за труды. — Платок коснулся носа. — Спрей вам помогает?

Вот оно что. Партнёр Сайгона получил лекарство от астмы в качестве оплаты… за что? И почему научники так интересуются спасателями?

— Девушке и африканцу нужна реанимация. — На нижней губе профессора остался отпечаток резцов. — Викентий Бенедиктович, вы подсовываете нам некачественный товар. Вы же прекрасно осведомлены, что для опытов нам нужны здоровые организмы. Подчёркиваю: здоровые! Иначе результаты будут недействительны. Вы хотите нас опозорить?

— А то, что они парализованы сильнейшим средством, вас не смущает?! — Викентий Бенедиктович чуть ли не с кулаками набросился на визитёров.

Те переглянулись и мерзко захихикали — мол, скажете тоже. Хозяин палатки побагровел, ему даже пришлось воспользоваться баллончиком — он едва не задохнулся от ярости.

Сайгон скрипнул зубами. Ну, блин, попили чайку! Так не ровен час окажешься на операционном столе — разделанный, как хомячок, и с электродами в мозгу. Картина так и встала перед глазами, и Сайгона передернуло. Ну уж нет. Ему повезло, он-то выпил самую малость отравы. Хозяин Туннелей хранит его. Нельзя упускать подаренный шанс. Нужно действовать!

Но врагов трое, а нижняя часть тела у Сайгона парализована. Единственный шанс на спасение — внезапность. Это как выскочить из большой коробки и заорать что есть мочи: «Сюрприз!!!». Именно этим Сайгон и собирался заняться. Вот только кричать он не будет.

— Интересный экземпляр.

— Согласен, коллега.

Учёные склонились над фермером.

Сайгон только этого и ждал — выхватив нож, ударил того мужчину, что оказался ближе, в сердце. Платок спланировал на пол. Второй научник дёрнулся назад, но Сайгон обхватил его колени. Повалил. Мгновение понадобилось на то, чтобы на руках подобраться к горлу экспериментатора. Агония, зубы прокусили губу.

Кто следующий? Наш дорогой хозяин, который так рад, так

счастлив принять у себя верного делового партнера с далёкой станции Святошин?

В одной руке сжимая нож, Сайгон на локтях пополз к подлецу. Если что, он и голыми руками справится с хлюпиком в костюме.

Викентий Бенедиктович застыл на месте, беззвучно разевая рот. Небось хотел позвать на помощь, но астма сыграла с ним злую шутку. О чудодейственном баллончике он со страху позабыл.

— Я не привык смотреть на шестёрок снизу вверх. — Сайгон рывком подтянул своё тело к Викентию Бенедиктовичу.

Лезвие коснулось горла.

Но в последний момент Сайгон передумал.

* * *

— Отличный у тебя ремень. Крепкий.

Связанный собственным ремнём Викентий Бенедиктович молчал, хотя Сайгон впрыснул ему в глотку чудодейственное лекарство.

— И не надо глупостей. Не то язык отрежу. Оставлю себе на память. Веришь?

Пленник громко засопел. Слишком громко. На всякий случай Сайгон соорудил ему кляп, пожертвовав на это дело его же галстук.

В глазах всё плыло и качалось. Укусы гарпий, усталость последнего перехода, глоток чая — всё это сложилось вместе, едва не уронив святошинца в забытьё.

Он всё видел и ощущал, сознание оставалось ясным, но движения… Его словно окунули в озеро с протеями и заставили бежать стометровку по дну. Надо быстрее, а ты едва переставляешь ноги…

Кстати о ногах. Пошевелился большой палец на правой, что Сайгона неимоверно обрадовало. Оказаться на чужой станции парализованным и в компании двух трупов — это забавно, но вряд ли полезно для здоровья. За такое казнят. Особенно тех, кто едва ползает.

Сколько времени прошло, прежде чем очнулся Фидель, Сайгон не знал. Время растянулось до бесконечности, оно было липким, как горячая смола. Сайгон грезил наяву.

Он лежал в палатке на станции Университет, и он же, падая и вставая, шёл по Шулявской. Дыхание с хрипом вылетало из его горла. Простреленная нога болела, повязка на животе

пропиталась кровью. Но никто не спешил к нему на помощь, хотя людей вокруг было больше чем достаточно.

…Да-да, Шулявская населена! Не Обитель Скорби, пристанище отверженных мутантов, а живая станция с обычными людьми!

Рядом с ним шёл Че. Вместо седины, заплетённой в дреды, у него почему-то густые прямые волосы. И морщин на лице почти нет. Как такое может быть?!

Че нёс завёрнутого в рванину Ункаса, и тот вовсе не был похож на кошмарное существо, что Сайгон видел в Обители Скорби. Из-под тряпья выглядывала рожица обычного мальчонки, от силы полугодовалого. Как же Сайгон определил, что это Ункас? Он просто знал.

А ещё он знал, что Шулявская процветала, пока на неё с поверхности не спустились двое мужчин с малышом. Чужаки были обречены. Пятна радиационных ожогов покрывали открытые участки кожи: лица, кисти, шеи. Мужчины едва стояли на ногах от потери крови. Оба были ранены и держались только на стимуляторах. И один мальчишка чувствовал себя отлично, будто и не побывал в разрушенном городе.

Старцы, управляющие станцией, решили, что пришлые — воры и убийцы, за ними была погоня, а значит, нельзя привечать их на Шулявской. Старцы хотели убрать мужчин, устроивших привал на рельсах у входа в туннель. Они подослали убийц, вооружённых топорами. Зачем тратить патроны на смертельно раненных, беспомощных и обреченных? Их надо просто добить. Забить.

Но малыш расплакался, тем самым предупредив чужаков об опасности.

Катаной Сайгон — тот, чьими глазами сейчас смотрел Сайгон, — разрубил одного убийцу от ключицы до пояса, а второму отсек кисть руки вместе со ржавым топором.

— Мы останемся здесь. И никто нам не помешает, — заявил он громко, чтобы слышали все.

Тогда старцы решили избавиться от пришлых хитростью. В знак примирения они принесли початую банку сгущённого молока для мальчика и пару жареных крыс для мужчин. Пища была отравлена. Крысами незваные гости побрезговали.

А отведавший сладкого Ункас забился в корчах. Тельце его корёжило и ломало. Яд не убил его, но страшно изуродовал. Сделал из малыша нечто… Нечто… Нечеловеческое. Другое.

Вот тогда меч Сайгона спел скорбную песнь по обитателям Шулявской. Он крошил и сёк, он не жалел никого. Поделка из супермаркета не разрубит поручень, но самурайский меч это

сделал запросто.

Он оставил в живых лишь одного старика и его маленького внука, рыжего и вихрастого.

Этому старику Сайгон вручил Ункаса, повелев растить его как родного, ухаживать за ним, исполняя все его прихоти.

— Будет жить мой сын — будет жить и твой внук. — Сайгон увёл с собой рыжего мальца.

…И очнулся.

Вынырнул нз озера, кишащего протеями, пробежал стометровку.

— Это не я, — прошептал он.

— О чём ты, малыш? — Фидель сидел рядом, разминая затёкшую шею.

— Это не я! Не я устроил бойню на Шулявской!

Фидель внимательно посмотрел на Сайгона. Он встал сам и помог подняться Че. Обхватив голову руками, Мышка на коленях раскачивался из стороны в сторону.

Да уж, досталось спасателям. Хорошо хоть, с ногами опять порядок, будто и не было паралича. Разве что лодыжки ноют.

Сайгон пнул хозяина палатки. Тот жалобно заскулил.

— Лектор и Гильза в коме. — Растаман прятал взгляд, будто в том его вина. — Передозировка чаем. Моей аптечкой им не помочь. Такие дела… А всё из-за этого. Только ведь оклемались!

Носок ботинка Че хлёстко приласкал рёбра хозяина палатки.

— Хватит. — Сайгон наклонился к пленнику и вытащил кляп.

Пленник шумно втянул воздух. Сайгон сообразил, что ему нехорошо, и развязал руки, чтобы он воспользовался снадобьем из баллончика.

— Я продал ферму, — сказал Викентий Бенедиктович.

— Что?!

— Я продал ферму, — повторил он. — У меня были долги за лекарство. Без этого спрея я не выжил бы. — Он показал серебристый баллончик и кивнул на трупы на полу. — Его делают… делали… эти двое. Только они знали состав и держали его в секрете.

Трупы запишите на счёт Сайгона. Подобьем баланс на Страшном суде.

— Теперь, когда закончится спрей, я… я обречён.

Надо же, этот урод думает только о себе! Он чуть не отправил на тот свет шестерых, а беспокоит его только астма. Уж так устроен человек, что на прочих ему плевать. Неужели все люди так устроены?

Нет, есть исключения! Некоторые, между прочим, не будем называть имена из скромности, ежедневно рискуют жизнью,

чтобы спасти обитателей метро от резни, в том числе таких однозначных подонков, как Викентий Бенедиктович.

— Можно, я убью этого… этого… — Мышка нахлобучил шляпу поверх повязки. Его глаза налились кровью. Дай ему волю, он руками разделает очкарика: вот ошеек, примите вырезку, а это ливер с требухой.

— Нет. — Вперед выступил Фидель.

К изумлению спасателей, он отсыпал из мешочка три десятка жетонов и оставил их на раскладушке:

— Это тебе, приятель. Проживи всё, что тебе осталось, человеком.

Сайгон, Че и Мышка буквально онемели от такого расклада.

— А это… — Фидель отсчитал ещё три десятка кругляшей и положил рядом с предыдущей кучкой. — Это для наших друзей. Брюнета зовут Лектор, а девушку — Гильза. Я тебя очень прошу: сделай всё, чтобы они выжили. И мы будем квиты.

На глазах Викентия Бенедиктовича выступили слёзы.

— Я… Мы… Я ведь так с вами… А вы мне… Я думал, уже все… Вы меня как с креста сняли… Господи… — Воздуха ему хватало не больше чем на пару слов. — Я все, все сделаю. Простите меня… Простите…

— Но если с ними что-то случится до нашего возвращения… — начал было Мышка, но Фидель его одёрнул. И то верно: чем можно испугать мертвеца, минуты которого отмеряны количеством спрея в баллоне?

— Ладно, мужчины, нам пора. — Фидель поднял полог палатки, вглядываясь в темноту. — Нас ждут великие дела.

Его остановил возглас хозяина:

— Стойте! Вы что?! Дождитесь утра. Нельзя выходить из палатки. Любого, кто окажется ночью на платформе, разрешено использовать как подопытного кролика. Сунетесь наружу — и на вас объявят охоту!

Интеллигенция, блин.

* * *

Местная система отсчёта не совпадала со святошинской, но утро таки наступило — дежурный электрик врубил освещение станции.

Провожаемые плотоядными взглядами учёных, спасатели покинули Университет. Сайгону казалось, что его препарируют живьём, рассовывая органы по банкам со спиртом.

— И чем эти яйцеголовые лучше каннибалов?

Фидель молча пожал плечами. Да Сайгон и не ждал ответа на свой вопрос.

— И этих сволочей ты хочешь спасти от резни за свободную землю? — Он преградил Фиделю дорогу и ткнул ему пальцем в грудь. — Этих, да?!

— Этих. — Команданте играючи оттолкнул святошинца. — Этих. А кого ж ещё? У нас что, есть другие? Да, они сволочи! Да, они ничуть не лучше людоедов и бандитов с Вокзальной! Но ведь твой партнёр предупредил нас об опасности. А мог бы промолчать, верно? Избавился бы от нас вмиг и забрал бы себе все твои жетоны. А потом продал бы Лектора и Гильзу. Но предупредил. Ты понимаешь, малыш? Не такая он и сволочь. Не всё потеряно, его можно спасти. И других тоже. Лучше, хуже — всех спасти. Понимаешь?

Сайгон неуверенно кивнул.

— Добро и зло. Иногда очень сложно отличить одно от другого. — Фидель поправил на спине рюкзак, набитый взрывчаткой.

А Сайгон вдруг вспомнил перевозчика, который хотел скормить пассажиров протеям, потому что иначе мутанты отправились бы на станции в поисках пропитания. Лектор вот тоже намеревался отужинать Серёжей Кимом, а потом рисковал жизнью, чтобы вытащить его из тюрьмы на Нивках… Прав Фидель: зло в метро очень тяжело отличить от добра.

А ты, Сайгон? Ты добрый или злой?

Нет ответа.

Фидель тронул его за плечо:

— Малыш, не печалься. Один умник как-то сказал, что будет делать добро из зла, потому что его больше не из чего делать. Я не люблю умников. Но, чёрт побери, верно подмечено!

Глава 19
ПОБЕДИТЕЛЬ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ

Красный, советский ещё, флаг у входа на станцию смутил не только Сайгона.

Фидель и Че переглянулись, а Мышка ущипнул себя, чтобы убедиться в реальности увиденного.

— Мы адресом не ошиблись? Это точно Театральная? — Мышка категорически отказывался верить собственным глазам.

— Хорош истязать себя, мазохист, гематому надавишь. Зуб даю, Театральная. Вот только какая-то она не такая… — Че шарил взглядом по сторонам.

Вопреки совету растамана, Мышка ещё разок ущипнул себя.

— Если это Театральная, на которой я прожил много лет, то лучше бы нам быстрее отсюда убраться. На той Театральной, которую я знаю, никогда не повесили бы эту тряпку.

— Это уж точно, — кивнул Фидель.

Хоть Сайгон никогда не был на этой станции, тревога старших товарищей передалась и ему. И всё-таки он сказал то, что его беспокоило:

— Быстрее — это хорошо. Тряпка — понятно. Но у нас нет патронов. Опять хотите с пацюками в рукопашной сойтись?

В туннеле между Университетом и Театральной не обошлось без приключений — спасателей атаковала целая армия пацюков. Сайгон был уверен: твари как-то прознали, что у людей проблемы с огневой поддержкой. Пришлось изрядно повозиться…

— И жратва закончилась. На Универе подкормиться не получилось, надо бы здесь отовариться. Думаю, это не проблема. Жетонов у меня хватит полметро купить.

Мышка выразил сомнение в том, что продовольственный вопрос будет решён так просто.

— Почему это?

— Вон там была мясная лавка «Ким и сын». Повторю: была.

Сайгон посмотрел в указанном направлении. Увиденное ему не понравилось: местная франшиза прекратила своё существование. Её попросту разграбили. Животных, надо понимать, съели, а клетки сломали.

Что ж, не первая потеря. То ли ещё будет. Вот Светка «обрадуется», когда муж ей расскажет, что на двух станциях придётся начинать всё с начала…

— И вода нужна, — добавил он. — Тоже закончилась.

При виде пустого блокпоста можно было догадаться, что дела

на Театральной обстоят не лучшим образом. Но нет, озарения не случилось — Фидель и Че перекинулись парой шуток о том, что на станции чума или массовый приступ диареи.

А тут — флаг. С серпом и молотом и с золотыми буквами на алом фоне: «Победителю соцсоревнования». И пятиконечные звёзды на стенах.

— Это что, сатанинские пентаграммы, как у Космоса? — Сайгон с тревогой поглядывал на толпу, собравшуюся у края платформы. — Религиозные фанатики или типа того?

— Дите. — Че посмотрел на него покровительственно. — Просто власть захватили коммунисты. И сейчас у них митинг, то есть промывка мозгов несознательного населения. А чтобы люди не разошлись, за ними автоматчики приглядывают. Под прицелом как-то сразу идеологией проникаешься…

— Значит, надо договариваться с коммунистами.

— Легко. Они нас к стенке поставят, вот и весь договор… Откуда они взялись только… Кто бы мог подумать? Помните, когда-то в торце станции барельеф Ильича был — убрали. Из пилонов выковыряли бронзовые флаги с цитатами. А теперь, выходит, всё обратно?

От его слов команданте поморщился, как от зубной боли, а ковбой-мародёр схватился за револьверы, которыми без патронов можно было разве что шишки на лбу набивать.

— И на кой им Театральная сдалась? — тупо спросил Сайгон.

— Есть у меня теория, — поведал Че. — Видишь, какого цвета стены? Красный гранит. Редкая порода. Где-то под Житомиром добывали, а другого такого месторождения нет. Этим самым гранитом стены Мавзолея в Москве облицованы. Того самого, где Ленин лежит. Москвы нет, Житомира нет, Ленин помер…

— Одно расстройство, в общем, — подытожил Фидель.

— Но! — продолжил Че. — Осталась ностальгическая станция в киевской подземке. Может, она для коммуняк как реинкарнация Мавзолея? Может, они ее захватили, потому что тут должно случиться второе пришествие Ленина?

— Может, отсюда открывается пространственный портал в Мавзолей? — поддержал Фидель и ухмыльнулся.

Сайгон не знал, кто такой Ленин, и очень приблизительно представлял себе Мавзолей. В школе он не очень-то увлекался историей, а школа еще когда была!

На станции царило запустение. Разруха… Что-то случилось — и вся налаженная жизнь поломалась. Мусор на платформе, в нём копошатся крысы… Не боятся человека. Такого Сайгон не видел даже на брошенной людьми Шулявской…

Здоровенный бугай, вооружённый дробовиком, внимательно

осматривал толпу.

— Эй, старик! Да, ты! Дуй ко мне, кому говорят?! Все работают на благо коммуны, один ты… — Этому борову чем-то не понравился божий одуванчик лет шестидесяти, возраста по меркам метро более чем уважаемого.

На каждой станции есть такие обломы типа здешнего бугая, не умеющие и не желающие палец о палец ударить, но дико охочие до власти. Сайд на Вокзальной, Болт на Святошине. Люди всегда и везде одинаковые. Хоть капитализм с человеческим лицом, хоть отмена частной собственности — ничто не способно изменить сути хомо сапиенса: желания набить брюхо, ничего не делая, и стойкой тяги унижать всех, кто слабее. Просто у одних это ярче выражается, а другие умеют упрятать свою сволочную природу поглубже.

Как Фидель, да? Он прячет? Или Че? А если вспомнить Байду, который сложил голову в бою с берсерками? А ты, Серёженька? Ты много выгадал в пути?..

Сайгон с раздражением сплюнул под ноги. Как выйти победителем из спора с самим собой?

— Старик! Я кому говорю?! Стой!

Старик и так стоял, но бугаю, похоже, нравилось на него орать. Несмотря на преклонный возраст, дед выглядел достаточно бодро, подручными средствами для передвижения не пользовался. Одет был в тёмно-зелёный плащ. На голове чёрная бейсболка с белыми латинскими буквами. На ногах валенки и калоши. Всё опрятное, чистое.

Спасателями наконец заинтересовались:

— Товарищи, вы хотите присоединиться к нашей коммуне? За одну пятилетку построим вместе светлое будущее! Я — комиссар станции. Была Театральной, но сегодня на собрании коллектива единогласно решено переименовать в станцию Ленинскую. — Чуть выше локтя руку мужчины перетягивала красная повязка.

— Поздравляю. Ленинская — это свежо, неординарно. А вот насчёт присоединиться… Увы, мы пока что недостаточно сознательны. — Фидель внимательно следил за реакцией комиссара.

Тот мгновенно потерял интерес к потенциальным новобранцам и кивнул своим бойцам, чтобы присматривали за чужаками. Мало ли, вдруг шпионы?

— Нам бы пополнить запасы. Вода, патроны, пища…

Но комиссар уже стремительно двигался прочь.

Че вытер пот со лба:

— А я уж думал: всё, кранты.

Только теперь Сайгон заметил, что спасателей взяли в

оцепление красные бойцы. Пока комиссар беседовал с команданте, винтовки и автоматы его людей были нацелены на пришлых.

— Верно, товарищи! Бдите! — сурово кивнул им Фидель. — Вдруг контрреволюция?

Че хихикнул.

— Так, что тут у нас? Злостное неподчинение? Тунеядство? — Бугай с дробовиком всё ещё терроризировал старика в бейсболке. — Думаешь, если метро наше строил до войны, то всё можно? И не работать, и жрать на халяву, да?! А не выйдет! Мы всех вас, упырей старорежимных, изведём! Это я тебе как красноармеец обещаю!

Похоже, бугай не на шутку разошёлся. А старик… Он просто смотрел на добра молодца и, едва заметно улыбаясь, кивал: мол, повидал я в жизни всякого дерьма вагон и две маленьких тележки, а вашу власть и подавно заметил под сливным бачком.

Сайгон насторожился: метро наше строил до войны…

Метро наше…

Строил…

Метростроевец?!

Ещё толком не сообразив, что и зачем, он шагнул к красноармейцу и задержанному «тунеядцу»:

— Я прошу прощения, что отвлекаю, но не могли бы вы…

У бугая были проблемы с шеей: чтобы взглянуть на просителя, ему пришлось развернуться всем телом. При этом он выпустил старика из виду, чем тот с радостью и воспользовался — резво засеменил прочь, только калоши засверкали.

— Чего?!!

Залп из дробовика вынес бы Сайгону все солнечное сплетение вместе с куском позвоночника. Получилась бы огромная такая дыра, и через нее отлично был бы виден уникальный красный гранит из-под Житомира.

Это немного нервировало.

— Вода, патроны, пища. Хочу купить. Где тут можно?

— Купить?! — Бугай вылупился на Сайгона с неподдельным интересом. — Ты в своём уме?! На Ленинской частная собственность упразднена. Мы не принимаем жетоны в качестве оплаты. Хочешь жрать, нужны патроны и вода — потрудись на благо коммуны, товарищ! Работы непочатый край!

Красноармеец ещё долго разглагольствовал бы на заданную тему, но Сайгон поспешно ретировался.

Новые христиане, амазонки, императоры, нацики, урки, вивисекторы, теперь вот ещё коммунисты… В метро вообще остались нормальные люди? Ну, кроме святошинцев?..

Короче говоря, на Театральной — пардон, Ленинской — спасателей ожидал полнейший облом в деле пополнения оскудевших запасов. Пахать тут за грибную похлёбку никто не собирался. Фидель и его поредевшая команда остались ни с чем.

— Хоть переночуем, раз не гонят. — Команданте привалился к пилону и закрыл глаза.

Че одобрил его начинание, пристроившись рядом. Мышка надвинул шляпу пониже.

Но нет худа без добра — Сайгон уже знал, как им в разы увеличить шансы на победу.

В киевском метро не будет войны! Слышите, не будет! Сайгон так решил.

* * *

— Он должен пойти с нами. Для спасателей это незаменимый человек! Когда мы найдём проходческий комплекс, кто-то должен будет запустить его. Без специалиста никак, согласись, Фидель. Ты спец? Я тоже нет. И Че не спец, и Мышка. А этот старик, он же настоящий метростроевец, это его профессия!

— Столько лет прошло… — засомневался команданте. — Он мог тронуться умом и всё забыть. А тащить с собой слюнявого маразматика, охранять его и кормить с ложечки — приятного мало… И всё-таки попробуй. А вдруг?

Найти старика оказалось проще простого — его на станции знали и любили. Внешний вид Сайгона — израненный, тельняшка драная, штаны дырявые — не внушал доверия театральщикам-ленинцам, но этот недостаток быстро окупился парочкой жетонов. Валюту вроде и отменили, но, похоже, многие тут еще жили прошлым.

— Молодой человек, вы только поспешите. Через пять минут выключат свет.

Едва ли женщине, поведавшей, как найти метростроевца, было больше лет, чем Сайгону, но лютая усталость в лице ее очень старила. Что же надо было сделать, чтобы так довести человека?..

Свет погас, когда святошинец постучал в деревянную дверь — одну из многих в блоке служебных помещений. Теперь понятно, почему бугай так окрысился на старика, — квартирный вопрос испортил обитателей метро. Судя по настроениям на станции, дедулю скоро выселят, а элитная каморка достанется облому с дробовиком. За заслуги перед Родиной.

Сайгон выключил фонарик — дверь открылась, внутри было

светло. На пороге стоял тот самый старик в плаще и валенках. На матрасе в углу крохотной комнатушки лежал чемодан. Дед, видно, ждал, что за ним придут: собрал пожитки и спать не ложился. Глаза его блестели, подбородок был гордо поднят.

— Я… Доброй ночи. Вы не подумайте… — растерялся Сайгон.

Он вдруг понял, что не знает, как рассказать старику о важной миссии, о необходимости пойти вместе с командой Фиделя. Слова казались слишком пафосными, вроде политической агитки коммунаров: мало чувств, много популизма.

Жестом старик пригласил гостя войти и указал на табурет — единственный в комнате. Сам он уселся на матрас.

— Дело в том, что… Извините, как вас зовут?

Табурет был неудобным, кособоким, устроиться на нём никак не получалось.

Старик внимательно посмотрел на гостя. Потом поднёс палец ко рту и покачал головой.

Да он же немой! И как Сайгон сразу не догадался?

— Извините, я не знал… не местный, только сегодня на вашу станцию… а тут…

Старик достал из кармана потёртый лист бумаги, на котором принялся что-то писать огрызком карандаша размером с ноготь. Тогда, чтобы ускорить диалог, Сайгон вытащил из рюкзака свои письменные принадлежности — блокнот, почти что новый карандаш — и протянул их старичку:

— Вот. Подарок. Даже не верю, что живого метростроевца перед собой вижу… Вы же… — Сайгон засмущался, сбился. — Ведь если бы вы… Не то, что вы делали… Все мы погибли бы наверху. А так у нас есть метро. Спасибо! Спасибо…

Старик недоверчиво прищурился, глядя на гостя, но презент взял. И вдруг на его глазах блеснули слёзы. Видать, нечасто благодарные потомки оказывали ему почести. Обычно-то обвиняют в тунеядстве и грозят дробовиком.

Старик что-то быстро написал в блокноте.

«Павел Терентьевич».

— А я — Сайгон.

Старик — Павел Терентьевич — укоризненно покачал головой.

Сайгон смутился:

— То есть Сергей Ким. Меня так зовут.

Ответом ему была одобрительная улыбка.

И вдруг свет погас.

С грохотом входная дверь ввалилась внутрь.

* * *

Выхватив нож, Сайгон метнулся к тёмной фигуре, заполнившей собой дверной проём.

Лезвие рассекло воздух — враг отпрянул. Сайгон рванул следом. И тут же сильный удар в челюсть опрокинул его на спину. В глазах вспыхнули фейерверки. С трудом Сайгону удалось сохранить сознание. Всё ещё сжимая нож, он поднялся сначала на колени, потом в полный рост:

— Вообще-то стучаться надо…

Противника рядом не было. Как пришёл, так и ушёл. Видать, понял, что с Сайгоном шутки плохи.

То тут, то там открывались двери. Слышался приглушённый шёпот. Обитатели служебных помещений боялись — все они ждали, что за ними вот-вот придут.

Сайгон включил фонарь и, посветив вниз, поднял с пола заточку, брошенную тем, кто входит без стука. Метростроевцу нанесли визит вовсе не для того, чтобы побеседовать о том о сём. Зарезать хотели. Старику повезло, что рядом оказался спасатель.

— Павел Терентьевич, такое дело… Я и мои товарищи, мы идём на станцию Днепр. Мы знаем, что там есть проходческий комплекс. С его помощью мы будем рыть туннели. Новые туннели… Чтобы всем места хватило. Чтобы не было войны… Эх! Долго объяснять… В общем, нам нужен специалист. Вы.

Сайгон посветил на старика. Тот что-то быстро написал в блокноте.

Сайгон прочёл: «Безумие!!!» и тяжело вздохнул:

— Павел Терентьевич, или вы идёте с нами, или вас навестят, когда меня не будет рядом. Они вас в покое не оставят. — Он протянул старику заточку.

На этот раз в блокноте было написано: «Хоть к чёрту на кулички, лишь бы отсюда подальше».

Глава 20
КРЕЩАТИК

Чуть ли не в первый день после войны какие-то отморозки отрезали Павлу Терентьевичу язык. С тех пор метростроевец использовал для общения шариковую ручку, маркер или карандаш — всё, что писало. Но с каждым годом всё сложнее было доставать канцтовары. Обычная в прошлом бумага в метро стала неимоверным дефицитом, который пожилому человеку оказался не по карману. Поэтому Павел Терентьевич попусту не «болтал». Привык экономить.

— Это Павел Терентьевич, метростроевец. Он согласился пойти с нами.

Спасатели по очереди представились. Мышка долго жал старику руку и глупо улыбался.

— Нам здесь больше нечего делать. — Фидель закинул на спину рюкзак. — Тут становится жарковато.

Словно подтверждая его слова, загрохотали выстрелы.

Взглянув на вспышки, хорошо заметные в темноте, Сайгон сразу понял, в чём дело:

— Там служебные помещения. Началась расправа над неугодными. Павла Терентьевича будут искать. Есть у него тут доброжелатель.

Злые и голодные спасатели покидали бывшую Театральную. Крались в темноте, словно воры. А ведь станция не спала… Обитатели её хоть и не присутствовали на резне в служебных помещениях, зато крики раненых и хлопки выстрелов слышали отлично. Обыватели сидели по своим норкам. Никто не вышел вступиться за тех, кого убивали.

У входа в туннель спасателям преградила дорогу местная дружина. По всему — те самые парни, что должны были бы сидеть на блокпостах. Оно и понятно: в туннеле и страшно, и скучно, на станции куда веселее.

— Эй, далеко собрались? — поинтересовался командир дружинников, небритый, коротко стриженный детина лет двадцати. Рожа самоуверенная, так и просит, чтобы по ней двинули прикладом.

Ответил Фидель:

— Да вот по Крещатику хотим прогуляться, на каштаны посмотреть.

Дружинник юмора не понял. Или же виду не подал.

— Каштаны — это отлично, Крещатик — ещё лучше. Но у нас

приказ: всех на станцию впускать и никого со станции не выпускать.

— Командир, а может, договоримся? — шагнул вперёд Сайгон и выразительно потёр большим пальцем об указательный.

— Конечно договоримся! — обрадовался дружинник.

Его товарищи, а было их десятка полтора, дружно загоготали. Только теперь Сайгон заметил, что командир дружинников сидел на большом полиэтиленовом мешке, доверху набитом жетонами.

У фермера аж дыхание перехватило. Целый мешок?! Ну ничего себе!!!

Рядом с командиром — точнее, возле мешка — перетаптывался низенький мужичок, весь покрытый татуировками. В руках он держал два больших пакета — один с измельчёнными зелёными листьями, а второй со шляпками мухоморов. Всё это добро перекочевало к небритому детине, который встал с мешка, позволив мужичку хорошенько зачерпнуть жетонов. Низенький — не местный. Татуировки, как у типов с Вокзальной. Наркокурьер, что ли?

Черт, да они тут все под кайфом, оттого и ржут невпопад…

Экспроприировали у населения Театральной жетоны и теперь спускают их на дурь. Во имя светлых идей, конечно. Если так и дальше пойдёт, то скоро на станции начнётся голод. На хавчик пробьет — и начнется…

— Так что, договоримся? — Командир дружинников откровенно веселился. — Вы спляшете, песенку споёте, а я вам заплачу! — Он потёр пальцем о палец, передразнивая Сайгона. — От нас бесплатно никто не уходит!

Он прицелился Фиделю в голову и выстрелил.

Видно, двоилось в глазах: пуля вжикнула в сантиметре от виска.

И тут команданте нанес ответный удар.

С яростным рыком накинулся на небритого детину — и ребром ладони перебил ему горло. Тут же атаковал следующего коммунара. Ногой в живот — бедолагу согнуло пополам, Фидель не оставил ему ни единого шанса — с хрустом свернул шею.

Дружинники оторопело уставились на труп с вывернутой головой.

— Эй, вы чего?!..

Заклацали автоматы… Выстрел!

И завертелось.

Растаман орудовал ружьём как дубинкой. Ещё два раскроенных черепа. И ещё, и… Нож Сайгона пробил с хрустом грудину, попал в сердце. Выдернул красное… Мышка тоже не скучал. Не тот он человек, чтобы оставаться в стороне.

Сплясать вам, товарищи коммунары? И песенку спеть?

Ну как, нравится танец? Хорошо поём? Шантрапа…

Через несколько мгновений было кончено. Дружинники полегли всем составом. Наркоторговец, стоя на коленях, молил о снисхождении. Че велел ему убираться, что тот с большой радостью и сделал — ползком.

Растаман хлопнул Мышку по плечу, тот понял товарища без слов. Вместе они принялись обыскивать трупы коммунаров. Трофеи: немного патронов, пара банок с тушёной крольчатиной и десяток фляг с водой. Откровенно говоря, негусто.

— А я думал, мы не шакалим. — Сайгон вспомнил расставание с Вайдой.

— Чрезвычайные обстоятельства, — насупился Фидель. — И не сравнивай нашего погибшего товарища с этой шушерой. — Он помолчал секунду, потом добавил: — Малыш, ты ведь знаешь, из чего мы делаем добро? Кстати, а куда подевался твой старикан?

Сайгон обернулся и, подсветив, увидел, как Павел Терентьевич ковыляет прочь. Похоже, метростроевца так впечатлила расправа над дружинниками, что он решил остаться на Театральной. Коммунары его меньше страшили, чем спасатели.

— Может, ему с нами не по пути?

— Знаешь, что? — Полуулыбка исчезла с лица команданте, голос стал ледяным. — Прихватить с собой этого старпера — твоя идея. Иди и верни его!

* * *

В туннеле было жарко и душно.

Пот стекал по обнажённым телам — все разделись чуть ли не до исподнего. Проблемы с вентиляцией, серьёзные проблемы.

Подобное может случиться на Святошине и вообще на любой другой станции. Людей же, которые могли бы исправить и наладить довоенное оборудование, не осталось. Старики вымирают, а молодёжь если и умеет читать, то через одного и по слогам. Деградирует человечество, превращается в животных.

В кротов, да, Серега? В твоих любимых кротов?..

Одна надежда была — на умников с Университета. Сайгон поёжился, вспомнив ученых-экспериментаторов. Хороша надежда, ничего не скажешь.

Хуже всех приходилось Павлу Терентьевичу. Сказывался возраст. Метростроевец то и дело разминал сухонькой ладошкой грудь. Сайгон уже не рад был, что потащил с собой старика. Надо

было разрешить ему остаться на Театральной, когда он пытался сбежать после схватки с обдолбанной дружиной.

Возмущаясь, Че тащил на себе мешок с жетонами:

— Я что, похож на ездовую собаку? Когда-то говорили, что бывают ездовые академики, но ездовые растаманы?!..

Экспроприируй экспроприированное, как сказал Фидель. Не оставлять же добро наркоманам. А спасателям жетоны очень даже пригодятся. Для дела.

Вот только что с того богатства посреди туннеля? Вода закончилась, еды хватило на один раз, да и то остались голодными. Впору уже на крыс охотиться, так ведь нет крыс, как на беду все попрятались. И хоть мешок жетонов тяни, хоть два, а купить на них здесь можно только собственный пот у себя же.

Сайгон едва переставлял ноги, в глазах темнело от жары, но всё равно он нашёл силы взвалить на себя слабо сопротивляющегося метростроевца и понести. Весу в старике не было вовсе. Килограммов пятьдесят с чуть-чуть. Видать, не жировал на Театральной создатель метро. Создатель… Сайгон покатал на языке это слово и пообещал себе донести старика до Крещатика. Живым или мёртвым. Тут уж не от него зависит.

— Не дрейфим, спасатели, станция близко!

Фидель собирался пополнить запасы на Крещатике. Обещал скупить полстанции. Раз судьба посылает столько наличности, грешно не воспользоваться её подарком.

— Будет пир духа! И о телах позаботимся! Примем душ… Да что душ, ванну примем! Или пива. Холодного пива, — подзадоривал своих бойцов команданте. — Столько лет прошло, а мне до сих пор снится: из кружечки да с рыбкой вяленой. С лещом. Во-от такенным! А?!

Ага. С лещом.

* * *

Крещатик разочаровал Сайгона.

Наивный фермер надеялся, что станция встретит спасателей прохладой, но нет, тут тоже была парилка. И судя по тому, как народ без стеснения разгуливал по платформе в чём мать родила, такое положение дел давно уже никого не смущало. Привыкли. Придышались.

Че оказался умней Сайгона. Прежде чем войти на станцию, он своей полосатой хламидой тщательно обмотал мешок с жетонами. Сказал, что сирых и убогих лучше не искушать, они ведь не коммунары, частную собственность не отринули. Сайгону

бы взять на вооружение его опыт, но нет, не сообразил.

И напрасно.

Шрамы — «Спаси и сохрани» — на его спине уж очень кидались в глаза, а спасателям лишнее внимание ни к чему. Да что там, святошинцу самому не нравилось, что на него показывают пальцами. Видать, тут не шибко жаловали новых христиан, а Сайгон после приключений на станциях и в туннелях весьма походил на проповедника, мечтающего сдохнуть на кресте, сваренном из радиоактивной арматуры. Судите сами: не одежда на нём, а рубище, тело покрыто струпьями, будто в пути он только тем и занимался, что бичевал себя, изгоняя бесов.

— Оденься-ка. — Команданте оглянулся на группу в десяток аборигенов, побросавших свои дела и топавших за командой спасателей. — Народ тут мирный, но житомирских не любит искренне.

— А чего так? — Сайгон натянул драную тельняшку. За считаные дни он угробил одежду, которой не было сносу много лет.

— Известно чего. Житомирские везде свой нос суют и морали читают: мол, не прелюбодействуйте, и прочая лажа.

Спасатели как раз двигались мимо молоденькой девушки и юного бойца, беззастенчиво ласкающих друг друга на глазах у всего народонаселения. И никого не возмущало такое моральное разложение. Наоборот — некоторые собирались последовать их примеру: дамочки с интересом изучали проходивших мимо чужаков. Сайгон поймал на себе пару пылких взглядов. Среди аборигенок попадались весьма примечательные экземпляры. Привет, Свет!

Словно в книжку об индейцах Сайгон попал: в добавок к полной наготе мужчины Крещатика все как один были вооружены луками из древесины, напоминающей бамбук. Значит, Сайгон привлекает внимание не только своим орнаментом, но и закинутым за плечо агрегатом. Крутым хай-теком из магниевого сплава, стеклопластика и углеволокна. По здешним меркам, почитай, будто инопланетяне прилетели со своими неземными технологиями.

Заглядевшись на местных красоток, он едва не рухнул, зацепившись за бетонную клумбу. Мародёрам несладко пришлось, когда они тащили её с поверхности, а тут вся платформа заставлена этими кадками с землёй, из которой росли…

Сайгон присвистнул:

— Это что, бананы?!

— Ага, — равнодушно обронил Фидель, будто речь шла о

кукурузе с Политеха. — И ананасы ещё. Кокосы когда-то были, но я давно не видел. Выродились, наверное.

Заметив округлившиеся глаза Сайгона, он поспешно добавил:

— На самом деле, малыш, это не бананы и не ананасы. Это вообще не известно что и на вкус дрянь. Мародёры принесли с поверхности. Плоды этих культур содержат все необходимые для жизни питательные вещества, прям как модифицированный сорго. Слыхал о таком злаке? Сам Билл Гейтс финансировал программу его создания, как раз перед войной это было. Он тогда вообще много чего финансировал. Сидит сейчас небось в личном бункере в Силиконовой долине…

Отвлёкшись на команданте, Сайгон едва не опрокинул здоровенный аквариум, в котором плавали… лягушки. То есть с первого взгляда показалось, что это лягушки, а если присмотреться хорошенько, то совсем и не похожи. Слишком уж большие. Где вы видели лягушку с баскетбольный мяч? Многие в метро никаких мячей не видели, и всё-таки…

— Тише ты! Если аквариум разобьёшь, местные тебя кастрируют. — Растаман оглянулся, не видел ли кто оплошности Сайгона. — Я не шучу. Эти папуасы жаб боготворят. И потому жрут их. А заодно смазывают их слизью наконечники стрел. И чужакам не позволяют ни первого, ни второго. Так что мясом нам здесь не разжиться.

Неизвестно как прочим спасателям, а Сайгону изрядно надоел извилистый лабиринт из кадок и аквариумов. Вот куда надо было пристроить фикус Лёнчика Космоса!

— Мама, мама, я пропала, меня любит кто попало, — задумчиво пробормотал святошинец, оглядываясь по сторонам.

Вокруг кишела жизнь: аборигены совокуплялись, жрали «бананы», нянчили детей. Малышни на станции было особенно много — неудивительно, учитывая местные нравы. Эти, с Крещатика, уж точно плодятся, как кролики, подумал Сайгон. Для голозадых папуасов никаких новых туннелей не напасёшься…

— Ничего, выроем и для папуасов! — задорно подмигнул ему Фидель. — Для всех выроем!

То ли Сайгон думал вслух, то ли команданте умел читать чужие мысли. Последний вариант Сайгону был не в масть. Губная гармошка… губная гармошка… Чем сильнее фермер старался выкинуть инструмент из головы, тем назойливей становились мысли о нем.

— Надоело петлять. Сворачиваем в правый посадочный зал, — скомандовал Фидель.

Там было просторнее, чем на платформе, потому что

обходилось без кадок и аквариумов. На вертелах жарили лягушек, их аромат дразнил ноздри. За стеклом земноводные выглядели неаппетитно, зато в зарумяненном виде будоражили аппетит.

Сайгон потянулся за жетонами.

— Не вздумай. — Че перехватил его руку. — Не продадут. Я ж говорил, они жаб этих чужим не продают. Угостить могут. Своего…

Растаман на что-то намекал, но Сайгон не понимал на что. Уж очень жрать хотелось.

— Тогда я угощусь, не проблема. Тем более на халяву.

Он шагнул к ближайшему мангалу. Давно он не видел, чтобы пищу готовили на открытом огне. Деревья в метро не растут (конопля с Вокзальной не в счёт), так что с дровами проблема. Но на Крещагике благодаря «пальмам» вопрос органического топлива решён давно и окончательно.

Языки пламени завораживали.

Улыбка на лице молодого повара располагала. Редкая бородка, длинные волосы ниже плеч заплетены в две косы. На шее ожерелье из медной проволоки и клыков пацюка. И всё, больше никакой одежды. Да оно и понятно: скрывать такое внушительное достоинство — всё равно что оскопить себя. Небось девчонки в очередь записываются на месяц вперёд…

Сайгон уже открыл рот, чтобы попросить вот тот, с краю, кусочек, зажаристый, ага, вот тот, когда растаман отчётливо произнёс:

— Хоть раз укусишь — никогда не покинешь эту станцию.

Сайгон так и застыл с открытым ртом.

— Я же сказал: только своих угощают. Куснул — своим стал. А свои за пределы станции не выходят. От звонка до звонка здесь. Ты говорил, у тебя жена есть? И сын? Больше их не увидишь. А бежать захочешь — накачают ядом жаб до беспамятства. Забудешь, как тебя зовут. Всё забудешь. До старости «ананасы» будешь выращивать.

Сайгон громко сглотнул — и отскочил назад, когда повар протянул ему вертел с мясом.

— Спасибо, я не голоден! Спасибо!

— Ну что же ты? — Растаман покачал головой, дреды его колыхнулись. — Тебя ведь никто за язык не тянул! Они тут врать не привыкли и не любят, когда им врут. Так что пожрать тебе не продадут. Жаб нельзя, а остальное можно. Дай жетонов деду, пусть хоть себе «кокосов» купит. С его зубами самый тот деликатес.

Сайгон протянул Павлу Терентьевичу десяток жетонов. Не всем же на диете сидеть.

Тем временем Че, немного поторговавшись, купил два «банана». Скривившись, один «банан» он весь затолкал в рот и принялся жевать. Сайгон впервые с момента их знакомства пожалел о том, что растаман замолчал. Если бы не советы Че, кое-кто угодил бы в неловкое положение.

И кое-кто угодил.

* * *

Команданте только-только договорился о покупке большой партии патронов.

Надо отдать должное папуасам: стеклянные бусы на золото они не меняли, с соображалкой тут у всех было в порядке. Местные хоть и пользовались исключительно луками, но на патроны цены заламывали несусветные. Сайгон слышал краем уха беседу Фиделя и торговца, седовласого старца, восседавшего на трёх деревянных ящиках, поставленных друг на друга.

— На Арсенальную собрались.

В отличие от соотечественников торговец прикрывал свое достоинство жалким подобием набедренной повязки из листьев «банановой пальмы».

Фидель напрягся:

— С чего ты взял?

— Потому что вижу: психи. Значит, на Арсенальную. А там без патронов никак.

Фидель осклабился:

— Ну так продай.

Папуас поманил к себе команданте и шепнул ему цену на ухо.

Фидель нахмурился:

— Ты в своём уме?!

— Обижаешь. А мои обиды тебе обойдутся ещё в двадцать процентов. А нет, так нет. Сам лезь наверх, сам ищи себе патроны. Я ж не против, это честно. Но я против, чтобы тебя с патронами — если ты их найдёшь в городе — обратно пустили. Это тоже честно. Мне конкуренты ни к чему.

— За что я люблю эту станцию, так это за честность!

— За это её всё метро любит, — важно кивнул старый папуас. Он чуть приподнялся и вновь водрузил седалище на ящики.

В каждом из ящиков по две металлические коробки. Внутри коробки четыреста сорок патронов, упакованных в пачки по двадцать штук. Итого восемьсот восемьдесят штук в ящике. А в трёх… В общем, хватит, чтобы перестрелять всех папуасов на

станции Крещатик, ещё и на Театральную останется, на самых стойких коммунистов.

— К патронам стволы нужны.

— Сколько?

— Четыре. — Фидель с сомнением посмотрел на Павла Терентьевича. — Нет, пять давай.

Арифметика простая. Команданте — один ствол, растаман — второй, мародёр Мышка — третий, Сайгон — четыре уже… и старик. Всё верно, пять автоматов надо. Ведь патроны в ящиках, судя по маркировке, — самая что ни на есть классика калибра 7,62. Тут ментовские укороченные «раскладушки» не прокатят, тут аппараты нужны серьёзные, собранные лет за полста до войны. Или папуас чем другим обрадует? Сайгон не отказался бы от АКС-74У. И дайте рожков к нему, снаряжённых патронами с пулями с пониженной рикошетирующей способностью. Делали такие, для городского боя. Не надо стальных сердечников, оставьте себе.

— Пять так пять. АК-103 под патрон 7,62. Хорошая игрушка. Россияне много их перед самой войной в Венесуэлу отправили, в подарок дружественному режиму Уго Чавеса. А товарищ Уго уже Украине по дешёвке скинул. Помню, когда афёра раскрылась, много шуму было.

Папуас щёлкнул пальцами — и тотчас автоматы легли на пол у ног Фиделя. Подручные торговца действовали на удивление расторопно.

— Патронов сколько?

Фидель колебался. Сайгон мог его понять: хотелось забрать все три ящика. Вот только как их тащить?

— Один.

— Патрон?

— Ящик. И магазины нужны пустые. — Команданте беззвучно зашевелил губами. — Двадцать девять… Нет, тридцать. Тридцать магазинов. Есть столько?

— Обижаешь! — Торговец скрестил руки на груди.

— И бандольеры. Пять. Хорошие, чтобы всё поместилось. Натовские.

— А ты знаешь, сколько это стоит? Всё, что ты просишь?

— Обижаешь! — подмигнул Фидель.

И опять арифметика проще простого. Тридцать магазинов на пятерых — это по шесть штук на бойца. Вроде и не мало, но и не так уж много. Особенно если учесть, что впереди спасателей ждут две станции, о которых совсем нет никаких сведений. В такие места соваться можно только полностью упакованным.

— Команданте, а может, ещё купим ящик? Авось финансов

хватит? — Че думал так же, как Сайгон.

Фидель поманил торговца и что-то шепнул тому на ухо. Тот отпрянул, покрутил пальцем у виска, намекая, что чужак не в своём уме. Команданте сплюнул с платформы в путевой туннель:

— Слабо?

И вот тогда торговец вслух назвал сумму, которую спасатели будут должны за товар.

На станции установилась тишина. У Сайгона аж дыханье спёрло.

Торговец хрипло прокашлялся.

— А тебе слабо?

— Тащи всё, что я сказал. — Фидель заметно побледнел. — Авось, финансов хватит.

* * *

Мышка — мародёр всё-таки — осматривал противорадиационные комплекты: нет ли дыр, в каком вообще состоянии. Остальные спасатели, включая команданте, снаряжали магазины. Лучше сделать это в спокойной обстановке — когда приспичит, будет уже поздно. Первый же рожок Сайгон сразу воткнул в приёмник своего АК. Остальные пять сунул в кармашки бандольеры. И пять карманов остались свободными. Вот бы ещё один ящик патронов…

Ну да не факт, что на заказанное жетонов хватит. Сумму торговец назвал оглушительную. Когда принесли бандольеры и противорадиационные комплекты, Фидель кивнул Че. Растаман снял с полиэтиленового мешка свои полосатые шмотки.

Аборигены ахнули. Они тоже никогда не видели столько жетонов одновременно.

Что там дикари, сам Сайгон не думал, что столько жетонов в метро есть!

Пока спасатели занимались патронами, аборигены — подручные торговца оружием — отсыпали по чуть-чуть жетонов из мешка и, пересчитав, сообщали количество начальству. Затем вновь отсыпали. Старец записывал суммы в потрёпанный альбом для рисования.

Спасатели справились раньше. Вооружённые до зубов и со свёртками «шмоток от гуччи», как назвал противорадиационные комплекты Мышка, они сидели на полу, поглядывая на толпу, собравшуюся в посадочном зале. Сделка века, всем интересно поглазеть.

Кстати, РЗК весил килограммов двадцать, а то и больше, так

что тащить его — веселье ещё то…

— Слышь, друг, — Фидель тронул торговца за руку, — обмыть бы надо. Серьёзное дело с тобой провернули. Распорядись, что ли. И воды дай. Десяток фляг.

— Обмыть — ладно, — щербато улыбнулся торговец. — А фляги жетонов стоят. Вода тоже. Тут не хватит на фляги.

Не дожидаясь распоряжения команданте, Сайгон вывалил перед торговцем последние свои сбережения. Интересно, чем спасатели на обратном пути питаться будут? Святым духом? Или Хозяин Туннелей подаст?..

Не прошло и минуты, как толпа расступилась. К спасателям подошли двое. Первый принёс фляги с водой, второй — поднос с «бананами» и пластиковой бутылкой, наполненной мутной жидкостью.

Абориген с «бананами» вдруг застыл на месте. Руки его, покрытые крестообразными шрамами, задрожали, с подноса упала еда и выпивка. Он и Фидель, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Не отводя взгляда, Фидель потянулся за калашюм. Словно прогоняя наваждение, абориген моргнул и заорал как резаный:

— На помощь!!! Тревога!!! Сюда!!! Этот человек…

Его прервала автоматная очередь — он рухнул на платформу, схватившись за живот.

Что тут началось!..

Крики, суета, беготня…

Спасатели повскакивали на ноги. Девушки, которые ещё минуту назад подмигивали чужакам, заламывали руки, умоляя не стрелять в них, — живой щит от лучников, лучше не придумаешь.

— Уходим!!! — рявкнул Фидель. — Мышка, прикрой!!!

Он спрыгнул с платформы на рельсы. За ним тут же последовал Че. Мышка подал команданте рюкзак со взрывчаткой. Метростроевец остался на месте, обречённо глядя на рельсы внизу — куда там с радикулитом прыгать.

Вместо того чтобы бежать, Сайгон склонился над раненым в живот аборигеном, заметив у того на горле жуткий, в два пальца толщиной шрам.

— Этот человек… — шептал абориген. На губах его вздувались алые пузыри. — Этот человек…

Девушки бросились прочь. Папуасы натянули луки. Доля секунды — и стрелы сорвутся в полёт. Ведь святошинец, Мышка и Павел Терентьевич — отличные цели, они на платформе — как на ладони. И пусть мародёр замешкался, а метростроевец попросту растерялся, автомат Сайгона заряжен и снят с предохранителя.

Напряжённые лица.

Ведь хорошо всё было, сделка века, и тут такое…

Палец на спуске. Сейчас их черепа полопаются, как стеклянные банки с водой…

Ненавидеть легко, да, Серега?..

В последний момент Сайгон поднял ствол, дал очередь поверх голов папуасов, заставив их пригнуться.

— Открываю огонь на поражение!!! — скорчив злобную рожу, заорал он.

Стрельба, крик, перекошенная Сайгонова харя — в комплексе всё это заставило лучников изменить намерения и скрыться в ближайшем портале.

Сергей вцепился в плечо раненого аборигена, пытаясь привлечь его внимание:

— Кто этот человек? Откуда ты его знаешь? Что происходит?!

Но абориген успел сказать только одно слово:

— Пулемёты…

А в следующий миг голова его раскололась от угодившей в висок пули — Фидель стрелял из пистолета. Крут команданте, метко. Мог бы и Сайгона зацепить. Но ведь не зацепил, верно? А значит, прочее ерунда.

Всё, дальше медлить нельзя.

Сайгон спрыгнул с платформы и, едва не подвернув ногу на рельсе, успел изрядно пробежать, когда вспомнил о метростроевце. Вернулся:

— Павел Терентьевич! Ну что же вы?!

Старик беспомощно опустил руки.

В отличие от спасателей ни в туннеле, ни на станции он не страдал от жары. Наоборот, закутанный в плащ, он постоянно мёрз.

— Я страхую!

Ещё одна очередь в потолок. Папуасы, как заметил Сайгон, особой храбростью не отличались, на выстрелы реагировали правильно: прятались.

Но лишь стрела, пробившая рукав плаща, подвигла метростроевца шагнуть с платформы — прямо в объятия Сайгона.

Павел Терентьевич что-то промычал. Сайгон решил, что это благодарность:

— Потом сочтёмся. А сейчас уходить надо!

Они побежали, если стариковское шарканье можно засчитать за спринт. Уже будучи в межстанционном туннеле, Сайгон обернулся и увидел Мышку. Мародёр поливал пулями порталы, из которых то и дело высовывались папуасы.

— Мышка, давай сюда! — крикнул Сайгон.

Мародёр на мгновение обернулся — и стрела угодила ему в

бедро, чуть ниже кобуры. Сразу брызнуло, окропив до сих пор бесполезный — нет патронов — револьвер. Похоже, пробита важная артерия, а значит…

— Вот чёрт! — Сайгон оставил метростроевца и бросился назад.

…вторая стрела проткнула Мышке шею, наконечник вылез наружу.

Сайгон остановился.

Мышка был ещё в сознании. Он махнул рукой — мол, беги, прикрою. Он ещё не понял, что папуасы убили его. На этой станции наконечники стрел смазывают ядом. Даже если раны сами по себе не смертельные, что очень вряд ли, то яд…

Ещё одна стрела сбила шляпу с Мышкиной головы. Мародёр счёл это оскорблением. Он двинулся прямо на папуасов, больше не сгибаясь и не уворачиваясь, всаживая в дикарей очередь за очередью. Стрелы впивались в его тело, две, четыре, десять… Но он, кажется, не слышал боли. Огонь прекратился лишь тогда, когда опустел магазин и Мышка не смог дотянуться до запасного в бандольере, потому что из груди и рук его торчали досадные палки, которые очень ему мешали…

Тогда он беспомощно обернулся к Сайгону и глупо улыбнулся:

— Прощай, брат.

Глава 21
ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ

Сайгон включил фонарь.

Последний комплект батареек в деле. Если погаснет, то…

Но об этом сейчас думать не хотелось. Сейчас вообще нельзя думать, надо живее шевелить булками. Живее — чтобы выжить.

Потому что за ними опять погоня. Опять убегать.

Папуасы дали спасателям фору: собирали карательный отряд, запасались стрелами и факелами. Фидель и Че форой воспользовались — они где-то далеко впереди, а вот Сайгон… Ну не мог же он бросить Павла Терентьевича, чтобы догнать старших товарищей?

Или мог?!

Потому что жена Светка, сынок Андрюшка, новые туннели, спасение метро… Брось старика, Серёженька, он своё уже отбегал, а ты ещё молодой, тебе жить и жить, сестричку для Андрюшки ещё надо сделать… Бросить? Так зачем же ты выдернул его со станции, где у старика, может быть, все еще и обошлось бы?

— Ну уж нет! — Сайгон покрепче перехватил безвольное тело метростроевца.

Ну как же нет, Серёженька, если да? Вспомни: ты же хотел спасти метро от войны, в которой кроты будут убивать кротов. А если тебя, как Мышку, нашпигуют стрелами, кому от этого станет лучше? Очень тяжело, Серёжа, кого-то спасать, когда в тебе полтора десятка отравленных наконечников. Что сталось с телом Мышки? Ему отрубили голову и нанизали ее на шест, установленный посреди станции. Сейчас вокруг того шеста голые бабы пляшут и плюют в мёртвое лицо, дёргают за уши, бьют по щекам. Ты хочешь, чтобы и вокруг твоей глупой башки водили хороводы, как вокруг ёлки на Святошине? Это предел твоих мечтаний?

— Нет!

Тогда брось старика и беги!

Сайгон обернулся. Факелы уже рядом. Охотники в азарте вопили, преследуя жертву. Они знали, что тому, кто подсвечивает себе путь фонарём, точно не уйти.

Брось!

Беги!

— Нет! — Сайгон так обнял метростроевца, что чуть не сломал ему рёбра.

Что ж, тогда умри…

Сайгон остановился. Толпа позади взорвалась криками.

— Извините, Павел Терентьевич, что втравил вас в это. Похоже, до Днепра мы с вами не дойдём.

Метростроевец сунул руку под плащ и помял левый бок — в который раз уже. Он слишком стар для таких пробежек и волнений. Он-то стар, верно. А вот Сайгон слишком молод, чтобы умереть…

Отставить! Решение принято! Как спасти всё метро, если нельзя помочь одному старику?

Сайгон перезарядил автомат и повернулся лицом к преследователям.

Он примет бой.

Свой последний бой.

* * *

Вдруг что-то острое кольнуло Сайгона в шею.

— Я мог бы убить тебя, — услышал он шёпот.

Факелы впереди, совсем рядом, надо стрелять, иначе будет поздно, ну же, ну!.. Руки опустились сами собой. Холодок вдоль хребта. Сайгон чувствовал чужое дыхание на затылке. Неведомая опасность за спиной… Неужто сама Смерть пришла за ним? Бесшумно подкралась, ни разу не бряцнув костями, и угрожает заточенной сталью…

Косой, что ли?

Сайгону вдруг стало смешно. Хозяин Туннелей, который всё это время хранил его, таки устал это делать и попросту отдал своего протеже на растерзание. А раз двум смертям не бывать, а одной не миновать, так чего дёргаться-то?

Сайгон резко присел и ударил локтём назад. В пустоту.

По инерции его развернуло, он упал на бок, но автомат не выпустил, ведь к нему был привязан фонарь, без которого святошинец был бы слеп, как крот.

— Тише ты! А то ещё в меня попадёшь. Я этого не люблю.

Луч света выхватил из темноты фигуру растамана. На плече у него висел автомат. В руке, примирительно поднятой, Че держал штык-нож.

— Всё-всё-всё! Я пошутил!

Стрела ударила в приклад его автомата.

— А вот они не шутят, — буркнул Сайгон.

Че достал из-за пазухи гранату, ту самую, что берёг для особого случая:

— Не трать патроны. Они тебе ещё пригодятся.

Ещё одна стрела едва не проткнула растаману ногу. Выдернув чеку и подождав секунду-две, он швырнул гранату под ноги преследователям.

— Ложись!

Че распластался рядом с Сайгоном.

Несколько долгих мгновений казалось, что граната за долгие годы хранения в сырости метро «протухла», и вот-вот — пока спасатели отдыхают в нелепых позах — появятся папуасы, чтобы вершить свой скорый суд…

Вспышка.

Грохот.

Дикие вопли.

— Теперь они за нами не сунутся. — Че поднялся и побежал по направлению к Арсенальной.

— Но ведь граната у тебя одна! — крикнул ему в спину Сайгон, помогая встать метростроевцу.

Растаман оглянулся:

— Точно. Но они-то об этом не знают.

* * *

Фидель ждал их метрах в ста от поля боя. Точнее — от места побоища. В туннеле граната Ф-1 способна творить чудеса. Если чудесами можно назвать бесчисленные увечья и раны, не совместимые с жизнью.

И всё равно, вопреки протестам Че они выждали еще с полчаса, чтобы увериться: аборигены Крещатика отказались от дальнейшего преследования. Разумно. По правде говоря, папуасам вообще не следовало соваться в туннель. Спасатели даже в урезанном составе — сила грозная, способная изменить судьбу всего киевского метро. У команды Фиделя на пути не становись. И уж тем более не стоит за ней гнаться.

— Нас не догонят!

— Мышка погиб. — Сайгон схватил растамана за плечо и попытался развернуть лицом к себе, но тот сбросил руку.

— И что? Устроим поминки? Напьёмся и порыдаем всласть?

Сайгон оторопел:

— Мышка… Он погиб, он… Он ведь был одним из нас!

Фидель поправил рюкзак, затем проверил, как закреплён свёрток с противорадиационным комплектом, и, глядя мимо Сайгона, сказал:

— Он всё ещё один из нас, малыш. До сих пор и навсегда.

Че кивнул, соглашаясь с команданте. Сайгону показалось, что

в глазах его блеснули слёзы. И тут же, словно смутившись своей слабости, растаман спросил:

— Вода у кого-нибудь есть?

Выяснилось, что у них одна фляга на всех. Когда началась заварушка на станции, как-то не до того было.

— Негусто. Ирония судьбы: там, куда мы идём, воды хоть залейся. А пить нельзя…

* * *

Долго шли молча, до звона в ушах вслушиваясь в тишину.

Вода, вода, вода… Где её взять? Во рту сухо. С продуктами тоже напряг. Нет продуктов. Кое-кто перекусил на Крещатике, а Сайгону и жабьей косточки не обломилось. Ещё немного — и он продаст душу за кожуру «банана». Только некому тут покупать Сайгонову душу…

Здесь, похоже, вообще никого нет.

Даже крысы куда-то подевались. И мокриц нет, хотя стены влажные. Если совсем замучит жажда, их можно облизывать. Не мокриц, конечно, а стены.

Из туннеля от Арсенальной тянуло холодом. А с Крещатика — жаркой духотой. Горячий, насыщенный парами воздух смешивается с холодным, потому и конденсат на стенах. Всё просто…

Сайгон вдруг вспомнил, что ему давно не мерещилось небо над головой. Давно? Всего-то несколько дней прошло с тех пор, как он покинул Святошин, а кажется — вечность.

Сайгон первым заговорил:

— Фидель, я хотел спросить… Что случилось на Крещатике? Почему тот папуас так возбудился, увидев тебя?

Команданте на ходу пожал плечами, что было не очень-то просто сделать, учитывая, что в плечи ему впивались лямки рюкзака:

— Знаешь, малыш, Христа тоже плохо приняли в своё время. Всегда приходится чем-то жертвовать: своей жизнью, чужой… совестью и моралью… Добро из зла, помнишь? А уж материала у нас с избытком. Да и мало ли что бормотал тот полоумный…

И то верно. Сайгон уже забыл, что именно сказал папуас перед смертью. Кажется, он произнёс лишь одно слово… Точно! И слово это «пулемёты». Интересно, что он имел в виду? И при чём здесь Фидель?

— Я ещё спрошу, можно?

— Валяй, малыш, не стесняйся.

— Нам ведь просто повезло, что у коммунаров целый мешок жетонов оказался. А если б нет, как бы тогда патроны добывали?

Фидель подмигнул святошинцу:

— Да просто повезло папуасам, что тут скажешь. В рубашках родились.

Помимо воли Сайгон улыбнулся, вспомнив обнажённые тела аборигенов Крещатика. В рубашке, значит. Ну-ну. Фидель и Че вели себя так, будто ничего из ряда вон не случилось: подумаешь, мы кого-то убили и грохнули кого-то из нас. Сайгона бесило такое отношение. Ему вновь захотелось разобраться с Фиделем — благо тому в помощь нынче один лишь Че. Хорошо бы от души наподдать команданте, а затем вытрясти из него историю губной гармошки. Хотя, конечно, не в инструменте дело. Просто надо выпустить пар. Слишком много напряжения, адреналин зашкаливает. И жрать хочется, и в горле пересохло. В общем, всё к одному…

— Здравствуй, папа! — Прямо в луче света впереди стоял Андрюшка, жмурился и прикрывал лицо ладонью.

Сайгон кинулся к нему, упал на колени, обнял:

— Ты как здесь очутился?! Ты цел?! Всё в порядке?! Как мама?! Мама где?! Ты почему здесь?!

Он вертел сына, осматривал, всё ли хорошо, нет ли ран, с тревогой заглядывал в голубые смеющиеся глаза, ерошил светлые волосы.

— Папа, нам нужна твоя помощь.

— Помощь? Что случилось?!

— Очень нужно. Идём. Быстрей! — Андрюшка потащил Сайгона за собой в темноту.

— Я скоро вернусь! — не оглядываясь, крикнул спасателям Сайгон. — Я скоро!..

А вокруг всё заволокло дымом. Першило в горле, Сайгон закашлялся, ладошка сына вдруг выскользнула. И тут же рядом что-то взорвалось, фермера отбросило ударной волной. Он упал, но тут же вскочил и принялся звать Андрюшку.

Нет ответа.

Всё в дыму…

Отчаяние охватило Сайгона. Он должен найти сына, должен!

Прямо на него вдруг выскочил обнажённый по пояс казак. В одной руке он держал окровавленный топор, второй зажимал рану в боку. Увернувшись от удара, Сайгон обнял казака и несколько раз воткнул в его тело нож — чтобы наверняка, хотя хватило бы и одного удара. Понадобилось несколько секунд, чтобы разжать пальцы мертвеца и завладеть топором. И сразу — швырнуть трофейное оружие в здоровенного бандита в кожаной

куртке, что вынырнул из дыма.

Напевая что-то о широкой тундре и молодом пареньке, урка приближался к Сайгону развинченной походкой. Заточка порхала меж пальцев в нарисованных перстнях. Ближний бой с таким бойцом — гарантированная смерть. Ещё пару шагов, выпад — и тонкое остриё проткнёт сердце фермера.

Ну уж нет, не в этой жизни!

Топор рассёк бедро бандита чуть выше колена. Если хорошо подлатать, товарищ с Вокзальной, со временем опять научишься ходить. И завязывай с этой травмоопасной работой!

Добивать урку Сайгон не стал. Сын. Найти сына — это сейчас самое главное!

— Андрюша, ты где?! Сынок, отзовись!!!

И вдруг…

…Сначала Сайгон даже не понял, что случилось. Ведь боли не было, просто лицо вдруг стало мокрым. Нашёл время плакать, да? А место для того, чтобы распустить нюни, самое подходящее?

Вот только слёзы оказались ни при чём. Сайгон провёл ладонью по лицу и… порезался. Под левым глазом торчало что-то острое! Взять кончиками пальцев, аккуратно потянуть… Он уставился на кусок лезвия для безопасной бритвы. Тонкая, заточенная пластина. Откуда она взялась под глазом? Чуть выше бы — и всё, прицеливаясь, не надо больше щуриться…

Бандит с топором в ноге, его работа. Боевое искусство Вокзальной — таскать во рту пару-тройку лезвий марки «Ленинград» и по мере необходимости плевать ими в противника. Причём довольно метко плевать. Сайгону просто повезло: прицел у врага сбился от боли, а не то…

От следующего лезвия он уклонился чудом.

Впереди, за спиной бандита, в дыму мелькнуло лицо Андрюшки.

С рёвом Сайгон протаранил бандюгу, сшиб его и яростно замолотил кулаками по роже. Не хватало только, чтобы тот отчебучил ещё что-нибудь в спину святошинцу.

Всё. Готов.

А теперь, Серёженька, поднимись, возьми топор, ты добыл его в честном бою, и топай за сыном. Мальчик испуган, растерян, и потому беспорядочно мечется в дыму, в котором бродят убийцы.

— Андрюшка! Андрей!!!

Сайгон поскользнулся. Алая лужа под ногой. Липкая, чёрт, и слишком большая. Значит, где-то рядом тело, не зацепиться бы, не упасть…

Крики, мольбы о снисхождении, плач. Отрывистый приказ — мгновение тишины — и сразу грохот выстрелов.

Что здесь происходит?! Массовые расстрелы? И где это — здесь? И почему здесь Андрюшка? Ну же, хотя бы один ответ получить! Что происходит?! Ответь, Серега!

И всё закончится. Кошмар прекратится.

И твой сын будет спасён!

Тогда вот он, ответ: где — это станция Святошин. Когда? Уже скоро.

Наваждение сгинуло.

Сайгона трясло. Или же это мерцал фонарь, привязанный к автомату? Конец батарейкам? Можно их, конечно, обмять, покусать, нагреть на огне, но… Это всё равно что заниматься реанимацией трупа через месяц после смерти. Надо быть настоящим некромантом, чтобы вернуть батарейки к жизни.

— До Арсенальной далеко? — Сайгон не узнал своего голоса, так хрипло он прозвучал.

— Ты чего, спишь на ходу, что ли? — обернулся Фидель. — Очнись, малыш! Мы уже на Арсенальной! Ну, почти. Метров полста ещё, не больше.

Вот как? Протопал весь туннель и не заметил, надо же…

Ну и пусть! Если есть шанс предотвратить резню, которая ждёт метро, Сайгон им воспользуется! И не ради профессоров с Университета или феминисток с Нивок, нет. Ему плевать на все станции вместе взятые. Но он готов глотки рвать за сына. Мальчику ещё жить и жить в подземке. А значит, надо поторопиться. Кто знает, вдруг война уже началась…

Глава 22
АРСЕНАЛЬНАЯ

На Арсенальной жизни не было.

Мерцали немногие уцелевшие лампы, слышался странный глухой гул. То есть поначалу никакого гула не было, а потом…

— Сто пять метров. — Фидель снял автомат с предохранителя ещё на подходе к станции.

— Что? — не понял Сайгон; ему не нравилось то, как нервничали старшие товарищи.

— До поверхности сто пять метров, — вместо команданте ответил Че. Сипло ответил, будто простыл. Он тихонько прокашлялся и продолжил: — Это одна из самых глубоких станций в мире.

— Неуютно здесь… — Сайгон вертел головой по сторонам, подсвечивая себе фонарём. Он не доверял местному освещению, вспыхивающему и гаснущему, и вспыхивающему снова.

Стены, облицованные мрамором, и трапециевидный потолок были сплошь разрисованы пентаграммами, рунами и ещё какими-то заковыристыми знаками.

Руны Сайгону когда-то давно, через пару дней после войны, показал Болт. У него родители — они остались наверху — увлекались ролевыми играми: корчили из себя эльфов, конунгов и ведьмаков. Болт говорил, что руны обладают магической силой. Если правильно нарисовать знаки, то можно воскресить папу и маму, и даже отменить войну! Сайгон тогда посмеялся над Болтом. С тех пор между ними кошка пробежала: у Болта родители умерли от облучения, и на руны у него была вся надежда. Что-то подсказывало святошинцу, что руны на Арсенальной начертаны неспроста. Раз уж спасатели хотят предотвратить войну, то, может, неведомый чародей хотел того же и потому так обильно замарал всё вокруг?

Жаль, чутьё подсказывало Сайгону, что цели у чародея были совсем иные. Да и вообще от всей этой станции — сто пять метров под землей! — у него мурашки бежали по коже.

Рядом тяжело дышал Павел Терентьевич. Пальцы Фиделя побелели от напряжения на рукоятке АК. Че, настороженный, кружил на месте, вскинув автомат к плечу.

И вот тогда появился гул. Да-да, именно тогда.

— Что это? Вы слышите?

Сайгону не ответили. Спасатели были слишком заняты собой, на товарища по оружию они попросту не обратили внимания.

Чтобы обуздать панику, охватившую его, Сайгон принялся считать вспышки ламп. Одна, две, три, четыре. Пауза. Одна, Две, три, четыре, пять, шесть. Пауза. Одна, две, три. Пауза. Похоже, никакой системы.

Подтверждая его догадку, станция в очередной раз погрузилась во тьму.

И надолго.

Вспышка, ну же! Давай! Давай! Вспышка! Лампы! Сайгон молил Хозяина Туннелей, чтобы свет вновь загорелся, но…

Сдали нервы у Фиделя:

— Твари!!! Ненавижу!!!

Открыв огонь из автомата, он побежал по платформе.

Кружа на месте, Че вдавил спуск.

Пауза закончилась. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять… После тридцатой вспышки подряд Сайгон перестал считать. В глазах рябило, гул стал невыносимым, превратившись в рёв взлетающего самолёта. Кто в детстве не мечтал стать лётчиком? И не каким-нибудь из Борисполя, но самым настоящим истребителем в ужасно крутом разгрузочном комбинезоне!.. Кто не мечтал… Тот, кто родился под землей.

И Сайгон не мечтал. В детстве он хотел разводить кроликов на даче. А попав в метро, вдруг безумно затосковал по небу, но было уже поздно. Лишь годы спустя Сайгон сумел избавиться от этой тоски. Кроты не летают, потому что самолётам не место в норах.

Автомат Че замолчал — закончились патроны в рожке. Но растаман продолжал давить на спуск. Затих АК Фиделя. Команданте добежал до середины платформы — во вспышках его хорошо было видно — и вдруг оказался на полу. И что-то было рядом с ним. Что-то массивное.

Что, а?!

И вот тут заговорил автомат Павла Терентьевича.

Старик долбил с остервенением. Сайгон проследил за тем, куда он стреляет, — и не обнаружил ничего, достойного внимания. Но ведь метростроевец целился!..

Че таки догадался перезарядиться и вновь принялся палить по сторонам. Очереди он перемежал криками:

— Не убоюсь я вновь!!! Выходи!!! Покажись, Хозяин Туннелей!!! Тебе не отвратить меня с пути моего!!!

И прочее в таком же духе.

Неужели один лишь Сайгон не сошёл с ума? Но почему? Что здесь происходит?!

Метростроевец упал на платформу и зажал уши руками. Он что-то мычал, привставая и вновь падая. Че аккуратно положил

автомат и, свернувшись калачиком, лёг рядом. Фидель же, рухнув, так и не поднялся. На ногах остался только Сайгон.

Вспышки. Одна, две, три…

Самолётный рёв наполнил собой воздух станции, стал плотным, осязаемым. Разве звук может быть плотным?!

А как же, Серёженька, здесь всё возможно. Твои приятели отдыхают, а ты что? Чем ты хуже? Приляг, соберись с мыслями и потом, на свежую голову…

Нет!!!

Пентаграммы, руны. Эта станция заколдована, Серёженька! Её не пройти.

Но ведь она на пути к Днепру…

Да хоть куда, Серёженька. Хоть к Днепру, хоть в ад, а не пройти!

Сайгон шагнул к Павлу Терентьевичу Ему казалось, что платформа превратилась в расплавленную смолу, и стоит только опустить ногу, как он провалится и плоть его обуглится до костей.

Ещё шаг. Стало чуть легче. Нет тут никакой смолы, и звук вроде прикрутили. Вспышка, ещё, ещё… Чётче видны пигментные пятна на лице старика, искажённом от страха. Такие же пятна были у Майора на щеках, когда он поучал Сайгона: «Никогда — слышишь! — никогда не поддавайся страху! Ощущай его, но не верь ему. Страх — плохой советчик!»

— Павел Терентьевич, вставайте! Потом отдохнёте! — Сайгон хотел ещё сказать «Не бойтесь», но осёкся. — Нечего вам тут делать, Павел Терентьевич. Вы на Днепре нужны, это следующая станция, это не здесь… Да что же это, а?! Эй, старик, ты меня слышишь?!

Старик открыл глаза и едва заметно — вспышка — кивнул.

— Ну и отлично. Поднимайтесь, я помогу… Нет, автомат мне отдайте. Тяжёлый, понесу. Отдайте! — Сайгон буквально вырвал АК из рук метростроевца. Ещё не хватало, чтобы старик в приступе паники продырявил благодетелю череп.

Самолёт вознёсся на сто пять метров. Белая полоса инверсионного следа и едва слышный гул. А значит, верной дорогой идёте, товарищ Ким. Так держать.

Вспышка.

Вспышка.

И две подряд, почти без промежутка.

Растаман. Это не старик, так просто автомат не отберёшь. И мало ли, что Че свернулся в позу зародыша, это ещё ничего не значит. Все мышцы его напряжены — вспышка! — он готов в любой момент вскочить и стрелять во всё, что движется и в

состоянии покоя. Стрелять ради того, чтобы стрелять. Так велит его страх, его ненависть к Хозяину Туннелей.

И вдруг подумалось: эти знаки, эти пентаграммы — вспышка, вспышка, — их начертал Хозяин Туннелей. Не суть всего метро, но конкретный персонаж, как считают людишки. Эдакий мутант с рогами во лбу и слюнявыми клыками в оскаленной хищной пасти.

— Че, надо идти. Вставай. Ты должен, Че.

Тело растамана конвульсивно задёргалось и замерло.

— Ты должен, Че! Должен!

Никакой реакции. Вообще.

— Или Хозяин Туннелей тебя победит, Че. Да уже победил! Ты жертва! Ты, человек, — ноль, ничтожество! Кроты — вершина эволюции. Я, крот, стою над тобой, ты валяешься у моих ног!!! — Последние слова Сайгон выкрикнул с неожиданной для него самого яростью.

Тело растамана выгнулось дугой. Он буквально ломал себя, чтобы подняться — для начала хотя бы на колени. В глазах его сверкали молнии. Че хотел убить Сайгона.

Но пока он только хотел, Сайгон уже действовал.

Хана обуви, Светка ругать будет — он, словно мяч, буцнул автомат растамана. Оружие заскользило по мрамору платформы и утонуло в тени портала. Штанга? Не-а, гол.

— Очнулся, хлюпик? Ну и отлично. Вставай, Че. Пора будить команданте.

Страх по-прежнему владел растаманом, но теперь его почти что вытеснила ненависть к Сайгону. Плюс обида. И недоумение: с каких это пор мальцы поучают ветеранов метро, родившихся ещё в Советском Союзе?!

В черепушке есть ограниченное пространство, в которое сбрасываются чувства. Тот же страх, к примеру. И в какой-то момент оказывается, что объём заполнен под завязку, больше места нет. А тут — ненависть, и девать её некуда, черепушка-то не резиновая. А ненависть прёт и прёт. Тогда срабатывает защита: открывается выпускной клапан, стравливает страх. Место страха занимает ненависть. А потом прёт недоумение — и вытесняет смесь из страха и ненависти. В общем, процесс понятен.

Главное, чтобы защита не сбоила.

Иначе — безумие.

— Подъём, значит? — Че посмотрел в сторону портала и резко отвёл взгляд. Сайгону тоже показалось, что там кто-то притаился и ждёт, когда люди подойдут поближе. — Обещаю, только мы выберемся с этой проклятой станции, тебя ожидает взбучка!

Сайгон хотел похлопать его по плечу, но вовремя отдёрнул

руку. Еще откусит.

Че первым двинул к Фиделю. Негласно было решено его сто третий калаш оставить на станции. Кто-то бросает жетоны, чтобы вернуться, а настоящие растаманы поступают иначе.

И тут накрыло Сайгона.

Ему вдруг показалось, что к нему сзади подкралась злобная тварь, вот-вот слюнявые клыки сломают шею. А тварь эта — Хозяин Туннелей, самое страшное чудовище в киевском метро.

Вспышка.

Ещё.

Бесконечная череда вспышек.

Кабина самолёта, летящего прямо на святошинца. За фонарём лица испуганных пилотов. Столкновения не избежать. И оглушительный рёв — массивная глыба, и, кроме неё, ничего уже нет. Ни самолёта, ни Арсенальной — ничего! А Сайгон — словно жук в янтаре. Вроде и вот он, цел и невредим пока что, но даже пальцем ноги пошевелить не может. А так хочется развернуться и плюнуть в глаза Хозяину Туннелей, хищному рогачу, от которого зависит вся жизнь в метро. Он — Зверь. И номер его…

Сайгон привык встречать опасность лицом к лицу. Или лицом к морде. Но если знаешь, что опасность — это ты, твой страх, твоё безумие, в кого тогда стрелять? Кого резать ножом?

Вспышка.

Ещё минута-две на Арсенальной — и всё, Сайгон превратится в слюнявого идиота, который обделывается при виде собственной тени.

— Ты чего? — Голос растамана, болезненный тычок в рёбра. — Погоди, у нас ещё будет с тобой отдельный разговор.

Удар. И пощёчина. И попытка вырвать у Сайгона автомат. Не надо, этот номер не пройдёт. Сайгон заставил себя сконцентрироваться на оружии — и физически, и мысленно.

— Отпусти, — сказал он Че. — Не отдам.

Хватка сразу ослабла.

— Фидель. Мы должны увести отсюда Фиделя.

Какая похвальная забота о товарище.

Рёв опять превратился лишь в гул, который то затихал, то становился громче. Надо побыстрее уматывать отсюда. Тем более, что жук вырвался из янтаря и может пошевелить не только пальцем.

— Вставай, Фидель! — Че склонился над команданте и потянул его на себя. Тот повис на руках растамана.

Че потащил тело к порталу, освещаемому вспышками. Ни ему, ни Сайгону больше не казалось, что там их кто-то поджидает. Срочно нужно спуститься на рельсы, а дальше —

туннель к Днепру. И зачем они поднимались на платформу? Кому это было нужно?..

Кажется, Фиделю.

— Стой! — крикнул Сайгон.

Че обернулся.

— Это нужно сделать здесь. Иначе его не вернуть. Таким и останется.

Че посмотрел на нить слюны, провисшей из открытого рта команданте, — и кивнул.

— Помоги нашему аксакалу. Вместе уходите. А я… а мы…

Че понял Сайгона без слов. Аккуратно уложил Фиделя, затем, поддерживая метростроевца, скрылся в портале. Напоследок он поднял сжатый кулак — на удачу. Вот и всё, хоть кому-то удалось спастись…

Отсчёт на секунды.

Сайгона и Фиделя разделяли считаные шаги, но Сайгон всё шёл и шёл, словно преодолевая годы и тысячи километров. На платформе между ним и команданте стояли два зенитных пулемёта — НСВТ на самодельных станках, сваренных из обрезков вагонных поручней.

Как они здесь очутились? Четверть центнера сам пулемёт плюс одиннадцать кэгэ лента на полста патронов. Нешуточная масса.

Сайгон оглянулся: потолок, стены, всё кругом было исклёвано пулями. Тут одной лентой не обошлось, потому и гильзы под ногами, много гильз, большие, калибр нешуточный… Что-то забрезжило на краю сознания Сайгона и сгинуло без следа. Не до того сейчас, потом будем ребусы разгадывать. Фидель. Надо спасти Фиделя.

— Вставай! — Сайгон — время дорого, вспышка — врезал команданте ногой в живот. Удар был ощутимый. — Вставай!

Команданте знает, где искать проходческий комплекс. С его помощью можно спасти метро. Кроме того, ему известна судьба губной гармошки Кима-старшего. А значит, Ким-младший просто обязан вытащить Фиделя с Арсенальной. Причём вытащить так, чтобы тот не повредился рассудком, — пусть сработает защита и выпускной клапан откроется.

— Вставай!!!

Слюнявый рот, бессмысленный взгляд.

Гул в ушах всё сильнее и сильнее. Скоро он превратится в рёв авиалайнера, зависшего в каких-то метрах от бетонки. И растамана рядом нет, некому привести Сайгона в чувство.

— Вставай!!! — заорал святошинец, не слыша собственного голоса.

Рёв.

Сайгон упал на колени перед телом команданте. Слюнявый рот, пустые глаза. И этот человек провёл спасателей почти через всё метро? Как можно было доверить свою жизнь, свою судьбу этому куску мяса?!

Вспышка.

Руки Сайгона шарили по телу команданте, проскальзывая под одежду. Сайгон не вор, он даже не стал мародёром. Руки — это ещё не он. Он — сам по себе, они — сами.

Вспышка.

Чужие руки поднесли гармошку к губам.

Вспышка, вспышка, ещё, и ещё, и….

Сайгон так и не научился играть ни на одном музыкальном инструменте. Ему медведь на ухо наступил. Как, интересно, сейчас медведи выглядят?..

Сайгон поглубже вдохнул — и выдул из губной гармошки протяжный тоскливый звук. Этот звук пробил дыру в монолите самолётного рёва.

И станция погрузилась во мглу.

Глава 23
НЕГАТИВ

Вспышка резанула по глазам, прогнав мрак.

— Дай сюда! — Фидель вырвал из рук Сайгона губную гармошку. — Нельзя же так над инструментом издеваться!

Команданте поднялся, отёр лицо и с изумлением огляделся по сторонам:

— Где они?

— Кто? — Прыгая на одной ноге, Сайгон тряс головой — он решил, что это поможет избавиться от гула в голове. Его автомат и АК метростроевца позвякивали на плече.

— Те твари, что обитают на станции. Они всегда подкрадываются со спины. Ты оборачиваешься, но они всякий раз ускользают, ты даже не успеваешь их рассмотреть, не то что попасть в них. Стреляешь, стреляешь, стреляешь — и всё мимо! Однажды мы притащили сюда пулемёты, но Арсенальную пройти так и не смогли…

Сайгон похолодел. Подкрадываются со спины?

…Кто-то стоит сзади. Вот-вот накинется и вопьётся клыками в шейные позвонки. Этот кто-то — Хозяин Туннелей, рогатый мутант…

Фидель испытывает тот же ужас, что и Сайгон. А значит…

— Надо убираться отсюда, пока мы ещё в состоянии.

Пошатываясь, Фидель двинул к порталу. Сайгон рад был ему помочь, но он и сам едва переставлял ноги. От вспышек света рябило в глазах, всё сливалось в одну чёрно-белую картинку, где белого куда больше, а предметы угадываются лишь по едва заметным очертаниям.

— Негатив.

— Что?

— Пространство вокруг — стены, свод и ты, малыш, — сплошной засвеченный негатив.

Вспышка.

— Нас фотографируют — и тут же выбрасывают плёнку.

Сайгон не стал спрашивать, что это значит.

* * *

Арсенальная отпустила спасателей. Все покинули станцию, потерь нет.

В туннеле обессилевшие, вымотанные ощущением опасности за спиной — рогатая тварь преследует тебя! — команданте и Сайгон упали. В груди стучало. Сайгон слышал, как сердце грозилось выломать рёбра и, прорвав кожу, вывалиться на шпалы. Остыть. Наконец отдохнуть.

Но это ерунда. Главное — исчезли посторонние шумы, никакого гула, никакого рёва. К чёрту самолёты! И больше никто не стоит за спиной. А что колотит дрожь — так это потому, что слишком много адреналина в крови. Не страшно, скоро пройдёт. Скоро пройдет.

Чуть продышавшись, Сайгон в темноте — фонарь не включал — повернул голову к Фиделю, который шумно сопел рядом:

— Что за пулемёты были на платформе? Откуда?

Фидель затаил дыхание. Потом выдохнул:

— А с чего ты взял, что я знаю?

— А разве нет?

— Это была прошлая попытка пройти станцию. Неудачная. Пулемёты пришлось оставить, — ответил за команданте Че.

Он, как всегда, подкрался бесшумно и пристроился рядом с Сайгоном. После прежних его шуток с ножом Сайгон хотел бы научиться обнаруживать присутствие старого растамана заранее… Крот он или не крот, в конце концов? Надо чувствовать такие вещи…

Судя по голосу Че, Арсенальная его сурово вымотала. Нет, ему сейчас не до балагурства.

Послышался характерный скрежет — это растаман чесал щетину на горле.

— «Оставить» — не совсем подходящее слово, — поправился он. — Точнее будет «бросить». Бежали мы так, что подошвы дымились. Какие уж тут пулемёты? А как вспомню, что мы, два идиота, через всё метро тащили… Эх!

Пулемёты. Через всё метро. НСВТ на блокпосту у Метро-Сечи… Щелчок — и в голове Сайгона сложилась цельная картина. С Академгородка и Житомирской злоумышленники выкрали зенитные пулемёты, заодно вырезав охрану. У папуаса на Крещатике были шрамы — кресты! — на руках. А значит, родом он с Житомирской. Потому и шум поднял, что узнал вора — Фиделя узнал! А жуткий шрам на горле — папуас этот был охранником и всё-таки выжил. Не дорезали его на посту у Житомирской, Фидель не дорезал! Или Че. Ну да Фидель таки закончил начатое… А вот как охранник с Житомирской оказался на Крещатике? Да мало ли, может, патриарх отправил его искать пропавший пулемёт, а он возьми и жабу попробуй… И застрял на этом волшебном острове навсегда.

Ну и черт бы с ним, с папуасом! Неудачник и неудачник.

Фидель и Че — вот кто важен. Не получается ли, что спасатели — заурядные убийцы и воры, а вовсе не борцы за счастье жителей всея метро?

Сайгон прикусил губу.

Не суди и не судим будешь, Серёженька. Сам-то небось ангел небесный во плоти? Забыл про отметины на спине, которые «Спаси и сохрани»? Или просто так буковки на Житомирской намалевали? Не просто.

Но это же мерзко — творить великие дела, совершая низменные поступки. Не прав ты, Фидель, и ты, Че, не прав. Нельзя делать добро из зла, душок будет изрядный. И привкус гадостный. Не нужно киевскому метро такое добро. Уж лучше не притворяться, не выгораживать злодейство благими намерениями. Так-то честнее будет.

Или не лучше?

Кряхтя, Сайгон встал, включил фонарь.

— Сквозняк. Простынем.

— И то верно, просквозит ещё… Надо бы получше одеться. — Че принялся распаковывать противорадиационный комплект. — Сколько можно таскать эту тяжесть?

Фидель, а затем и Сайгон последовали его примеру.

Павел Терентьевич замычал. Он поймал святошинца за руку и потянул за собой, обратно к Арсенальной.

— Павел Терентьевич, нам ведь надо на станцию Днепр, — мягко вырвался Сайгон, — а это в другую сторону.

Метростроевец покачал головой. Постояв чуть — остаться со спасателями или вернуться? — он разделся, потом натянул на себя РЗК. Со свинцовыми трусами ему пришлось повозиться. При этом у старика был такой обречённый вид, будто он гроб примерял.

Будто они все гробы примеряли.

* * *

Че переоделся первым. Выглядел он, мягко говоря, необычно.

Он был похож на заблудившегося астронавта в скафандре. Мол, вышел в открытый космос на звёздочки посмотреть, шагнул за второй модуль — и вдруг оказался в подземке. Что-то, наверное, не то принял. Подскажите, товарищи, как мне выйти на орбиту.

Голову Че прикрывало мощное нечто с прозрачным забралом до середины груди. На спине у растамана вырос заметный горб —

аппарат дыхания, пока что не используемый, ведь ещё можно дышать воздухом метро, а вот дальше… Поживём — увидим, что будет дальше.

— Знаешь, как эта штука называется? — постучал себя по «голове» Че. — Шлем радиационно-защитный с каской «Труд».

Сайгон кивнул — мол, круто, не то слово.

Его безмерно впечатлили свинцовые стельки в сапогах — в таких «кроссовках» особо не побегаешь. Трусы, стельки… Теперь понятно, почему комплект столько весит. Да тут одних только перчаток два вида плюс рукавицы. Переодеваясь, Сайгон даже вспотел, так умаялся. А если активно двигаться?..

Толщина и материалы частей РЗК варьируются, потому что они прикрывают разные органы: спинной мозг надо бы лучше спрятать от радиации, а ногами можно пожертвовать. Хорошо бы защита была везде толстой, но в таком случае РЗК весил бы столько, что Сайгон не прошёл бы в нём и двух шагов.

— А почему мы сейчас переодеваемся? Ведь до Днепра ещё топать и топать?

— Малыш, подумай, тебе хочется обновку примерять на поверхности? Лучше уж заранее…

* * *

Фидель оказался прав.

И пусть переход выдался таким тяжёлым, что Сайгон уже и не мечтал дойти, защита от радиации оказалась к месту. Да хотя бы потому, что станция Днепр располагалась на поверхности, откуда в метро затягивало грязный, зараженный воздух. Лишний вдох полной грудью не сулил здоровью ничего хорошего.

С дыхательной маской на лице не очень поговоришь, но Сайгон без труда понял смысл ужимок Че. Мол, вот тебе, Сайгон, тот самый чистый газ, в который ты так веришь. Все вы, кроты, дышите отравой, жрёте отраву, а потом плодитесь…

Станция Днепр. Поверхность. Двадцать лет святошинец привыкал ощущать потолок над головой. А тут потолка нет.

Вечерело. Падал мелкий снег.

На миг Сайгон испугался, что он розового цвета, но нет — обычный, каким запомнился, то есть белый.

Тишину нарушало лишь прерывистое дыхание четырёх спасателей. Ровно четыре пятна желтели на молочном фоне планеты. Умник, придумавший такую ядрёную окраску РЗК, явно не рассчитывал на то, что людям надо будет скрываться от мутантов.

Косые лучи солнца со скоростью света таранили тяжёлые облака и обломками падали вниз. Прям картинка из сна Сайгона, увиденного им в туннеле между Вокзальной и Университетом. Только Сайгон не обнажён, а очень даже наоборот. Да и счётчика Гейгера у него с собой нет, проверить уровень радиации не получится. А и будь приборчик, и даже спой он свою тревожную арию — разве это остановило бы спасателей, проделавших долгий, полный лишений и опасностей путь? Нет, конечно. Сайгон ни за что бы не повернул назад. Он дошёл! Дошёл! Даже не верится…

Сайгон вздрогнул, заметив следы на снегу, — прямо как во сне.

Он резко обернулся, но никто не спешил атаковать его со спины. Какие-то тени мелькали в отдалении, не рискуя встать в полный рост. Че жестами показал, что это мелочевка, недостойная внимания и потраченных патронов.

Вестибюль под станцией был раскурочен, от стёкол не осталось и следа. По правую сторону от эстакады должна была возвышаться скульптура, но её не было. И метромост, тянувшийся когда-то к Гидропарку, рухнул, сгинул. Зато слева статуя сохранилась — женщина с птицами, взлетающими с воздетых к небу рук.

И тут, словно стократно увеличенная тень от прикованных к бетонной женщине железных птиц, в небе пронеслось нечто огромное… размером с фронтовой штурмовик, так сказал Фидель. Громадное летучее чудище.

Тут же, то ли приветствуя монстра, то ли от ужаса при его появлении, взвыли по всей округе десятки невидимых глазу тварей.

Чудище развернулось над рекой по полой дуге и устремилось к станции.

Только тогда до Сайгона дошло, что это и есть лыбидь. Кошмар из кошмаров, бич мародеров, гроза нового мира.

Тот самый лыбидь, что убил Майора!

Сайгон вскинул к плечу автомат, но на спуск нажать не успел — Фидель схватил АК за ствол и направил вниз, замахал рукой — мол, ты что, спятил?! Судя по габаритам мутанта, долбить по нему имеет смысл разве что из НСВТ, и то без гарантий.

И как эта туша умудрилась подняться в воздух? Это ж сколько жрать надо, чтобы поддерживать такую массу тела? И кого?..

Спикировав, лыбидь едва не напоролся на статую — в последний момент вывернул в сторону. Заложив вираж, теперь он планировал на спасателей. Как зачарованные, четверо людей в желтых РЗК глядели на стремительно приближающееся

воплощение смерти…

Но лыбидя привлекли вовсе не спасатели.

Резко затормозив — хлопок перепончатых крыльев, — мутант рухнул в сугроб, образовавшийся на рельсах. В тот же миг «сугроб» ожил, развалившись на десятки живых составляющих, каждая из которых, истошно визжа, кинулась прочь от летающего монстра. Что за странное лежбище? Что за жуткие твари!

Сайгон мысленно поблагодарил лыбидя. Если бы не эта летучая громада, команда Фиделя обязательно нарвалась бы на засаду. А так — вот они, десятки двуногих и двуруких созданий, очень похожих на людей, но ниже ростом и поросших плотной снежно-белой шерстью.

Все они мчались к спасателям.

Фидель открыл огонь первым, тем самым подав пример товарищам. Че и Павел Терентьевич замешкались, а вот Сайгона долго упрашивать было не надо. Пятясь, он посылал в мутантов очередь за очередью. Мутанты проваливались по грудь, а то и вовсе погружались с головой в снег, но выныривали на метр-два ближе к спасателям. Пули выбивали из наста ледяные фонтанчики.

Четвёрке в РЗК просто повезло, что платформы и пути завалило и зверьё при всём желании не могло разогнаться как следует. Иначе людям пришлось бы туго.

Магазин опустел, заменить. Дать остыть автомату, пока стреляет Че. А кровь у мутантов красная, и умирают они очень даже запросто. Сайгон почему-то думал, что белая должна быть и попадать надо непременно в голову. Нет. Обычные живые… чуть не подумал — «люди»…

И вдруг — тишина. У всех спасателей одновременно закончились патроны. А на то, чтобы перезарядиться, нужно время. Каждая секунда на счету!

Секунды этой хватило крупному белому созданию — видно, самец, — чтобы добраться до Павла Терентьевича и сбить его с ног. Жёлтые клыки скользнули по забралу, не причинив старику вреда. А если б не было забрала, то с лицом своим дед распрощался бы.

Прикладом Фидель раскроил мутанту затылок. Метростроевец с омерзением сбросил с себя конвульсивно подрагивающую тушу.

В это время на путях бушевала настоящая вьюга — лыбидь размахивал крыльями, пытаясь набрать высоту. В его пасти поместилось не меньше пяти белых мутантов разом. Куда он? В гнездо их, что ли, понес? Деток кормить?

Наконец монстр оторвался от горизонтали и, зацепив

перекошенные фонарные столбы, свалился с эстакады. Крылья расправились, летун мгновенно ушёл вверх, несколько взмахов — и огромное тело скрылось за облаками.

Но это не успокоило белых обезьян — на станции Днепр их оказалась тьма-тьмущая.

Надо отступать. Для начала хотя бы в вестибюль станции. Мутантов слишком много, а патроны имеют свойство заканчиваться.

Провал. Это провал всей операции!

Сайгон хотел крикнуть об этом Фиделю, но в шлеме да ещё с маской аппарата дыхания на лице издавать громкие звуки не очень-то получалось. И пусть. Святошинец не словом, но делом покажет, что людям на поверхности не место. Кроты должны жить под землёй, и точка.

Сайгон скатился по лестнице. Голубая плитка на стене не утратила свой цвет от времени, просто в кладке появились прорехи. Как челюсть старика: то, что осталось, ещё вполне, но чего нет, того нет.

Позади послышалась тяжёлая поступь Фиделя — команданте тоже не желал кормить мохнатых тварей. Следом спускался Че. Лишь у ржавых турникетов Сайгон сообразил, что не хватает Павла Терентьевича. Ох уж этот старикан! Вечно с ним проблемы! Проклиная всё и вся, Сайгон потопал обратно. Но подниматься на платформу не пришлось — дав пару очередей по мутантам, старик проковылял мимо фермера, будто так и надо.

А сверху напирало зверьё. Стоило только открыть по мутантам огонь, они откатывались назад, оставляя трупы своих сородичей. Но через несколько секунд после того, как затихал автомат, белые обезьяны вновь шли на приступ вестибюля. Сайгон быстро раскусил их тактику. Но лестниц две, а он один, мутанты в любой момент могут взять его в кольцо.

Так и получилось.

Глухой рык за спиной. Сайгон обернулся, получил удар когтистой лапой по забралу и упал. Удар был такой сильный, что забрало треснуло, осколки его попали внутрь комбинезона. Лёжа, Сайгон выпустил очередь в живот мутанта, того согнуло пополам и отбросило назад. Но вот беда: это был не единственный монстр, желающий пробраться в метро, не оплатив проезд.

Очередь. Оставив нескольких тварей корчиться на полу, Сайгон протиснулся через турникеты, спрыгнул с трёхступенчатой округлой лесенки и застыл в недоумении. Пока он сражался с мутантами, спасатели куда-то запропастились.

Крупная тварь взобралась на будку у турникетов. Стёкол в будке давно не было, аппаратура внутри пришла в негодность

годы назад, но крыша вполне способна была выдержать мутанта килограммов на полста. Что же это он, прыгать Сайгону на голову оттуда собрался?

Первой же очередью Сергей уложил тварь на пол. Прочие мутанты в который раз уже кинулись по лестницам вверх, стараясь как можно быстрее уйти с линии огня.

Инстинкт самосохранения — это хорошо. Да здравствует инстинкт самосохранения! Если бы твари не боялись смерти или догадались атаковать скопом, невзирая на потери, Сайгон не выстоял бы против стаи и тридцати секунд.

А так его хватит еще минуты на полторы…

Где Фидель?! Где Че и Павел Терентьевич?! Как они могли оставить Сайгона одного?! Добрались до Днепра, и фермер стал им больше не нужен?..

Вдруг справа от будки, в стене, слегка, будто от сквозняка, приоткрылась дверь. Сайгон понял: это знак судьбы. Хозяин Туннелей все еще не отвернулся от него. Не мешкая, он бросился к служебному входу. О том, что это служебный ход, а не общественный сортир или еще что пострашнее, гласила табличка, прикрученная шурупом к лакированной древесине.

За дверью поджидал Че. Сайгон хотел уже возмутиться, но растаман прижал к забралу указательный палец, затянутый в чёрную резину со свинцовой проволокой.

Когда между пальцем и губами сантиметров десять, можно ли этот жест считать просьбой хранить мёртвую тишину? Или же это мольба шуметь не очень громко, то есть стрелять не очередями, но одиночными? При случае Сайгон уточнит этот момент, а пока что он не будет издавать ни звука. Тише едешь — дальше будешь. Кажется, так говорили на поверхности. Предки в целом были мудрыми людьми. В целом, если не считаться с тем, что они уничтожили весь мир. Это, конечно, с их стороны промашка.

По узкому коридорчику Сайгон и Че вышли на лестничную площадку, где их дожидались Фидель и Павел Терентьевич. Метростроевец все что-то чёркал в блокноте и показывал написанное Фиделю.

Сайгон снял шлем и сорвал маску аппарата дыхания. Надоела! Прохладный воздух приятно коснулся разгорячённых щёк. Всё равно ведь забрало разбито…

Спасатели дружно уставились на него. Всё тем же прорезиненным пальцем Че покрутил у виска.

Сайгон прочистил горло:

— А мне плевать, — и сплюнул на пол.

Растаман вдруг затрясся, издавая хрюкающие звуки. Под этот аккомпанемент он освободился от шлема и маски. Безумие

заразительно. Следующим разоблачился Павел Терентьевич, а дольше всех общему порыву сопротивлялся Фидель. Но и он сдался. Теперь спасатели могли разговаривать друг с другом. Ну, кроме метростроевца.

— Старик говорит… пишет… что нам нужно спуститься по лестнице. Вроде как там, в просторном зале, он и его товарищи оставили «Марусю».

— Кого? — Сайгон, наверное, ослышался.

— Щит… Ну, проходческий комплекс. Эти старые извращенцы давали им женские имена. Традиция такая была.

Павел Терентьевич кивнул, подтверждая слова команданте.

— Ну, с богом! — Че первым шагнул на лестницу, ведущую вниз.

И тут же отшатнулся, вскинув автомат к плечу.

* * *

Сайгон подбежал к растаману, намереваясь сразу же открыть огонь. Но то, что он увидел, это было… это…

Чёрная фигура медленно, словно проталкивая себя через толщу воды, приближалась. Ступенька, вторая, третья… Лестничный пролёт был удивительно длинным. Несуразно тонкие длинные руки покачивались, будто ветви ивы на ветру, — это сравнение пришло Сайгону на ум внезапно, вместе с болью в висках. Возле подъезда, где жили Кимы, росла большущая ива, и когда дул ветер…

Глаза закрылись. Родной подъезд. Рвануть бы вверх, открыть дверь своим ключом и, не разуваясь, помчаться на кухню, откуда тянет жаром кастрюль, ведь мама вернулась уже с работы и варит борщ…

Сайгон мотнул головой, прогоняя наваждение. Чёрной фигуры внизу больше не было.

— Кажется, я что-то видел. Или нет?

— Какой-то новый мутант. Внебрачное дитя катастрофы. — Че опустил автомат.

— По мне, белые обезьяны как-то обаятельней, — вымученно улыбнулся Сайгон.

На червей, протеев и пацюков чёрные твари вообще не походили, а также ничуть не напоминали белых обезьян и крылатого лыбидя. Внебрачное дитя катастрофы, как сказал растаман.

Давно подмечено: те, кто постарше, называет Последнюю войну «катастрофой» или «катаклизмом». Или ещё как-нибудь

нейтрально: «полнейшее безумие», например. Тяжело им признать, что на Крещатике больше никогда не расцветут каштаны. Зато молодёжь не гнушается правды: война — она и есть война, как её ни назови.

Долгий путь вниз.

Сайгону казалось, что они спускаются уже целую вечность. Неспешно, с автоматами наперевес. Если что — огонь на поражение. Рутина, будни спасателя. Сайгон уже привык к такому образу жизни, и для Фиделя с Че это норма, а вот за старика он опасался. Не то чтобы тот сильно сдал, ведь и раньше хватался за сердечко, но… Это ведь не может продолжаться вечно? С такими нагрузками скоро настанет момент, когда Павел Терентьевич отправится-таки на свидание с предками. Душа его покинет бренное тело, просочится сквозь бетон и землю… Сайгон верил, что души тех, кто умер после войны, возвращаются в город. Бесконечно бродить по развалинам, кишащим мутантами.

Метростроевец упал на одно колено. Попытался встать — не получилось.

— Павел Терентьевич, что с вами?! — Сайгон кинулся к старику. С трудом — сказывалась усталость — помог встать на ноги и почувствовал, как рука Павла Терентьевича ощупывает его. — Что вы делаете?!

Старичок замахал руками: мол, не бойся, всё в порядке, и неожиданно, расстегнув РЗК Сайгона, запустил ладошку под многочисленные покровы противорадиационного костюма.

— Что вы?!

И тут Сайгону стало не до расспросов.

Ибо Че, одолев спуск, вдруг принялся плясать гопак — на зависть обитателям Метро-Сечи. Фидель же просто раскинул руки и встретил Сайгона и метростроевца такими словами:

— Есть! Мы нашли его! Щит! Мы нашли проходческий щит!!!

Глава 24
ВАВИЛОН

Замкнутая стальная конструкция.

Гидравлические домкраты, сборная обделка из бетонных тюбингов. Ротор с резцами под мягкие пластичные глины. От него порода подаётся на конвейер, а оттуда — на вагонетки. Гироскопы и лазерные теодолиты — для точной прокладки курса…

— За месяц можно километр пройти! — радовался Фидель. — Но нам столько не надо! Давай, «Маруся», не подведи!

Павел Терентьевич сразу ожил и даже будто лет на двадцать помолодел. Он живо вскарабкался к пульту управления. Сайгон завороженно наблюдал, как метростроевец колдует над двумя рядами кнопок — один ряд синий, второй красный. И это только на вертикальной панели. А ещё есть кнопки на горизонтальной и целая куча разных циферблатов — Сайгон насчитал их аж четырнадцать штук. И как в этом всём разобраться?.. Хорошо, что он убедил Павла Терентьевича присоединиться к спасателям!

Тот, кстати, времени не терял. Что-то нажал, повертел, проверил показания — и щит ожил! Мерно загудело электричество, включилось освещение зала.

Вот оно — то, ради чего спасатели проделали такой тяжёлый, полный лишений и потерь путь! Павел Терентьевич обернулся и подмигнул Сайгону, мол, оборудование в порядке! Даже удивительно, что спустя столько лет всё цело, всё на месте. Спасибо мутантам, обитающим на станции, — они надёжно охраняли «Марусю» от мародёров.

Это вовсе не конец.

Нет! Наоборот! Это лишь начало.

Ведь многотонное оборудование и материалы, что хранятся здесь, нужно перебросить на другую станцию, к примеру, на Академгородок, — и только потом дальше рыть туннель. А для этого нужны люди, много людей. И много сил. И надо убедить паханов, императоров и прочих начальников-царьков, чтобы разрешили спасателям пройти с грузом через их станции.

Всё только начинается, вдруг понял Сайгон.

Ну да Фидель со всем справится. Он обладает поистине чудесным даром убеждения! Раз Сайгона смог подбить на подвиг, то и Космоса как-нибудь умастит. Главное, чтобы все поняли: война за жизненное пространство не нужна, незачем проливать кровь!

Сайгон ликовал. Он едва сдерживался, чтобы не пуститься в пляс вслед за Че.

И потому не сразу заметил компас в руках у Фиделя.

Команданте что-то втолковывал Павлу Терентьевичу. Из-за шума комплекса, работающего вхолостую, Сайгон не слышал беседы. Лишь подойдя ближе, смог кое-что разобрать.

— Ты что, не только немой, но и тупой?! Река там. Туда рыть будем! Понял? — Фидель, ещё раз взглянув на компас, указал направление.

Павел Терентьевич отрицательно тряс головой и умоляюще мычал.

Фидель бесился.

А Сайгон ничего не мог понять.

Какая ещё река? И зачем куда-то здесь рыть?

Он даже забыл, что самое время выяснить, откуда у Фиделя губная гармошка. Счастье-то какое: за долгие годы проходческий комплекс не проржавел насквозь, его не залило грунтовыми водами, изоляцию не сожрали крысы и пацюки… В общем, чудо, что он до сих пор исправен!

Во время путешествия Сайгон запрещал себе даже думать о том, что вероятность успеха мизерна, им двигал лишь энтузиазм, который честнее назвать фанатизмом. Ведь другого варианта спасения метро не существовало. Поэтому щит просто обязан был заработать с полоборота, как же иначе? Нельзя же так, чтобы совсем без надежды!

Или всё-таки можно?..

— Эй, я кому говорю?! Врубай эту шарманку по полной! И не надо делать удивлённые глаза, уж ты-то, старый козёл, с самого начала понимал, для чего всё задумано! — Фиделя словно подменили. Точно таким же он был на Берестейской, когда Сайгон только-только с ним встретился. А тогда Сайгону он очень не понравился.

Че тоже вдруг стал серьёзным, как ранение в живот.

Павел Терентьевич опять что-то промычал и принялся жать на кнопки — через секунду гудение стихло, комплекс вновь был отключён. Это повергло Фиделя в ярость. Он навёл автомат на старика и нажал на спуск.

Старик упал. Сайгон сразу понял, что он мёртв.

Как же так?! Зачем?! Ведь новые туннели и жизненное пространство, чтобы не было войны?!..

Всё вдруг встало с ног на голову.

Что происходит, а?!

Он кинулся к Павлу Терентьевичу, зная, что тому уже не помочь. Но вдруг метростроевец жив? Ведь чудеса в метро

случаются! Спасатели нашли проходческий щит — разве это не чудо?!..

На дряблой шее старика пульс не прощупывался. На руке тоже.

Сайгон молча посмотрел Фиделю в глаза.

Тот с жаром затараторил:

— Так было надо, малыш. Он сам виноват, он выключил щит. Я испугался, что гнусный старпёр испортит оборудование. Знаешь, как в кино: нажмёт на красную кнопку — и бах-тара-рах, всё в огне. А тут столько красных кнопок!

Сайгон кивал Фиделю, зная, что тот врёт, и прикидывал, успеет ли он выстрелить первым, или же его опередит Че, который стоял чуть правее и не спускал с обоих глаз.

— Можно вопрос, Фидель?

— Валяй, малыш. — Команданте отвернулся, чтобы нажать пару кнопок на пульте. Похоже, он и сам знал, как запустить комплекс.

— Братишка, ты ведь не собираешься расширять подземелье, а?

Фидель на миг застыл, потом бросил через плечо:

— Ты на редкость догадлив, малыш. Горжусь тобой.

— Но что… Что ты хочешь…

Загудело электричество, и глаза Фиделя заискрили.

— Мы запустим «Марусю», и наша сладкая девочка пророет туннель к реке!

— Но зачем?..

Че пропал из виду, Сайгон занервничал. Кровь стучала в висках. Глаза слезились.

— Как это зачем? Конечно, для того, чтобы затопить подземку!

Затопить киевское метро?..

Затопить?! Киевское?! Метро?!

— Но зачем?! Почему?.. — Сайгон хватал воздух, как изловленный протей, и таращился на Фиделя, надеясь, что все услышанное им окажется шуткой. Просто шуткой.

— Чтобы уничтожить этот гадюшник, — спокойно и ласково улыбнулся Фидель.

Он безумен! Да он просто маньяк!

И за этим человеком Сайгон шёл, подчинялся ему и даже оправдывал его преступления? Мол, используем зло, да, но исключительно ради великой цели, потому что с добром у нас напряжёнка или просто закончились патроны.

И вот на тебе…

Но зачем, господи, зачем им рушить своды, зачем убивать

жалкие тысячи чудом выживших в войну и из последних сил до сих пор цепляющихся за жизнь? Как же надо ненавидеть человечество, как надо ненавидеть метро, чтобы с таким остервенением, настойчиво, рискуя собственной шкурой и шкурами своих товарищей, рваться на эту станцию, рваться к этому адскому механизму, орудию Судного дня? Какая по счету это экспедиция? Во сколько жизней обошлись Фиделю предыдущие? В чем смысл?!

— Мы уходим из Вавилона в страну предков! — послышался сзади голос Че.

Растаман заодно с Фиделем. Ну это как раз понятно. Костяк всей экспедиции — сладкая парочка. Остальные — расходный материал. Сайгон тоже?.. Разумеется, да. Его взяли с собой только потому, что он попался Фиделю под ноги, сам напросился. На какое особое отношение он рассчитывает?

— И зачем ты, малыш, притащил сюда старикашку? Че на Театральной хотел избавить тебя от лишнего груза, но ты ему помешал. А всё дело в том, малыш, что…

Растаман перебил Фиделя:

— Уничтожить Вавилон должен сильный духом человек. Такой, как я. Или как ты. Или как наш друг Фидель. Старик для этой роли не подходил.

Значит, это растаман пытался убить метростроевца? Вот так просто, без угрызений совести, избавить от груза. Лишнего.

— Вавилон? — потряс головой Сайгон. — Почему Вавилон?

— Вавилон это метро, — пояснил Че. — А страна предков — поверхность.

— Ты думаешь, что я сумасшедший, малыш? — проникновенно взглянув Сайгону в глаза, спросил Фидель. — Что я маньяк? Это не так. Это не так. Да, у меня есть цель. Да, я готов ради этой цели жертвовать человеческими жизнями. Но я не убиваю просто ради того, чтобы убивать. Цель есть. Есть смысл!

— Я не понимаю…

— Посмотри на себя, малыш. Вспомни тех людей, которых видел вокруг за наш короткий поход. Папуасы, лижущие жаб. Сатанисты, жрущие человеческие души. Осатаневшие бабенки. Голодранцы, ворующие чужую собственность под благовидными предлогами. Убийцы, убийцы, и еще раз убийцы. И ты, торговец хомяками, их спаситель. Кого ты хочешь спасти?! Это не человечество! Метро разложило нас. Жизнь без солнца и неба превратила нас в мерзотных зверьков, в морлоков. Мы жрем друг друга и спим в собственном дерьме, совокупляемся на глазах у других и жрем все, что попадется на глаза. Это не человечество! Метро выпивает из нас разум, отбирает у нас достоинство! Еще

поколение — и мы изменимся до неузнаваемости…

Сайгон слушал Фиделя, смотрел в его полыхающие глаза и был почти согласен с ним. Вдруг ему снова показалось, что команданте не безумен, что во всех его действиях и вправду есть смысл, что вот-вот этот смысл станет ему ясен… Хорошо, почти сказал Сайгон, но что же тогда делать? Как быть?

— И потому мы должны уничтожить метро. Не дать людям окончательно переродиться в кротов! Выкурить их из этих гадостных нор на поверхность. Пусть учатся дышать заново настоящим воздухом! Пусть все увидят небо! Пусть сразятся с чудовищами и закалятся в боях! Хватит отсиживаться в катакомбах!

— Но сейчас слишком рано! — опомнился Сайгон. — Мы же только потому живы, что носим РЗК — и ты, и я… Воздух заражен! Вода заражена… Мутанты… Жить негде… Слишком рано!

— А завтра будет слишком поздно, — горько покачал головой Фидель. — Завтра у вас не будет человека, который заставит вас покинуть пещеры и распрямиться. Завтра вы все ослепнете и будете ползать на карачках с рождения и до смерти, потому что под землей так сподручнее… А сегодня у вас есть я!

— Ты не спасешь их! Ты их погубишь! Женщин… Детей! Они просто захлебнутся радиоактивной жижей… Ты это называешь спасением?! — заорал Сайгон.

Команданте покачал головой, ничего не отвечая. Его лоб прорезали глубокие морщины, а глаза погасли и теперь казались двумя черными провалами на восковом лице. Он тяжело вздохнул… Неужели Сайгону удалось пробить бетон его убежденности?

Но тут вмешался Че.

— Не смей его слушать, Фидель! Помни, какая у нас миссия! Метро — Вавилон, город порока, город бездуховных и бездушных, град обреченный! Только на его руинах создастся царство духа, Зион! Человечество как феникс — оно не обновится и не восстанет, если сначала не обратить его в пепел! Мы избраны для того, чтобы обновить человечество! Этот мальчишка — просто крот, и он пытается защитить от нас других кротов! Из него уже не сделать человека, и он мешает нам перековать в людей тех, кого еще можно спасти! Очнись, Фидель! Джа говорит моими устами! Джа зовет нас назад, наверх, в страну предков!

— Страна предков мертва! Вы сами видели! Там никто не выживет! — орал в ответ Сайгон, но команданте уже не слышал.

— В тебе говорит страх. Жаль, малыш, я думал, ты — один из нас, ты — сильный духом. Когда метро затопит, кроты буду

дохнуть не от воды, а те, кто поднимется наверх, — не от радиации! Вас загубит страх. Страх нового, страх неожиданного, открытых пространств, неба надо головой, страх новой жизни! Фильтры метро вышли из строя давным-давно! Все метро много лет пьет отравленную воду и дышит отравленным воздухом! У кротов давно выработался иммунитет, но вы боитесь поверить в свои силы!

— Ты разве не видел детей, которых зачали под облучением? Не видел людей, которые живут на незащищенных станциях? Среди них нет здоровых, сплошные уроды! Почему ты хочешь выгнать людей из метро на погибель?!

— Уроды?! — Голос Фиделя вдруг вырос, загремел под сводами, и сам Фидель словно прибавил в росте. Казалось, что какой-то древний могучий бог, долго и терпеливо притворявшийся человеком, вышел из себя и забыл о необходимости изображать смертного. — Уроды?! Нет! Это будут новые люди! Такие, как мой сын, Ункас! Неуязвимые для радиации! Способные побороть любого мутанта или найти общий язык с ним! Там, наверху, то, что ты называешь уродством, будет эталоном красоты!

— Ты… Ты делаешь все это из-за своего сына? — обалдело спросил Сайгон.

— Он спасется. Когда хлынут воды, он поднимется наверх… Я указал ему путь, вентшахту… Мой мальчик будет встречать всех, кто побежит из метро. Я соберу выживших под своим знаменем, я научу их жить наверху! А он станет моим наследником. Человечество возродится!

Сайгон вдруг вспомнил прощальный разговор Ункаса и Фиделя:

…Всё, что я делаю, я делаю ради тебя!..

Вот и все. Глупо спорить. Этих двоих ему не переубедить…

Сайгон представил бурлящие потоки радиоактивной воды, клокочущей в туннелях и смывающей целые станции. В водоворотах кружат люди, бестолково дрыгая конечностями. Они хватаются друг за друга и тонут, тонут, тонут… Быть может, пара сотен человек и выберется наверх, но все остальные обречены. И Фидель это понимает. Че тоже знает, к каким последствиям приведёт его план. Кроты попросту не смогут подняться на поверхность — захлебнувшись, они навсегда останутся в своих норах, это же очевидно! Но растаману с команданте и не нужна большая паства. Меньше народу — проще править.

Андрюшка не умеет плавать. Светка тоже…

Какой же он, Сайгон, идиот… Господи, какой он идиот! Ведь не ради гармошки, не ради черт знает когда сгинувшего отца

Сайгон остался с этими безумцами. Нет, они убедили его, что нет другого способа предотвратить войну, нет иного пути спасти и собственную семью, и уберечь от резни людишек на прочих станциях… Он, прожжённый циник, проникся их идеями, поверил им!

Сайгон потянулся за автоматом, что висел у него на плече. Авось успеет. Должен успеть!

Фидель тут же взял его на прицел. И задумчиво прищурился, словно решая, стрелять или погодить немного.

Надо отвлечь его.

— Так значит, никакой войны не будет? — спросил Сайгон. — Вы выдумали все это, чтобы я пошел с вами? Выдумали, чтобы просто навербовать в свой отряд побольше пушечного мяса?

— Как не будет? Обязательно будет! — довольно улыбнулся Фидель. — Война это наш «план Б». В прошлый раз мы слишком рассчитывали на этот щит, но так и не сумели до него добраться, застряли на Арсенальной. На сей раз мы подготовили запасной вариант… Даже если бы на Днепре не оказалось никакого проходческого комплекса, все должно было сработать!

— Что? — вытаращил глаза Сайгон.

— Война — отличный способ выкурить кротов. Не такой надежный, как потоп, и не такой изящный, но для подстраховки сойдет!

Пока Фидель говорил, Сайгон по миллиметру, очень медленно двигал руку к автомату. Если быстро вскинуть оружие и нажать на спуск, то…

— Альянс — это моя идея. Я убедил Крыгу и Космоса в необходимости экспансии. Я действовал осторожно. Понадобилось время, чтобы подкупить нужных людей в их окружении. Но я сделал это! Жаль, на Берестейской внезапно сменилась власть, иначе альянс расширился бы…

Сайгон вспомнил нового императора Берестейской. Борис отвергнет любое, даже самое выгодное предложение Фиделя. А ведь Сайгон едва не убил толстяка в спортивном костюме…

— Пойми, малыш, надо — надо! — расшевелить людей, заставить их подняться на поверхность. Пора! Пора строить новый дивный мир!

Одна рука Сайгона коснулась цевья автомата, пальцы другой — пистолетной рукоятки. Где же Че?!.. Оборачиваться нельзя, Фидель заметит.

— Альянс вот-вот начнёт штурм Шулявской, а затем и Берестейской. Если уже не начал. Но это уже суета сует!

Берестейская. Оттуда до Святошина рукой подать.

Сайгону нужно домой!

Жаль, Фидель принял окончательное решение.

И нажал спуск.

* * *

Но случилось чудо: его автомат заклинило.

Слишком много чудес в последнее время. И пусть, Сайгон с судьбой потом расплатится.

У команданте не будет второй попытки — фермер вскинул свой АК, и…

Щелчок. В магазине пусто! А ведь это был последний магазин!..

Сайгон истратил все патроны на белых обезьян. Ничего, он справится с Фиделем голыми руками. До ножа сейчас не добраться, в рюкзак засунул, когда переодевался…

Прыгать на врага, будучи одетым в РЗК весом в четверть центнера да с рюкзаком за спиной, — это нечто. Лучше бы воспользоваться луком, но… Поздно. Сайгон подмял команданте и вцепился ему в горло. Хриплое дыхание. Багровое лицо. Пальцы сильнее вминаются в напряжённые мышцы. Ещё совсем недавно Лектор едва не задушил Сайгона, теперь всё иначе. Ещё чуть-чуть, и…

Если удача была на стороне святошинца, то недолго.

Глухой удар расколол череп пополам. Так Сайгону показалось.

Он разжал пальцы и упал на Фиделя. Тот сразу столкнул его с себя.

Сайгон увидел над собой Че с автоматом в руках. Прикладом в макушку, значит?

Последнее, что услышал Сайгон, перед тем как потерял сознание, это приказ растамана:

— Запускай машину! И да пребудет с нами Джа!

И всё: мгла, тишина и великое ничто.

* * *

Почему они не добили его? Вряд ли из милосердия. Скорее потому, что были слишком близко к своей цели и она магнетизировала их, опьяняла. Просто забыли о Сайгоне.

Ему не прострелили голову. Его даже не обыскали. Забрали только рюкзак, колчан и автомат. А ведь у Сайгона есть пистолет,

тот самый ПМ, в магазине которого патроны с трассирующими пулями. Вообще-то фермер огнестрел недолюбливал, но в особых случаях им не гнушался. Вот только пистолет за поясом, под слоем одёжек РЗК…

Он очнулся в лужице крови, натёкшей из раны на голове.

Череп вроде цел, просто кожа ссажена.

Видать, из-за лужи Че и решил, что одного удара Сайгону хватило. Нет, брат. Эта башка покрепче тюбингов будет… Кротовья кость.

Стараясь унять чудовищную боль, Сайгон приподнял веки самую малость.

Проходческий комплекс вгрызался в грунт, медленно направляясь к водам Днепра. Че и Фидель стояли на площадке у пульта управления. Стащив с себя тяжёлые РЗК, они наблюдали, как первые куски породы подаются конвейером в вагонетки. Че подпрыгивал на месте, тряся дредами. Рюкзак Фиделя, полный взрывчатки, стоял в ногах у спасателей. Быть может, команданте купил динамит на тот случай, если щит окажется неисправен и заводить Днепр в метро придется взрывами?

До Сайгона никому не было дела — как и до Павла Терентьевича. Трупы как трупы.

Ничего, дед Паша, я за вас поквитаюсь. В руке лежит пистолетная рукоять — оружие удалось-таки выудить. Патронов в магазине должно остаться два или три. Давайте считать, что два. Лучше приятные сюрпризы, чем неприятные.

Сайгон долго целится.

Целую вечность целится.

И жмёт на спуск.

Звук выстрела тонет в грохоте работающего щита.

Но мимо, пуля уходит в никуда. Фидель и растаман ничего не замечают, они слишком заняты своим успехом.

Чёрт! Чёрт! На этот раз Сайгон целится тщательней, то есть вдвое дольше. И вроде расстояние небольшое — метров двадцать, но…

Опять мимо.

Во рту пересохло, пальцы дрожат. Два патрона было или всё-таки три?.. Он колеблется, не решается проверить. Казалось бы, что может быть проще — посмотреть, есть ли в стволе патрон, но Сайгон не может заставить себя это сделать!

И тут, смеясь, Фидель оборачивается. Не мигая, он смотрит прямо в глаза Сайгону. Радость Фиделя сменяется гневом. Как же, презренный крот желает помещать его великой миссии! Недобитый фермер пытается остановить самого команданте!

Фидель трогает растамана за плечо — мол, ещё попрыгаешь,

у нас проблема. Че вскидывает автомат. Ещё доля секунды — и веер пуль вопьётся в тело Сайгона. И потому святошинец — совсем не целясь! — жмёт на спуск. Трассирующая пуля ударяет в рюкзак Фиделя.

Вспышка.

Грохот.

И вновь темнота…

Глава 25
КОЗЫРЬ В РУКАВЕ

Когда Сайгон пришёл в себя, от дыма першило в горле, дышать было нечем.

Голова раскалывалась так, будто её отделили от шеи, растоптали, а потом, кое-как слепив, вернули на место.

Под потолком светила лишь одна длинная лампа-цилиндр. Уцелела, надо же. Удивительно вообще, что свод не рухнул, всё-таки рвануло по-взрослому. Сайгон, сдвинув с себя лист жести, выбрался из-под обломков «Маруси». Как говорится, аппарат восстановлению не подлежит. Да и не надо, если учесть, как щит собирались использовать.

В паре метров от себя Сайгон обнаружил АК с примотанным к нему фонарём. Пустой автомат ему, конечно, без надобности — разве что в качестве костыля или дубины, — а вот фонарь при таком скверном освещении очень даже пригодится. К тому же Сайгону ещё предстоит путь обратно, а он не умеет видеть в темноте, в отличие от Лектора и покойных Фиделя и Че.

Покойных?.. Тел спасателей видно не было, что неудивительно, учитывая, какой бардак в зале царил после взрыва. Слишком близко к взрывчатке находились команданте и растаман — их, должно быть, разорвало в клочья. Если уж металл так раскидало, что говорить о податливой людской плоти? Фидель и Че мертвы. Сайгон повторил это вслух:

— Они мертвы.

И ещё раз:

— Мертвы.

Он всё ещё не мог поверить, что эти люди, с которыми его столь многое связало, оказались сволочами.

— Их больше нет. Они просто не могли выжить после взрыва. А значит…

Это значит, что Сайгон никогда не узнает, что случилось с его отцом. Тайну губной гармошки Фидель унёс с собой в преисподнюю. Отец, где ты? Что случилось с тобой? Как мог ты отдать любимый инструмент Фиделю, этому лживому подонку?!..

Не о том думаешь, Серёженька. Вспомни слова команданте. А сказал он…

…Альянс вот-вот начнёт штурм Шулявской, а затем и Берестейской. Если уже не начал…

Проходческий комплекс, последняя надежда обитателей метро на светлое будущее, уничтожен. Война может начаться в

любой момент. А Сайгон на Днепре прохлаждается! Надо уходить отсюда, надо как можно скорее вернуться домой! Предупредить! Спасти! Подготовиться хотя бы к первому столкновению…

Кого ты обманываешь, Серёженька?

Себя, кого ж ещё. Больше тут никого нет.

А вот и неправда. Есть.

* * *

Сначала это был просто шелест, будто крыса пробежала. Потом — отчётливые шаги.

Сайгон обвёл мутным взглядом пространство вокруг себя — помещение просто кишело мутантами! Белые обезьяны спустились в подземелье, чтобы погреться на горячих после взрыва обломках. Сайгон замер, стараясь не привлекать внимания тварей. Он — кусок металла, обломок проходческого комплекса, он никому тут не интересен. Не человек, не крот — всего лишь кусок металла!..

Уточнение: холодный кусок, очень холодный!

А металл не должен беспокоиться о том, что в пистолете закончились патроны, что нож в рюкзаке и шестерни там же, а где рюкзак — неизвестно, но, наверное, там же, где и колчан с луком и стрелами. Но уж коль Сайгон не побоялся напасть на Фиделя с голыми руками, то с какими-то мутантами он справится одной левой на раз-два-три, верно?

Хотелось бы верить. Только что-то не очень получается.

Обезьяны, ухая и кривляясь, кружили вокруг Сайгона. Щеря слюнявые клыки, постепенно они приближались. Это напоминало церемонию, которую каннибалы собирались провести, прежде чем сожрать святошинца. Как начались его приключения, так и закончатся. Потому что сейчас у Сайгона нет ни единого козыря в рукаве. Финита ля комедия.

Или же всё только начинается?!

— Ну и начадили тут! — Голос был настолько знакомым, что Сайгон отказался верить в его реальность. Откуда здесь?! Быть такого не может! Опять у него галлюцинации?!..

Ведь это был голос не кого-нибудь, а Светланы, дражайшей супруги.

Белые обезьяны засуетились.

Вожак — он отличался от сородичей массивной фигурой — поднялся на задние лапы и коротко, но громко взвизгнул. Обезьяны, как по команде, оскалились и зарычали.

— Привет, милый. Ну и компания у тебя. Нашёл с кем

связаться. Неужто на такого красавчика никто больше не позарился? — Голос звучал из-за границы освещённой лампой зоны.

Сайгон направил туда луч фонаря.

— Ты не рад видеть меня, милый?

Светлана, как есть Светлана! И не одна, а с Лектором и Гильзой. И ещё с какими-то двумя красотками, судя по надменным рожам и длинным косам, девицы эти — амазонки не самого последнего разряда. Но как они здесь очутились?!

И даже не это главное. А главное сейчас…

— Светка, беги!!! Беги отсюда, слышишь!!! Тут мутанты!!! Беги!!!

Но вместо того, чтобы взять стройные ножки в ручки, Светлана шагнула к Сайгону:

— Я устала ждать тебя, милый. Из-под земли достану, помнишь?

Сайгон помнил. Новогодняя ночь, он собирается в небольшую увеселительную прогулку по туннелю, ненадолго, на часик-другой…

— …*Если до утра не вернёшься, я тебя из-под земли достану.*

— *Тсс! Андрюшку разбудишь.* — *Он затворил за собой скрипучую дверь…*

Считаные дни назад это было. А не верится.

Вожак белых обезьян ещё раз коротко взвизгнул.

И мутанты атаковали.

* * *

На сей раз они навалились всем скопом. Сообразили-таки, сволочи.

Но вот беда, им пришлось разделиться, чтобы действовать на два фронта. И если Сайгон ничего не мог им противопоставить, кроме своих кулаков, то Светка и её команда ударили по тварям из автоматов. Даже Гильза предпочла АК неизменному ридикюлю.

Бой длился секунд двадцать, не больше. Только слегли под очередями первые мутанты, у остальных сразу пропал интерес к людям, и сколько вожак ни визжал, ему больше не удалось сплотить их ряды. Светлана оборвала его трели пулей в голову.

— Свет… Свет, это ты? Это правда ты?

По щекам потекло горячее. Кровь? Сайгон утерся грязной ладонью, посмотрел на нее тупо. Нет, не кровь. Слезы.

Сколько раз он за последние дни бредил Светкой… Видел ее

— и соблазняющую, и гибнущую, и зовущую… И всегда это оказывалось мороком, кошмаром, обманом. Как поверить, что именно сейчас она — настоящая? Вдруг он сейчас лежит под обломками породы, прижатый тысячей тонн камней, и до смерти осталось несколько секунд, а раздавленный мозг милостиво напоследок показывает ему фальшивую картину спасения?..

— Это правда я. — Она улыбается.

— Но как вы прошли через Арсенальную? — строго спрашивает у нее Сайгон.

Нет, не может она быть настоящей. Арсенальную Че и Фидель штурмовали с пулеметами и отступили. Чудовища, которые обитают на ней, не пропустили бы через проклятую станцию выводок баб…

— Там нет чудовищ. Это просто свет… Лампы мерцают так, что почти у всех случаются приступы. Все по науке, — произносит она.

Тогда Сайгон, все еще не веря, медленно подходит к Свете, протягивает к ней руки и осторожно притрагивается к ее щеке. И по ее щеке тоже сбегает быстрая капля.

— Ты живая… — удивленно говорит Сайгон.

— Ты тоже. — Она смеется и плачет одновременно. Сайгон запускает пальцы ей в волосы, гладит затылок, подносит ее губы к своим и впивается в них. Долго не может оторваться…

— Ты — живая! — говорит он наконец уверенно.

* * *

Сайгон взглянул на Лектора, который делал вид, что занят обнаруженной на шароварах дыркой. Гильза изучала свой маникюр. Зато амазонки, с которыми святошинец не был знаком, пялились на семейную парочку с нескрываемым любопытством.

— Как вы узнали об Арсенальной? — Сайгон никак не мог успокоиться.

— Рассказал один умный человек, перевозчик-плотогон с затопленного участка между Нивками и Берестейской. Интересно было с ним поболтать. Особенно после того, как он едва не утопил меня и девчонок.

Мускулистые амазонки заулыбались. Видно было, что они только искали повода, чтобы поговорить с мужчинами о половом равенстве с позиции силы.

— Он обмолвился, что перевозил странную троицу, — сказала одна из них. — Ну а дальше мы живо его разговорили. С перепугу рассказал всё, что знал о жизни в метро. В том числе и

об Арсенальной. Было очень познавательно. Но жизнь ему это не спасло.

Что ж, так Харону и надо. Надо было сделать выводы и завязывать с ремеслом.

— А кто вы, прекрасные дамы? — кивнул он амазонкам.

Те сразу приняли гордый и независимый вид.

— Это Маша и Даша, мои тело… хранители. Да, девочки? — Светка озорно подмигнула амазонкам.

Те покраснели и отвели глаза. Складывалось впечатление, что хранение тела осуществлялось не только днем, но и ночью. Ну ничего, об этом Сайгон ее еще попозже расспросит.

— Оказалось, что на Нивках тебя хорошо помнят. Наина — та женщина, что купила у нас франшизу, — очень расстроилась, когда узнала, что тебе пришлось провести какое-то время в тюрьме. А когда я пришла на станцию, она хорошо приняла меня и попросила Дашу и Машу отправиться со мной. Девушки любезно согласились и, надеюсь, не пожалели об этом.

Амазонки покраснели ещё сильней.

Дальше Светка поведала, как они прошли через всё метро. Политех и Вокзальную проскочили транзитом, благо у этих станций договорённость с Нивками, а Сайгоновой жене не составило труда прикинуться правоверной феминисткой. На Университете Светлана заглянула к управляющему филиалом. У него-то она и встретила Гильзу с Лектором. Слегка оклемавшись, парочка собиралась вслед за спасателями. Управляющий — учёный, объяснил Светлане, как защититься от ламп Арсенальной, и даже подарил ей несколько пар солнцезащитных очков.

— Божился, что отдаст долг и восстановит ферму. Кстати, именно из-за мерцания ламп эти человекоподобные мутанты, — Светка кивнула на трупы белых обезьян, — отсечены от прочего метро. Но однажды лампы погаснут…

На Крещатике выяснила, что совсем недавно тут прошли люди, которые скупили чуть ли не весь станционный арсенал патронов. Вели группу, мол, два маньяка, которые в своё время сманили в поход на Арсенальную троих юнцов, и все трое сгинули навсегда. К сожалению, узнали подонков не сразу и задержать не смогли.

— Погоди, Свет…

— Что?

— Тише…

Показалось? Наверное, показалось.

Нет же, вот опять! Словно бы чей-то стон… Откуда это?

Медленно Сайгон подошёл к искорёженному листу металла,

части внутренней обшивки «Маруси», — наклонился, отодвинул лист.

Под ним лежал Фидель. Живой!

Недолго ему оставалось. Нет руки, нет ноги, из живота кусок вырван, кишки наружу…

А он улыбается.

— Здорово, малыш!

— И тебе не хворать. — Сайгон навис над умирающим. Как он вообще говорит? Любой другой давно бы уже на земле предков с Джа разговаривал, а этот уцепился за наш грешный мир когтями и зубами и все не подохнет никак… Ему, наверное, было сейчас чудовищно больно. Но он улыбался.

На миг Сайгон забыл, что Фидель хотел его убить, что собирался затопить все метро… В нем вдруг проснулось снова уважение к этому железному человеку, к этому обаятельному негодяю. Почти что нежность…

Сайгон вытащил из кармана Фиделя губную гармошку.

— Эта подпись Боба Дилана дорого стоит, да, команданте? Я выполнил свою часть договора, теперь твоя очередь.

— О чём ты, малыш?

Сайгон стиснул зубы так сильно, что кусочек откололся. Даже перед смертью Фидель издевается над ним.

— Где ты взял эту губную гармошку?!

Сзади подошла Светка, положила руку мужу на плечо. Он отстранился: не до нежностей сейчас было.

— Где?! Где взял?! Говори!!!

Фидель беззвучно рассмеялся, на губах пузырилась кровь:

— Как где? Я же твой папашка. Забыл, как на Берестейской передо мной рыдал?

…Я — твой сын. Меня зовут Сергей Ким. Я — твой сын! Моя мать…

Сайгон мгновенно вскипел, размахнулся губной гармошкой, чтобы вышибить Фиделю зубы, и лишь усилием воли заставил себя не делать этого. Светка смотрит, нельзя при ней. Нельзя, чтобы жена видела его таким!

— Просто скажи мне, где ты взял эту чёртову губную гармошку?

— И что… мне за это… будет? — Фидель издевался, точно.

Сайгон глубоко вдохнул, выдохнул и пожал плечами:

— Я дам тебе спокойно умереть. Разве этого мало?

Фидель улыбнулся в ответ — он знал, что обречён. Сайгон ничего не мог предложить ему. Разве что… Спокойно умереть, да? А что, это мысль. Может сработать. Он подозвал Лектора:

— Как думаешь, братишка, понравится тебе вкус печени этого

ублюдка?

Лицо Фиделя, и так бледное от потери крови, стало цвета молока.

Лектор пообещал не дать пище сдохнуть, пока та не пройдёт через все муки ада.

— Ладно… Убери людоеда… Скажу…

Святошинец кивнул нигерийцу, чтобы тот пока не отсвечивал.

— Не хотел говорить, но ты… Ты меня заставил, малыш… И теперь тебе придётся с этим жить… Сам виноват…

— Не тяни, — оборвал его Сайгон. — У тебя не так уж много времени.

— Я взял эту губную гармошку у одного человека. Когда-то его звали Николай Ким.

Сайгон вздрогнул. Он ожидал услышать нечто подобное, но всё-таки…

— Где это было? Когда?! — Сердце готово было выпрыгнуть из груди от волнения. Сайгон почему-то верил каждому слову умирающего Фиделя, как самому себе.

— На Петровке, станция такая. А потом Николай принял другое имя… Он умер, как умер весь старый мир, вместе с Гагариным и квантовой физикой, — прошептал Фидель. И протянул Сайгону маленькую затёртую фотографию.

С цветной картинки на Сайгона смотрела его собственная мать, ещё совсем молодая. Рядом, обнимая её за талию, стоял мужчина, очень похожий на Фиделя. Мужчину за шею обхватил маленький Серёжа Ким, года четыре ему тут, не больше. Мать улыбалась, просто лучилась счастьем. Она положила голову мужчине на плечо.

А ведь это точно Фидель. Только моложе лет на тридцать.

Фидель и есть его отец?!..

Слёзы текли по лицу Сайгона. Он слышал, как Светка велела амазонкам и Лектору ждать в сторонке и не мешать.

Фидель — его отец… Отец!!!

— Ты… ты мой отец?

— Я был твоим отцом. Но того человека давно нет. Твой отец умер.

А-а, ну как же, Сайгон помнит: отринуть суетное, забыть родню ради великой цели. Это проповедовал растаман… А что, если хорошенько покопаться в обломках, может, и Че жив, просто притаился и ждёт, пока его оставят наедине с его безумием?..

Глаза Фиделя — Николая Кима! — остекленели. Всё. Умер.

Святошинец опустился рядом с телом. Он не знал, что и думать, как быть. Слишком много всего навалилось сразу. Любовь

к отцу — и ненависть к предателю, маньяку. Сайгон убил отца, которого столько лет мечтал найти. Или — убил сволочь, которая едва не утопила семью Сайгона, едва не уничтожила всё метро… Чем больше он думал об этом, тем глубже проваливался в отчаяние. Если бы в пистолете остался хоть один патрон, пуля уже продырявила бы висок.

— Не вздумай винить себя! — Светлана прижалась к мужу и протянула ему запорошенный пылью рюкзак. Его рюкзак. Затем — заляпанный машинным маслом колчан.

На этот раз Сайгон не стал ее гнать.

Он пнул ногой губную гармошку. Та затерялась среди обломков.

Фидель — отец! — сказал, что он с Петровки, а это Куренёвско-Красноармейская линия. Но ведь известно, что, кроме Святошинско-Броварской ветки, от киевского метро ничего не осталось. Двадцать лет не было вестей с зелёной и синей линий. Неужели они всё-таки уцелели?!..

Не о том думаешь, Серёженька. Честно, не о том. Просто прими к сведению: Петровка себе и Петровка. Сейчас надо действовать, а не размышлять.

— Эй, Лектор. Нужна твоя помощь, братишка. — Сайгон протянул нигерийцу нож и указал на тело отца: — Отрежь ему голову. Очень надо.

— Что?!..

— Что слышал.

Глава 26
МЕДУЗА ГОРГОНА

Помните греческий миф о Медузе Горгоне?

Глупец, посмотревший в глаза чудовищу, превращался в камень. Примерно то же произошло с Крыгой, казацким атаманом, когда Сайгон кинул ему под ноги голову Фиделя.

…Над правой бровью темнела маленькая родинка, а щёку рассекал заметный шрам. Ямочка на подбородке. У Сайгона такая же…

— Этот человек… он обманул меня и едва не затопил метро. Он хотел, чтобы река хлынула в туннели и все погибли. Все. И ты, и я. Он ненавидел метро.

Гетман подобрался, усы встопорщились. Длиннющие казацкие усы. Сейчас он был похож на огромного волка, вдруг ставшего человеком.

— Почему ты рассказываешь мне об этом?

— Потому что он обманул и тебя, атаман. Ты проиграешь войну, альянс обречён на поражение. Вся ваша затея — провал! И ещё… Космос просил передать: не серчай на него, гетман, он в отказе.

Напряжённое сопение в ответ. Холёный ноготь, на зависть девушкам с Нивок, скользит по длинному усу. Ус мотается на палец.

— Выпьешь со мной? Водки? — Гетман хитро смотрит на Сайгона, ждёт правильного ответа.

Сайгон знает какого:

— Говорят, в Сечи делают отличную перцовку. Не откажусь, пан атаман. С пампушками в самый раз будет.

…Покидая Метро-Сечь, святошинец так и не понял, сумел он убедить Крыгу или нет. Ну да время покажет. Говорят, где казак прошёл, там двум караванщикам делать нечего.

А если дело имеешь с целым гетманом?..

* * *

За день до разговора с Крыгой пришлось побывать на Вокзальной.

— Слышь, браток, а Сайд где?

Опять он здесь, и опять хочется раздеться и бегать по джунглям, потеряв рассудок. И как только урки переносят

отупляющий запах дурмана? Иммунитет, не иначе.

Поговорив с местным отребьем, амазонки быстро решили вопрос прохождения Вокзальной. Светка посмеялась ещё: девчонкам так понравилось разгуливать в солнцезащитных очках, что линзы скоро прирастут к их глазам. Правда, в полумраке у блокпоста амазонки выглядели очень внушительно, хоть и рисковали оступиться и набить себе шишек.

Оружие, скупые фразы, дно общества… Американское кино о гангстерах. Сайгону вдруг захотелось в кинозал, и чтоб ему дали попкорн. В детстве ему нравилось ходить в кино… Он легко подавил это желание. Он — крот. А крот не вспоминает прошлого.

Легко ли?

Если честно — нет, нелегко. Нельзя забывать того, что было. Нельзя! Иначе всё повторится: и хорошее, и — главное! — плохое. Война, боль, беспредел — всё. И потому ради будущего нужно помнить прошлое.

— Чего? Сайд? Ты попутал, да? Эй, ручной? — Татуированный по уши урка хохотнул, смачно затянувшись косяком.

Заскрежетав зубами, Сайгон повторил вопрос.

Урка попятился, наткнувшись на его взгляд:

— Саид-то наш? Так ведь нет Сайда. Его ж Лёнчик зарубил. Мечом… этим… как его… самурайским, да! Знатный такой меч, из Японии, говорят.

Сайгон не стал переубеждать урку. Из Японии, так из Японии. Прямая поставка в киевское метро из подземки токийской. По специально прорытым туннелям.

— Слушай, а стоматолог ваш? Как он принимает? Много берёт? Я бы заглянул, а то когда ещё буду в ваших местах…

Урка выпучился на Сайгона, будто тот сказал что-то безмерно глупое:

— Так Сайд и был зубодёром. Его предыдущий научил, до того как помер. А у Сайда подмастерьев не было, так что всё, закончились зубодёры.

Вот оно как. Сайгон вспомнил здоровенного бандюгу в кожаной куртке, разговаривающего с заметным акцентом. Ручной дрелью, значит, пользовал?

Этот мог, да.

* * *

Обитель Скорби.

Припав к полосатому пилону, старик-смотритель тяжело дышал. Он знал, что его миссия подошла к концу.

Девушки и Лектор ушли вперёд. Этот разговор не для посторонних ушей. Это — личное.

— Здравствуй, Ункас. Здравствуй, брат.

Сайгон обнял изломанное жизнью существо, которое поначалу дрожало и норовило вырваться, а теперь обмякло и всхлипывало.

— Идём со мной, брат. Что ты здесь один, со стариком этим? Идём. Никому не дам тебя в обиду, веришь?

Ункас кивнул.

Оторвавшись от пилона, старик встал на пути братьев:

— А мой внук? Столько лет прошло, я так долго боялся за моего мальчика… Что с ним, как он, здоров ли?

Сайгон вспомнил своё видение, где он был в роли команданте, карающего обитателей Шулявской.

…увёл с собой рыжего мальца…

Зная Фиделя, легко предположить, что внук старика прожил очень недолго.

— Мой мальчик?..

Сайгон потупил взгляд и пожал плечами, мол, не в курсе:

— Извини, нам пора…

Позади грохнул выстрел. Звук падающего тела.

Братья не обернулись.

* * *

На Берестейской Сайгон удостоился личной аудиенции Бориса Первого. Всенародно избранный диктатор желали его видеть.

Заметно было, что на станции стало меньше попугаев. Новое руководство недолюбливало пташек, а подданные, чтобы доказать лояльность, приносили ко двору разноцветные маленькие трупы. Утверждали, что благосклонность бывшего начальника охраны после такого подарка гарантировалась.

— Фидель?.. — едва слышно спросил Борис Первый. Он восседал на троне, в котором угадывалось офисное кресло, обтянутое крысиными шкурками.

— Мёртв. — Сайгон и не подумал подавать толстяку руку. Мало ли, вдруг это суровое нарушение этикета? А на Берестейской, как известно, за любой проступок предусмотрено лишь одно наказание — смерть.

— Спасибо. — Жестом Борис показал, что аудиенция

окончена.

Сайгон не стал уточнять, за что его благодарят. И так понятно.

Напоследок он обернулся:

— Тут у вас игрушки ещё продают?

Вопрос удивил Бориса:

— Да. А что?

— Хочу сыну подарок купить. Займи жетонов, а? Я в дороге поиздержался.

* * *

Родная станция.

Дошли-таки. Даже не верится…

Сайгон и представить себе не мог, что так соскучится по белой плитке с орнаментом в центре путевых стен. Разграбленные давным-давно банкоматы вызвали у него приступ умиления. От вида кроватей, застланных кроличьими одеялами, на глаза навернулись слёзы.

Комок счастья, вереща, кинулся к нему со всех ног. Сайгон подхватил сына, обнял.

— На вот тебе. — Протянул Андрюшке игрушечный «Хаммер» с открывающимися дверцами. Затем представил сыну Ункаса, с опаской глазеющего по сторонам: — Это твой дядя Ункас, мой брат. Вы подружитесь.

Андрюшка осторожно протянул дяде ладонь, в ответ тот неумело её пожал.

Ничего, научатся ладить между собой. А если кто хоть слово скажет против брата или посмотрит криво… Сайгон зыркнул на толпу встречающих. Люди непроизвольно попятились. Оно и раньше у Серёги Кима взгляд был тяжёлый, а уж теперь…

Лектор смущённо топтался в стороне, явно не зная, что дальше делать. Гильза держала его за руку и отводила глаза, натыкаясь на взгляд Сайгона. Амазонка и нигериец теперь вместе. Парочка, понимаешь. Тили-тили-тесто, жених и невеста. Амазонки звали Гильзу с собой, но она отказалась расстаться с Лектором. Захотят, пусть селятся на Святошине — Сайгон предлагал уже замолвить за них словечко перед Матвеем Алексеевичем, начальником станции.

— Серёга, давай по чуть-чуть? — Неудавшийся мародёр Митька Компас щёлкнул себя по горлу.

По чуть-чуть?! Сайгон улыбнулся: а ведь дома, да? Дома!!!

— Спасибо, Митя. Устал я. Давай завтра?

Компас радостно закивал: завтра так завтра, замётано.

Сайгон вошёл в свой дом. В свой! Дом! Скрипнула панцирная сетка.

И вроде можно радоваться — вернулся, спас метро от вселенского потопа, но… Проблема перенаселения не решена. Линии всё ещё угрожает война за территории: Крыга не так прост, да и Космосу веры нет. А проходческий комплекс, единственный шанс расширить подземелье, взорван. И уничтожил его не кто-нибудь, а Сайгон…

Не встал даже, а вскочил. Как можно, зная всё это, спокойно валяться на кровати? А то, может, действительно по чуть-чуть для успокоения нервов?

Он притворил за собой скрипучую дверь, смазать бы, да всё некогда. Двинув на поиски Компаса, сунул руки в карманы. Что это? Вытащил лист бумаги.

Лист из блокнота немого метростроевца. Это же весточка от Павла Терентьевича! С того света! Сайгон вспомнил, как старик что-то сунул ему под РЗК на станции Днепр.

Ну и почерк! Он долго шевелил губами, пока разобрал буквы.

«Не только Днепр. Ещё и Герои»

Сайгон завороженно смотрел на записку мёртвого человека и никак не мог сообразить, что всё это значит. Что ещё за Герои и почему с большой буквы?.. И вдруг его осенило.

Он ворвался в крохотную каморку сына. Андрюшка испуганно посмотрел на него:

— Что-то случилось, папа?

С верхнего яруса сверкнули глаза Ункаса.

Следом за Сайгоном в одной ночнушке вбежала Светка. На шум явилась, нож прихватила. Мало ли кто вломился в детскую?..

— Всё нормально, любимая. Извини, сынок. Ункас, не волнуйся. Я сейчас, я быстро… — Сайгон прикипел взглядом к схеме киевского метро, что висела на стене у двухъярусной кровати. — Герои, значит? — подмигнул он сыну.

Андрюшка неуверенно кивнул в ответ:

— Наверное, папа.

— Точно, сынок! Точно, пацюк меня закусай!

Теперь Сайгон знал, что не всё потеряно. Есть ещё один проходческий комплекс! Есть! Именно на это намекал старый метростроевец! На станции Героев Днепра спрятан щит! Надо только отдохнуть денёк-другой — и отправиться в путь-дорожку.

— Зачем, милый? — Светка покачала головой.

— Как зачем? Осмотреться и вообще… В конце концов, на Святошинско-Броварской линии нам больше некуда развиваться,

везде есть филиалы мясной корпорации «Ким и сын». Да и война… Вдруг, сам того не желая, Фидель был прав, и резню можно предотвратить? — Сайгон обнял жену. — Если есть проход на Куренёвско-Красноармейскую линию, я обязательно его найду.

Светка вновь покачала головой, глядя на него с лёгкой тревогой. И потом улыбнулась так лучезарно, как только одна она умела:

— Ты изменился, Серёжа.

Сайгон пожал плечами:

— Может, становлюсь человеком?

notes

Примечания

1

Стихотворение Т. Шевченко (Здесь и далее прим. авт.)

2

С. Михалков, «Под Новый год».

3

Американская фирма «Истон» — основной мировой производитель стрел.

4

Отсутствие частоты — запрещающее движение и требующее остановки сигнальное показание «ОЧ» на указателе АЛС в кабине управления поездом.

5

Способность видеть в темноте.

6

Песня «Двадцать второго июня, ровно в 4 часа», слова Бориса Ковынева на музыку популярного вальса Ежи Петербургского «Синий платочек».

7

Добрый день. Как дела? (укр.)

8

Спасибо, всё хорошо! (укр.)

9

Верховная Рада — Украинский парламент.

10

Что есть, то есть. (укр.)

11

У него сорок бойцов, у Бориса. А может, больше. Если стрельба начнётся, много народу ляжет. (укр.)

12

Ориша — собирательное название божеств народа йоруба.

13

Левит 16:12 и 16:13.

14

Исайя 65:7.

15

Да пошёл ты! Мать твою! (укр.)

«Свобода. Равенство» (укр.)

17

СВД — Снайперская винтовка Драгунова.

18

Да что ж ты делаешь, чёртова девка?! (укр.)

19

Варта — стража. (укр.)

20

«Ещё не умерла Украина и слава, и воля», «Кто ты для матери Украины? Сын, брат или так, пустоцвет?», «Хороший москаль — мёртвый москаль!» (укр.)

21

А мову ты знаешь, чёртова девка? (укр.)

22

Вот вражеская сила! Лучше молчи, а то всех нас из-за тебя! (укр.)

23

Иди отсюда!!! Прочь!!! (укр.)

24

Никому не стрелять!!! (укр.)

25

Ржавчина никогда не ходит одна. Две, три, иногда четыре. Одна — никогда! А они уже дней шесть как бешеные, потому что голодные. (укр.)

26

Как твои дела, парень? (укр.)

27

Чего молчишь, как засватанный? Или он вправду засватанный? Или язык проглотил? (укр.)

28

Да нет, какой же он засватанный? Он москаль! (укр.)

29

Не смотри туда! (укр.)

30

Отвернись, говорю! Беду на всех накличешь, парень! (укр.)

31

Отрежьте мне руку! Я больше не могу! (укр.)

32

Цыц! Я кому говорю?! А ну цыц! Руку ему отрежь! А ещё чего?! (укр.)

33

В пещерах на территории Киево-Печерской лавры покоятся мощи более сотни «угодников Печерских». В том числе Илии Печерского — святого преподобного православной церкви, которого отождествляют с былинным героем Ильёй Муромцем. Нестора Летописца считают одним из авторов знаменитой «Повести временных лет».

34

Пан гетман, прошу, вот сюда! Видите, что оно такое? То, что нужно! (укр.)

35

А ну, обезьянка, садись на пальмочку! (укр.)

36

Мне нужен Крыга! Я знаю, как убить ржавчину! (укр.)

37

Говори, собака, что тебе от батьки надо! И молись, чтоб не убили тебя сразу! (укр.)

38

Оставьте нас! (укр.)

39

И как ты сделаешь это? (укр.)

40

Это уже моё дело! (укр.)

41

Именно так, сынок, именно так… (укр.)

42

Слова из песни «Скованные одной цепью», группа «Наутилус Помпилиус», автор текста — И. Кормильцев.

43

Че вольно цитирует песню А. Розебаума «Утиная охота».

44

Слова из песни «Сказочная тайга», группа «Агата Кристи».